

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования «Амурский государственный университет»

На правах рукописи

КИРПИКОВА ВИТАЛИЯ ВАДИМОВНА

**Специфика перевода художественных текстов с китайского
языка на русский (на материале произведений Янь Гэлин)**

Специальность 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-
сопоставительная лингвистика

Диссертация на соискание учёной степени кандидата
филологических наук

Научный руководитель:
кандидат филологических наук, доцент
Иванашко Юлия Петровна

Благовещенск – 2025

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	5
Глава 1. Современная китайская художественная литература в фокусе переводоведения.....	14
1.1 Перевод как искусство: сущность, эквивалентность и спе- цифика художественного перевода	14
1.2 Актуальные проблемы перевода	18
1.3 Современная китайская литература как объект переводче- ской деятельности.....	25
1.4 Семантические соответствия при переводе текста с китай- ского языка на русский	34
1.4.1 Референциальные значения	35
1.4.2 Классы слов в китайском языке и сложности их перево- да.....	39
1.4.3 Особенности китайского синтаксиса и связанные с ними сложности перевода.....	50
1.4.4 Прагматические значения	65
1.4.5 Внутрилингвистические значения	91
1.5 Выводы по главе 1	96
Глава 2. Особенности передачи семантических значений при переводе произведений Янь Гэлин	99
2.1 Материал и методика исследования	99
2.2 Способы достижения эквивалентности при передаче рефе- ренциальных значений	100
2.2.1 Способы достижения эквивалентности при передаче имен существительных	102
2.2.2 Способы достижения эквивалентности при передаче гла- голов	112

2.2.3 Способы достижения эквивалентности при передаче прилагательных	120
2.2.4 Способы достижения эквивалентности при передаче субстантивных словосочетаний	127
2.2.5 Способы достижения эквивалентности при передаче глагольных словосочетаний	136
2.2.6 Способы достижения эквивалентности при передаче коллокаций	158
2.2.7 Способы достижения эквивалентности при передаче синтаксических особенностей текста	168
2.3 Способы достижения эквивалентности при передаче pragматических значений	176
2.3.1 Способы достижения эквивалентности при передаче звукоподражаний	176
2.3.2 Способы достижения эквивалентности при передаче сниженной лексики	179
2.3.3 Способы достижения эквивалентности при передаче возвышенной лексики.....	183
2.3.4 Способы достижения эквивалентности при передаче имен собственных	189
2.3.5 Способы достижения эквивалентности при передаче случайных лакун	190
2.3.6 Способы достижения эквивалентности при передаче реалий	201
2.3.7 Способы достижения эквивалентности при передаче метафор и фразеологизмов	211
2.4 Способы достижения эквивалентности при передаче внутрилингвистических значений	223
2.4.1 Способы передачи внутрилингвистических значений, по-	

строенных на отношениях сходства морфемной структуры	224
2.4.2 Способы передачи внутрилингвистических значений, по- строенных на отношениях сочетаемости в структуре предложения...	227
2.4.3 Способы передачи внутрилингвистических значений, по- строенных на отношениях семантического сходства	230
2.4.4 Способы передачи внутрилингвистических значений, по- строенных на многозначности слов	231
2.5 Выводы по главе 2	233
Заключение	240
Список литературы	248
Приложение 1. Дополнительные примеры.....	271

ВВЕДЕНИЕ

Язык является самым важным средством общения социума, а перевод, в свою очередь, выполняет посредническую функцию, способствуя решению коммуникативных задач при взаимодействии носителей различных культур, при этом особое значение имеет принцип эквивалентности перевода тексту оригинала. Сам по себе перевод является сложным, многогранным и противоречивым процессом, на который влияет множество языковых и лингвокультурных факторов.

Неотъемлемым аспектом процесса перевода является и феномен непереводимости, связанный с объективными трудностями передачи семантических значений и других нюансов исходного текста на русский язык. К основным предпосылкам непереводимости относят различия в структуре языков, культурные особенности и т. д. В современной лингвистике есть несколько теорий непереводимости, однако, как утверждает А. А. Бурыкин, «любой текст может быть переведён с любого языка на любой другой язык», успешно демонстрируя это на переводе на английский язык теста одной из известных русских бардовских песен [Бурыкин, 2015].

Актуальность исследования обусловлена возрастающим интересом к восточноазиатской культуре и художественной литературе со стороны лингвистов-исследователей и широкой аудитории, что в свою очередь ведёт к необходимости создания переводных текстов на русском языке и выбора наиболее адекватных переводческих средств для их организации.

Степень разработанности проблемы

В современной лингвистике в последнее время упор делается на изучение вопросов достижения эквивалентности в процессе перевода, а также методов передачи различных видов значений – референциальных, прагматических и внутрилингвистических – с использованием средств русского языка [Акаев, 2021; Брыкина, Широкова, 2012; Косолапова, Бутузов, 2021; Латышев, Северова, 2017; Лим, 2017; Лукина, Пивоварова, 2018; Новицкая, Мон-

гуш, 2017; Нуриев, 2003; Павлова, Самарин, 2017; Сиривля, Кан, 2013; Смирнова, Ермишина, 2017].

Большое значение уделяется также причинам возникновения переводческих ошибок и их классификации. Многие авторы предлагают свою собственную классификацию переводческих ошибок, основанную на проведенных ими исследованиях, зачастую рассматривая конкретный тип текстов – общественно-политические тексты, художественные тексты, детскую литературу и т.п. [Абдрахманова, 2014; Баринова, Овчинникова, 2015; Болдырева, 2014; Бруслинец, 2016; Гу, Хуан, 2016; Зиновьева, Никулина, 2013; Куниловская, 2013; Мирашли, 2020, Мурзаков, 2020; Павленко, 2016; Станиславский, 2014; Степанова, 2010; Терентьева, 2020; Читаева, 2017; Шиляев, Байкова, 2020].

Многие исследователи рассматривают перевод в качестве вида художественного творчества. Данная позиция обусловлена тем, что переводческая деятельность во многом определяется спецификой целевой аудитории [Гарбовский, 2010] и требует от переводчика активного поиска оптимального решения, обеспечивающего эквивалентность текстов оригинала и перевода [Алексеева, 2015; Влахов, Флорин, 1980; Голубкова, Чирикова, 2017; Денина, 2015; Минерналов, 2018; Одилова, 2015; Рыженкова, 2007; Царёва, 2016]

В настоящее время основная часть исследований в области перевода сосредоточена на проблемах передачи прагматических значений. Это напрямую связано с тем, что стиль, регистр и эмоциональная окраска текста оказывают существенное влияние на восприятие произведения читателем – следовательно переводчики должны стремиться к использованию наиболее эффективных методов перевода, гарантирующих сохранение прагматических оттенков, заложенных в лексических и грамматических структурах исходного текста [Дубровская, Ольшевская, 2015; Осипова, 2018; Сарабайкина, 2012].

Большое внимание в современных исследованиях уделяется особенностям перевода художественного текста – основным правилам и алгоритмам, которые могут помочь переводчику в его деятельности [Акаев, 2021; Алимо-

ва, 2012; Ахмедова, 2021; Миронова, 2013]. Для этого составляются многочисленные учебные пособия, направленные на то, чтобы помочь студентам войти в мир теории и практики перевода [Велединская, 2010; Гарбовский, 2007; Илюшкина, 2015; Ревзин, 1964; Рецкер, 2007; Тюленев, 2004].

Большое значение для развития теории перевода имеют исследования, посвящённые именно области сопоставительного изучения языков. Как правило подобные исследования касаются какого-либо одного аспекта языка: грамматического строя, словарного состава либо стилистики определенных языков [Рецкер, 2007]. Современные авторы рассматривают причины возникновения переводческих ошибок, трудностей при переводе и способы их преодоления [Бай, 2019; Кравец, Блохинская, 2015; Ли, Ван, Чжи, 2024;], влияющие на процесс перевода грамматических особенностей языков [Сухина, Лескова, 2016; Шатравка, Борнякова, 2016; Сюй, Ли, 2021]. Особым вниманием современных исследователей пользуются проблемы перевода специфических групп лексики, например, говорящих имён [Залесова, Баженова, 2020], геральдических терминов [Стрельцов, 2023], голофрастических эпитетов [Щенникова, Баканова, 2023] и неологизмов [Боранкулова, Прошина, 2021]. Что касается способов передачи прагматических и внутрилингвистических значений, в сферу интересов современных учёных входят такие языковые явления как образные сравнения [У, Ли, 2023], разговорная лексика [Кулакова, 2019], игра слов [Сафина, Терпентьев, 2021] и т.д. Следует обратить внимание и на работы, посвященные проблемам перевода в определенной сфере, например, в детской литературе [Косолапова, 2023], киноиндустрии [Панкратова, 2022] или бизнесе [Неверова, Печенкина, 2019].

В китайском языкознании существует множество работ, посвященных теории и практике перевода китайской лексики на другие языки. Например, китайский лингвист Жэнь Цзин, рассматривая способы передачи китайских лакун на английский язык, выделяет три основных способа: транскрипция, замещение и калькирование [Ren, 2018]. Специфику передачи случайных лакун с китайского на английский анализируют и другие учёные [Li, 2024].

Чжан Сюйвэй же, рассматривая данный пласт лексики, говорит об особенностях передачи лакун с русского на китайский [Zhang, 2017], а Ху Гумин и Шэнь Мань, а также некоторые другие авторы – с китайского на русский [Hu, Shen, 2011; Li, 2017; Chen, 2018; Liu, 2018].

Многие китайские учёные занимаются поиском наиболее целесообразных способов перевода китайских идиом с китайского на другие языки, в том числе и на русский [Li, 2011; Zhao, 2025; Zhang, 2017; Wang, 2016; Zhang, 2017]. Особое внимание они уделяют специфике передачи идиом через призму культурного контекста [Chen, 2014; Wang, 2018; Yuan, Shang, 2018]. Некоторые авторы рассматривают перевод текста с точки зрения социальной семиотики [Luo, 2022].

Значительное количество китайских исследований, посвящённых переводу, направлены на помощь в изучении китайского языка иностранными студентами (см., напр., [Liu, 2021; Tang, 2017; Liu, 2020]) либо в изучении китайскими студентами иностранных языков [Qu, 2017].

Анализ работ, посвящённых данной тематике, выявил, что несмотря на высокий интерес ученых к рассматриваемой проблеме, многие ее аспекты рассматриваются в контексте европейских языков, таких как английский, немецкий, французский и т.д. Несмотря на то, что азиатские языки приобретают все большую популярность, большинство работ, посвященных китайскому языку, рассматривают лишь проблемы перевода отдельных видов специфической лексики, например фразеологизмов, и ее использования в определенных узких контекстах. Необходимость более подробного изучения проблем перевода лексических, грамматических, а также синтаксических значений определила выбор объекта и предмета диссертационного исследования, а также формулировку цели и задач.

Объектом настоящего диссертационного исследования являются переводческие сложности в китайском художественном произведении, **предметом** – способы их преодоления, а именно, способы передачи лексических,

грамматических, синтаксических и других языковых единиц с китайского языка на русский.

Цель работы заключается в выборе и описании средств перевода с языка оригинала – китайского, способствующих достижению эквивалентности при создании текста на языке перевода – русском – и в формировании параллельного корпуса китайско-русских текстов для системы автоматизированного перевода. Для достижения поставленной цели было необходимо решить следующие **задачи**:

1) рассмотреть современные проблемы перевода художественного текста;

2) изучить научные подходы к решению проблем передачи референциальных, прагматических и внутрилингвистических значений, заключающихся в лексических, грамматических и синтаксических единицах;

3) систематизировать языковые сложности художественного перевода для разноструктурных китайского и русского языков;

4) определить наиболее продуктивные способы перевода лексических, грамматических и других единиц китайского художественного текста на русский язык;

5) сформировать корпус китайско-русских параллельных художественных текстов в системе автоматизированного перевода OmegaT;

6) подготовить к публикации переводы не изданных в России произведений Янь Гэлинь.

Материалом для исследования послужило пять произведений китайской писательницы Ян Гэлинь, а именно одна повесть «Тринадцать женщин Нанкина» / «金陵十三钗» и четыре рассказа «Квадратный Юэбин» / «方月饼», «Женитьба американского дипломата» / «美国外交官的婚姻», «Слепая девушка, что продавала красные яблоки» / «卖红苹果的盲女子», «Аманда» / «阿曼达».

Методология исследования. Теоретической базой исследования послужила теория уровней эквивалентности, согласно которой процесс перевода осуществляется на разных уровнях: слово, предложение, текст [Бархударов, 1975]. Кроме того, учитывалась типология эквивалентности перевода, исходя из которой выделяется всего три типа эквивалентности, а именно формальная, семантическая и коммуникативная [Комиссаров, 1990]. Важным было выбрать необходимые для проведения исследования виды переводческих трансформаций, в чём существенную помощь оказала концепция переводческих трансформаций Я. И. Рецкера [Рецкер, 2007]. Поскольку на процесс перевода значительное влияние оказывают лингвокультурологические особенности, теоретико-методологической основой исследования также являются исследования А. Д. Швейцера, посвящённые социокультурным аспектам перевода, подчеркивающие важность межкультурной адаптации переводного текста [Швейцер, 1988]. Также теоретической основой исследования послужила теория художественного перевода и основные ее положения, которыми мы руководствовались при проведении эксперимента, а именно – эквивалентность [Комиссаров, 1990], стилистическое воспроизведение [Комиссаров, 2002], трансформация культурного фона [Гарбовский, 2004], творческая свобода переводчика [Швейцер, 1988], литературная ценность перевода [Левин, 1998].

Выбор методов исследования обусловлен целью и совокупностью поставленных задач. При сегментации и переводе исходного текста использовались методы предпереводческого анализа и сопоставления, которые сопровождались применением системы автоматизированного перевода OmegaT (версия 4.3.3). В качестве наиболее оптимального переводческого решения использовался метод трансформационного перевода. Также использовались инструменты описательной статистики: вкупе со сравнительно-сопоставительным методом выявлялись группы лексики, частотность которых выше либо ниже в определенных жанрах текстов, что напрямую опреде-

ляло степень востребованности соответствующих языковых пар для переводчика, работающего с текстами того или иного жанра.

Научная новизна полученных результатов работы состоит в том, что в ней был разработан и описан комплексный подход к переводу текстов современной художественной литературы с китайского языка на русский при взаимодействии традиционных методов перевода с системой автоматизированного перевода. Впервые на материале нескольких произведений разного объема современного китайского автора Янь Гэлин выявлены наиболее продуктивные способы достижения эквивалентности. Впервые на материале этих произведений в автоматической памяти перевода накоплены пары языковых соответствий (предложений и слов) «китайский – русский».

Теоретическая ценность полученных результатов исследования состоит в выявлении спектра техник и частоты их применения при переводе с изолирующего китайского языка на флексивный русский при значительном изначальном расхождении лингвокультур с учётом взаимовлияния лингвокультур на современном этапе в эпоху глобализации, что углубляет наше понимание лингвистических и лингвокультурологических основ перевода в случае разноструктурных языков и принципиально разных культур.

Практическая значимость работы заключается в том, что предложены конкретные модели выбора переводческого действия при переводе художественных текстов с изолирующего китайского языка на флексивный русский. Сформирована и наполнена модель памяти перевода «китайский → русский» в системе автоматического перевода OmegaT, что послужит основой для более быстрого и эффективного автоматического перевода других произведений китайской современной художественной литературы. Полученные результаты также могут быть использованы в преподавании китайского языка, теории и практики перевода письменного текста.

На защиту выносятся следующие положения.

1. Из-за разницы в грамматических строях китайского и русского языков при передаче референциальных значений в основном происходят грам-

матические трансформации, которые нередко пересекаются с полным изменением лексических значений исходных языковых единиц.

2. Одним из определяющих факторов при выборе способов передачи pragматических значений с китайского языка на русский является контекст, особенности которого вынуждают переводчика применять различные лексико-семантические трансформации, изменяющие исходную семантику pragматически маркированной лексики, что обусловлено необходимостью в первую очередь воспроизвести для русскоязычного читателя эмоциональное воздействие, заложенное автором оригинала в языковые единицы.

3. Наиболее характерными для китайского языка внутрилингвистическими значениями являются те, которые построены на сходстве морфемной структуры слов. В большинстве случаев их передача на русский язык возможна, однако исходный образ, используемый автором, и точное значение будут искажены.

4. Высокая частотность некоторых групп лексических единиц в подкорпусах различных жанров речи свидетельствует о их востребованности как в переводческой среде, так и в системе преподавания китайского языка, что обуславливает необходимость создания банка китайских и русских соответствий, полезных как для практики языка и перевода, так и для систем автоматического перевода.

Достоверность и обоснованность научных результатов исследования обеспечивается комплексом методов, соответствующих цели и задачам исследования, объёмом проанализированного материала (одна повесть и три рассказа, в которых было выявлено 822 сегмента, содержащих 1041 лексических единиц, представляющих сложности для перевода). Достоверность полученных данных подтверждается результатами экспериментального исследования, выполненного с помощью системы автоматизированного перевода текстов OmegaT.

Апробация диссертации. Основные материалы, положения и выводы настоящей работы легли в основу выступлений автора на следующих научно-теоретических и практических конференциях и семинарах:

VII Международная научно-практическая конференция «Переводческий дискурс: междисциплинарный подход» (г. Симферополь, 2023); VIII Международная научно-практическая конференция «Переводческий дискурс: междисциплинарный подход» (г. Симферополь, 2024); X Международная конференция «Проблемы сохранения языков и культур России и Китая» (г. Благовещенск, 2024); IX Международная научно-практическая конференция «Переводческий дискурс: междисциплинарный подход» (г. Симферополь, 2025); X Международный научный конгресс «Филология. Социальная и национальная вариативность языка и литературы» (г. Симферополь, 2025); XII Международная конференция «Проблемы сохранения языков и культур России и Китая» (г. Хэйхэ, 2025).

Полнота изложения материалов диссертации в публикациях. Основные результаты выполненного исследования изложены в 7 печатных работах, из которых 3 опубликованы в научных журналах, включённых в Перечень ВАК РФ.

Структура диссертации. Работа состоит из введения, двух глав, заключения, списка литературы и приложения.

Исследование соответствует следующим направлениям паспорта научной специальности 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика: п. 2 – Терминологический аппарат лингвистики; п. 8 – Язык в контексте культуры; п. 11 – Языковая форма, семантика и pragmatika языка; п. 15 – Методы сопоставительного и типологического изучения языков. Типологические классификации; п. 20 – Лингвистическое переводоведение и его основные направления. Формы, виды и методы перевода; п. 21 – Применение статистических методов в лингвистике; п. 23 – Корпусная лингвистика.

ГЛАВА 1. СОВРЕМЕННАЯ КИТАЙСКАЯ ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА В ФОКУСЕ ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЯ

1.1 Перевод как искусство: сущность, эквивалентность и специфика художественного перевода

В лингвистике существует множество трактовок термина «перевод». Например, С. В. Тюленев говорит о том, что перевод представляет собой процесс точного воспроизведения текста на другом языке с сохранением всех особенностей текста оригинала. Это означает, что главная задача переводчика состоит в достижении максимальной эквивалентности исходного и переводного текстов [Тюленев, 2004]. Т. В. Жеребило отмечает важность сохранения коммуникативного эффекта, производимого текстом оригинала, а перевод рассматривает как средство передачи не только референциальных, но и прагматических значений, воспринимаемых читателем [Жеребило, 2010]. Л. С. Бархударов рассматривает перевод с точки зрения языковых явлений и закономерностей, которые влияют на передачу семантических значений [Бархударов, 1975], в то время как Н. К. Гарбовский представляет перевод как акт межкультурной коммуникации, подчеркивая важную роль социокультурного контекста, поскольку перевод подразумевает под собой не только перенос референции, но и адаптацию исходного текста к особенностям целевой аудитории [Гарбовский, 2007]. Следует обратить внимание и на концепцию С. Б. Велединской, которая рассматривает перевод в контексте психолингвистики. Она фокусируется на когнитивных процессах, лежащих в основе переводческой деятельности, и отмечает важность влияния личности переводчика на конечный результат этой деятельности [Велединская, 2010].

Следует отметить, что общая теория перевода и теория художественного перевода взаимопроникают друг в друга, при этом имея некоторые отличия. Общая теория перевода рассматривает перевод как универсальное явление, применимое ко всем видам текстов, независимо от жанра и стиля. Она занимается разработкой принципов и методов, применимых к любому типу

языкового материала. Общая теория перевода включает изучение лингвистических, социологических и психологических факторов, влияющих на процесс перевода [Федоров, 1983]. В то время как теория художественного перевода, напротив, сосредоточена на переводе художественных произведений. Она уделяет особое внимание сохранению эстетической ценности и эмоционального воздействия текста на читателя. Художественный перевод требует не только точного воспроизведения смысла, но и передачи стиля, ритма и атмосферы произведения [Комиссаров, 1990].

Основные положения теории художественного перевода включают в себя:

- 1) эквивалентность (создание текста, который передает художественный замысел и стилистические особенности оригинала, вызывая у читателей схожее впечатление) [Комиссаров, 1990];
- 2) стилистическое воспроизведение (точное воспроизведение стилистических характеристик оригинального текста) [Комиссаров, 2002];
- 3) трансформация культурного фона (адаптация культурного контекста, чтобы читатель воспринимал оригинал в своем национальном пространстве) [Гарбовский, 2004];
- 4) творческая свобода переводчика (именно переводчик решает, насколько близко придерживаться буквального соответствия и в каком объеме использовать свободные интерпретации) [Швейцер, 1988];
- 5) литературная ценность перевода (качественно выполненный художественный перевод сам по себе приобретает определенную степень литературной ценности) [Левин, 1998].

Основная задача переводчика – наиболее полным образом воссоздать систему смыслов, заложенных в тексте оригинала. Следовательно, понятие «эквивалентность» является одним из основных в теории перевода. В современной теории перевода понятие «эквивалентность» подразумевает соответствие текста перевода тексту оригинала. Она имеет объективную языковую основу и включает в себя представления о результате перевода, наиболее

близком к оригиналу, и о средствах этого результата. Максимальное совпадение между текстом на ИЯ и ПЯ очень важно, следовательно эквивалентность рассматривается как основной признак и условие существования перевода. Основными параметрами эквивалентности являются соответствия на уровне слова и текста [Межова, 2012].

Различные исследователи предлагают свои подходы к определению понятия эквивалентности. Например, Л. С. Бархударов считает, что перевод является эквивалентным, если содержит в себе нечто такое, что содержится и в подлиннике. Т. е. при переводе текста с ИЯ на ПЯ должен сохраняться какой-то определенный вариант, и сохранение этого варианта и определяет степень эквивалентности перевода. Он рассматривает эквивалентность как семантическую категорию [Бархударов, 1975]. Тогда как А. Д. Швейцер наиболее важным элементом считает коммуникативную установку и организацию речевого произведения [Швейцер, 1988]. Я. И. Рецкер под эквивалентом понимает постоянное, не зависящее от контекста соответствие, либо вариативное соответствие, в тех случаях, когда в ПЯ существует несколько слов, передающих одинаковое значение. Особое внимание он обращает на такое явление как контекстуальное соответствие, под которым понимает смысловые соответствия, использование которых зависит от определенного контекста [Рецкер, 2007]. В. С. Виноградов под эквивалентностью понимает «сохранение относительного равенства содержательной, смысловой, семантической, стилистической и функционально-коммуникативной информации, содержащейся в оригинале и переводе». Он также указывает и на то, что степень эквивалентности может варьировать. Это зависит от множества факторов, например, от характеристики исходного текста, формы перевода либо культурных различий носителей ИЯ и ПЯ. Ещё одним фактором являются индивидуальные особенности переводчика и школы перевода [Виноградов, 2001].

В. Н. Комиссаров выделяет три подхода к определению понятия «эквивалентность». Первый – как к «тождественности», «сохранению неизменного

плана содержания», однако по мнению С. В. Тюленева данный подход не совсем корректен, так как процесс перевода в любом случае подразумевает некоторое преобразование оригинального текста. Второй подход состоит в попытке найти в тексте оригинала инвариантную часть, а её сохранение является необходимым и достаточным условием для достижения эквивалентности [Тюленев, 2004]. Но В. Н. Комиссаров полагает, что данный подход «не отражает всего многообразия успешно обеспечивающих межъязыковую коммуникацию переводов». Третий же подход – эмпирический. Исследователь сопоставляет большое количество реально сделанных переводов с их оригиналами и выявляет какой вид эквивалентности реализуется в каждом случае. В. Н. Комиссаров также выделяет пять уровней эквивалентности, от уровня цели коммуникации до уровня слов, при этом говоря о том, что «эквивалентность перевода заключается в максимальной идентичности всех уровней содержания текстов оригинала и перевода» [Комиссаров, 1990]. В противовес ему В. Коллер говорит о том, что при переводе текста с ИЯ на ПЯ необходимо чётко установить иерархию ценностей, подлежащих сохранению в тексте перевода, а виды эквивалентности являются равноценными друг другу [Koller, 1995].

Н. К. Гарбовский также предлагает свою систему уровней эквивалентности: pragматический (адекватность); семантический (денотативный); семантический (сигнификативный) и синтаксический. Стоит отметить, что сам он считает данные уровни весьма условными [Гарбовский, 2007].

Понятие эквивалентности тесно связано с понятием адекватности. Как отмечает Н. К. Гарбовский, адекватность неразрывно связана с теми ожиданиями, которые на него возлагают участники коммуникации, и характеризует не столько соответствие перевода оригиналу, сколько его соответствия ожиданиям участников коммуникации [Гарбовский, 2007].

Некоторые исследователи считают необходимым разграничивать различные уровни адекватности. Например, Ю. В. Ванников выделяет несколько

видов адекватности, а именно семантико-стилистическую, функциональную, дезидеративную и волюнтаривную [Цит. по Гарбовский, 2007].

Однако существует мнение, что термин «адекватность» следует полностью вывести из научного оборота теории перевода, исходя из того, что «категория оценочности является естественным признаком категории эквивалентности». В. Н. Комиссаров опирается на теорию А. В. Фёдорова, который уподобляет адекватность полноценности [Комиссаров, 1990]. Однако Н. К. Гарбовский возражает, чётко разграничивая эти понятия. По его словам, «понятию адекватности, в отличие от понятия полноценности, оценочность не свойственна». Он полагает, что термин «адекватность» не является полным синонимом термина «эквивалентность», а «в переводе не все адекватно, что эквивалентно, и не все эквивалентно, что адекватно» [Гарбовский, 2007].

К. Раис и Г. Вермеер утверждают, что термин эквивалентность включает в себя не только отношения между отдельными знаками, но и между целыми текстами. Следовательно, эквивалентность знаков вовсе не означает эквивалентность текстов и, наоборот, эквивалентность текстов совсем не означает эквивалентность всех его сегментов. Адекватностью же они называют «соответствие выбора языковых знаков на языке перевода тому измерению исходного текста, которое избирается в качестве основного ориентира процесса перевода». Согласно К. Раису и Г. Вермееру, эквивалентность – это особый случай адекватности, «адекватность при функциональной константе исходного и конечного текстов» [Цит. по Швейцер, 1988].

1.2 Актуальные проблемы перевода

Работая с художественным текстом, переводчик сталкивается с необходимостью соблюдения специфических требований, диктуемых видом перевода. В силу этого от переводчика ожидается более высокий уровень профессионализма по сравнению с автором исходного текста. Духовное (эмоциональное) значение произведения и его воздействие на аудиторию напрямую зависят от окончательной формы содержания. Переводчик сталкивается с задачей всесторонне донести смысл исходного текста, стремясь к эквивалент-

ности перевода, то есть к максимально близкому смысловому соответствию между оригиналом и его переводом.

В первую очередь необходимо соблюдать нормы перевода – «совокупность требований, предъявляемых к качеству перевода» [Комиссаров, 1990]. Качество перевода оценивается по двум основным критериям: во-первых, насколько точно перевод соответствует общепринятым нормам перевода. Во-вторых, насколько сознательно переводчик отклоняется от этих норм для достижения определённой цели. Помимо соответствия нормам, важно преобразовать исходный текст таким образом, чтобы иноязычный читатель смог не только понять содержание, но и проникнуться его смыслом и постичь замысел автора оригинала. Это подразумевает прагматическую адаптацию текста к специфике восприятия целевой аудитории [Паршина, 2021].

А. В. Казакова, говоря об общих требованиях к переводу, выделяет следующие:

- 1) соответствие переведённого текста литературному жанру оригинала;
- 2) перевод должен полностью совпадать с оригиналом;
- 3) текст должен быть изложен чётко и без грамматических ошибок;
- 4) перевод не должен нарушать языковых норм.

При этом, ссылаясь на Л. Л. Нелюбина, А. В. Казакова отмечает, что во время работы с текстом может возникать ряд проблем, например, при переводе фразеологизмов, передаче авторского стиля и т.д. Снижение качества перевода может быть вызвано такими причинами как изменение смысла текста, неточностями перевода, буквализмами и нарушением смысловых связей [Казакова, 2000].

М. А. Сиривля и В. А. Кан в своей работе «Некоторые проблемы перевода художественных текстов» выделяют такие трудности при переводе как:

- 1) специфика перевода устойчивых выражений;
- 2) проблема перевода игры слов;
- 3) необходимость принятия во внимание культурных различий [Сиривля, 2013].

А. Т. Казакова в своей работе «Практические основы перевода» также говорит о том, что «текст может быть качественно переведён, если переводчик сосредотачивает внимание на передаче общих и универсальных понятий, а не преувеличивает непереводимость стилистических и эмоциональных компонентов текста». В. Н. Комиссаров же в случае значительного несовпадения языковых средств рекомендует использовать заменяющие друг друга лексические конструкции [Комиссаров, 1990].

Верной передачи с точки зрения грамматики, однако, недостаточно – одним из ключевых факторов эквивалентного перевода также является передача художественных особенностей текста оригинала. По мнению И. Огиенко, на которого в своей работе ссылается А. В. Казакова, важно не только перевести текст без ошибок, но и избежать буквализмов в переводе. В качестве еще одного критерия работы над художественным текстом он выделяет изучение эпохи, в которой жил и творил автор [Казакова, 2000].

Еще одна из основных трудностей передачи исходного текста заключается в том, что при переводе смысл текста не может теряться, измениться может лишь небольшая часть значений его элементов. Смысл текста составляют слова, синтаксическое значение предложений, супрасегментные элементы, лексико-семантические связи между словами и фразами.

К трудностям перевода художественных текстов можно отнести: обилие выразительных средств и понятий, высокую эмоциональную нагрузку, использование устаревших выражений и архаизмов, большое количество стилистических приемов. Перевод художественного произведения не сводится к простому воспроизведению слов. Он требует от переводчика креативности и глубокого понимания контекста, чтобы передать весь спектр смыслов, образов, эмоций и стилистических эффектов оригинала. Ведь именно это делает переводной текст понятным и легко воспринимаемым для русскоязычного читателя.

Ещё одной проблемой при переводе художественных текстов является различие между культурами. Часто эта разница отражается в объёме словар-

ного запаса, необходимого для описания конкретной темы. В случае, если культуры схожи, трудностей при переводе возникает значительно меньше, если же культуры совершенно разные, зачастую трудно найти необходимые для перевода эквиваленты [Павлова, 2017].

Неточность либо искаженность перевода порождается переводческими ошибками, большая часть которых, по мнению Н. К. Гарбовского, возникает из-за неполного или неправильного понимания исходного текста. По его мнению, ошибки на стадии расшифровки смыслов, заключённых в оригинальном тексте, могут затрагивать все аспекты текста как знаковой системы: прагматический, семантический и синтаксический [Гарбовский, 2007].

В своей статье «Роль переводческой ошибки в обучении переводу» О. Р. Абдрахманова придерживается мнения Е. В. Аликиной о том, что переводческая ошибка – это «результат сбоя в реализации переводческой стратегии». Под переводческой стратегией, вслед за Н. К. Гарбовским, она понимает «определенную генеральную линию поведения переводчика по преобразованию текста исходного языка в соответствии с коммуникативной целью в ситуации определенного вида перевода». Однако она ссылается и на таких исследователей как А. Д. Швейцер, который понимает переводческую ошибку как «отступление от содержательного соответствия перевода оригиналу», Р. К. Миньера-Белоручева, который считает переводческую ошибку «мерой несоответствия перевода оригиналу» и В. Н. Комиссарова, который отмечает, что переводческая ошибка – это «мера дезинформирующего воздействия на читателя» [Абдрахманова, 2014].

Н. К. Гарбовский выделяет несколько причин появления переводческих ошибок, однако сводятся они к одной первопричине: недостаточной образованности переводчика, которая проявляется как в недостаточном знании языка оригинала, так и в недостаточном знании «предмета мысли автора» [Гарбовский, 2007].

Как отмечает Е. В. Гавrilова, наличие трудностей перевода – неотъемлемая часть переводческой деятельности. Она считает, что подобные трудно-

сти сводятся к двум случаям: они возникают либо при осмыслении текста, либо при его перевыражении средствами другого языка. В своей статье «Как не уйти от трудностей перевода» она рассматривает такой переводческий метод как опущение, соглашаясь с зарубежными исследователями, которые считают опущение «прежде всего простейшим адаптационным инструментом, используемым для упрощения текста в стилистических и стратегических целях», при этом особо обращает внимание на то, что опущение может быть использовано, только если «опускаемый элемент неприемлем для аудитории или окажет на неё нежелательное воздействие» либо если «он не содержит полезной информации». Однако Е. В. Гаврилова признает, что такое подразделение случаев использования опущения достаточно условно, так как описывает лишь общий посыл, которым руководствуется переводчик [Гаврилова, 2014].

А. Д. Каксин в статье «Осознание и отражение в языке очевидности и понятности окружающего мира» отмечает, что точность перевода может быть нарушена вследствие различий в когнитивных моделях мира, присущих носителям разных языков. Эти различия обуславливают специфическое отражение действительности в каждом языке, что может привести к искажению или потере информации при переводе с одного языка на другой [Каксин, 2014].

М. К. Павлова и А. В. Самарин в статье «Проблемы перевода художественных текстов» выделяют несколько трудностей, возникающих в процессе перевода. Во-первых, это обилие выразительных средств и понятий, высокая эмоциональная нагрузка, большое количество стилистических приёмов. Решение этой проблемы авторы видят в наличии у переводчика фантазии и творчества, которые помогут ему передать необходимую информацию на языке перевода. Во-вторых, это проблемы перевода грамматических конструкций, которые по мнению М. К. Павловой и А. В. Самарина переводятся в два этапа: понимание их смысла и поиска необходимых соответствий для их перевода. В третью очередь авторы выделяют такую проблему как разли-

чия между культурами: люди одной культуры смотрят на окружающую действительность с точки зрения, отличной от мировоззрения других народов. Данная проблема по мнению исследователей является основной – в том случае если культуры схожи, возникает меньше трудностей при переводе [Павлова, Самарин, 2017].

Существует множество классификаций переводческих ошибок. Например, К. И. Ковалёва делит переводческие ошибки на следующие группы:

- 1) ошибочные опущения;
- 2) ошибочные приращения;
- 3) неадекватная, ошибочная замена информации.

А. Б. Шевнин же основывает свою классификацию на принципах психолингвистики и делит ошибки на:

- 1) ошибки восприятия (оригинал оказывается непонятым);
- 2) ошибки порождения (неудачный выбор средств языка перевода приводит к появлению искажений и неточностей);
- 3) ошибки восприятия-порождения [Цит. по Малёнова, Черкашина, 2013].

Рассматривая переводческие ошибки через призму китайского языка, А. К. Хабдаева и Цзи Шаша выделяют несколько причин их возникновения, из которых вытекают конкретные виды переводческих ошибок:

- 1) Невнимательное прочтение текста:
  - неточный перевод числовых значений;
  - неточный перевод имён собственных и географических названий;
  - пропуски.
- 2) Неточное понимание текста:
  - неполное понимание смысла слов;
  - недостаточное понимание культурного контекста;
  - неточности, вызванные наличием культурных лакун.
- 3) Недостаточное владение китайскими фразеологизмами [Хабдаева, Цзи, 2017].

Отдельно следует отметить объективные трудности перевода, обобщённые в понятии «академической непереводимости» Э. Н. Мишкуровым и М. Г. Новиковой. Для преодоления явления непереводимости авторы предлагают «герменевтическую парадигму перевода», которая представляет собой совокупность особых способов и приёмов передачи исходного текста, позволяющих переводчику сохранить их смысловую структуру, когнитивно-аксиологические и эмоционально-экспрессивные характеристики. Они выделяют несколько обязательных взаимосвязанных этапов переводческой деятельности:

- 1) *Предпонимание.* Выявление необходимой лингвистической и экстравербальной информации, анализ первичных вариантов значений различных элементов, попытки устранения когнитивных несоответствий языков оригинала и перевода.
- 2) *Понимание.* Преодоление «чуждости» исходного текста, уяснение системы его текстовых, подтекстовых и затекстовых смыслов.
- 3) *Интерпретация.* Выбор стратегии перевода, определение способов преодоления непереводимости, формулировка вариантов перевода, служащих основой для принятия окончательного переводческого решения.
- 4) *Переводческое решение.* Порождение вторичного текста, имеющего дискурсивную и прагматическую структуру, адекватную оригиналу, и учитывающего восприятие читателя [Мишкуров, Новикова, 2020].

Д. В. Шалимова считает, что решающее значение при переводе текста имеет именно вторая фаза, так как на этом этапе переводчик должен понять смысл всего произведения в целом в связи с его конкретными частями, а также осознать коммуникативное намерение автора. Понимание зачастую определяет особенности дальнейшей интерпретации исходного текста, т.е. выбора дальнейшей переводческой стратегии с учётом культурно-языковой среды оригинала. По мнению автора, два данных этапа процесса художественного перевода «есть понимание смысла всего произведения в единстве отдельных его частей и передача манеры автора и настроения оригинального

произведения», и именно от успешного их исполнения зависит адекватность текста на языке ПЯ [Шалимова, 2020]. Г. А. Мкртчян также отмечает, что тексты, содержащие важные культурные компоненты, должны быть досконально изучены ещё до начала процесса перевода. Он считает, что лучший способ избежать переводческих ошибок – это уделить наибольшее внимание процессу интерпретации исходного текста [Мкртчян, 2011].

1.3 Современная китайская литература как объект переводческой деятельности

Современная азиатская литература в настоящее время пользуется большой популярностью у российской молодежи. Из китайской литературы особой популярностью среди молодых людей пользуются произведения в жанре «сянься» – национального фэнтези на основе традиционной китайской культуры, даосизма, китайских боевых искусств, традиционной китайской медицины. Например, «Благословение небожителей», «Магистр дьявольского культа» Мосян Тунсю, «Хаски и его учитель белый кот» Жоубау Бучи Жоу, «Легенда о Чжаояо», «Синий шепот», «Защищи сердце» Цзюлу Фэйсян, «Три жизни, три мира» Тан Ци и т.д.

Азиатская литература привлекает молодых читателей своей самобытностью и оригинальностью. Однако в круг чтения молодых людей не входят произведения азиатских авторов, направленные на европейскую культуру. С особым интересом воспринимаются произведения, затрагивающие темы национальных мифов и легенд, а также повествующие о героях из мира боевых искусств Цзянху [Мурашова, 2023].

Современная китайская литература является уникальным и самобытным явлением в мировой литературе. Литература Китая конца XX – начала XXI века характеризуется глубокой традицией, изобилием художественных достижений, социальной направленностью и жанрово-стилевым многообразием, которое раскрывается не только через многогранность национальной проблематики, но также и через глубоко гуманистическое начало искусства слова.

В современном литературоведении китайскую литературу конца XX – начала XXI века делят на современную / 现代 и новейшую / 当代. В научном дискурсе данные понятия четко разграничены, однако в более широком смысле современную и новейшую литературу часто рассматривают под одним общим термином 现代文学 / современная литература, становление которой неразрывно связано с Движением 4 мая 1919 г. и переходом на разговорный язык байхуа, что позволяет воспринимать всю последующую литературную традицию как современную.

Существует несколько подходов к периодизации современной китайской литературы. Например, китайский филолог Ли Чуньюй разделяет современную китайскую литературу на три этапа:

- 1) литература первого десятилетия (1917-1927 гг.);
- 2) литература второго десятилетия (1928-1937 гг.);
- 3) литература третьего десятилетия (1938-1949 гг.).

Точной отсчета ученый считает публикацию в журнале «Новая молодёжь» статьи Ху Ши и Чень Дусю «Предварительные предложения по литературной реформе». В то же время, В. Ф. Сорокин предлагает схожую периодизацию, но в противовес Ли Чуньюю точкой отсчета предлагает считать публикацию рассказа Лу Синя «Записки сумасшедшего» (1918 г.).

В дальнейшем после образования КНР в 1949 г. на протяжении долгого времени не существовало отдельного термина для обозначения литературы, не имеющей политической ангажированности. Впервые термин «новейшая литература» появился в «Истории новейшей литературы Китая», написанной Хун Цзыченом в 1962 г. В данном труде этот термин имеет более нейтральную окраску.

Китайский ученый Ван Дэвэй также предлагает свою периодизацию новейшей китайской литературы, однако отправной точкой считает выступление Мао Цзедуна в Яньнани в 1942 г. Также существует альтернативное мнение, согласно которому отсчет истории новейшей литературы следует

начинать с момента образования КНР в 1949 г. и проведения в том же году I съезда Союза китайских писателей [Жуковец, 2023].

На сегодняшний день в состав Союза китайских писателей входит более 8 тыс. человек. В 2007 г. Китай открыл первый двуязычный сайт, созданный для пропаганды китайской литературы за границей – «China Book International». Открытие сайта было организовано Пресс-канцелярией Госсовета КНР, Государственным управлением по делам печати и издательства и компанией Google.

Этот сайт содержит в общей сложности 15 разделов, в том числе информацию о писателях, переводчиках, выходных данных и тиражах книг. Сайт публикует новости развития издательской индустрии в Китае, информацию о государственной политике в этой сфере, а также информацию о выходных данных книг, чем способствует экспорту авторских прав и печатной продукции из Китая [Лемешко, 2012].

Интерес советского культурного сообщества к современной китайской литературе, которая появилась после общественно-политического Движения 4 мая 1919 г., возник в 1920-е гг. В 1929 г. вышли сборники русских переводов современных китайских рассказов и повестей, и почти сразу же началось изучение современной китайской литературы.

Появление переводов современной китайской прозы неразрывно связано с Б. А. Васильевым, учеником выдающегося синолога В. М. Алексеева, который перевёл на русский язык знаменитую повесть Лу Синя «Подлинная история А-Кью» 1922 г. и издал сборник произведений этого автора. Его знакомству с творчеством Лу Синя способствовал счастливый случай: Б. А. Васильев работал секретарём Генерального консульства СССР в Китае, где познакомился с китайским переводчиком Цао Цзинхуа, который написал предисловие к русскоязычному изданию и автобиографию Лу Синя. После выхода этого сборника современную китайскую прозу начали переводить молодые китаеведы в Москве, самыми известными среди них были В. С. Колоколов и М. Д. Кокин [Шэ, Вэнь, 2021]. Вторым наиболее перево-

димым китайским прозаиком в Советском союзе в 1930-1940-е гг. являлся Мао Дунь. Его повесть «Колебания» и роман «Перед рассветом» были переведены на русский язык и выпущены отдельной книгой, что стало толчком к изучению творчества Мао Дуня. Б. А. Васильев заявлял, что его произведения отличаются «крайне острыми политическими взглядами», а его романы-эпопеи «затрагивают все аспекты социальной жизни страны». Также высокую оценку в СССР получило творчество Сяо Цзюня, так как в своём романе «Деревня в августе» попытался облечь в художественные образы антияпонскую борьбу народа Северо-восточного Китая, а тема романа «была одобрена и поддержана Советским государством, выступавшим против японской агрессии в Китае». Роман был выпущен сначала в журнале, а позже в 1939 г. вышел отдельной книгой.

Китайские произведения, вызвавшие резонанс в советском обществе, обычно характеризуются большим социальным влиянием автора, высокой идейной направленностью, новыми творческими темами и характерными художественными образами. В этих произведениях нашли явное отображение социально-исторические реалии Китая, они способствовали формированию у советских читателей понимания ключевых черт современной китайской литературы. Почти все они относятся «к левому флангу» китайской литературы, «как правило, непосредственно связанному с литературными организациями, именовавшими себя революционными».

Количество исследователей, специализировавшихся на переводе и изучении современной китайской прозы, было невелико. Большинство из них являлись молодыми учёными, которые бывали в Китае и имели непосредственные связи с китайской интеллигенцией. Благодаря этому они получили представление о современном состоянии китайской литературы. Они отбирали произведения в силу различных причин. Некоторые из них были переведены непосредственно с китайского языка, другие – с английского. Принципы и стратегии перевода также отличались, что свидетельствует о различии в подходах советских китаистов к проблеме художественного перевода. Тираж

же публикаций таких переводов, кроме произведений Лу Синя, был незначительным. Творения Лу Синя и Мао Дуня привлекли наибольшее внимание и высоко оценивались советскими литературными критиками, которые обращали внимание не только на их идеино-политические аспекты, но и на их художественные достоинства.

СССР – одна из первых стран в мире, где начали переводить современную китайскую литературу. В 1950-е годы стали выходить новые переводы, с гораздо большим объёмом публикаций, также появились исследовательские работы высокого уровня. На данный период пришёлся пик переводческой активности. Издательства по всей стране выпускали китайскую литературу большими тиражами, однако вследствие возникновения напряженности между двумя странами, распространение в СССР китайской литературы столкнулось со значительными препятствиями. Восстановление литературных контактов произошло только в 1980-е гг., вслед за нормализацией межгосударственных отношений, однако вернуться к показателям 1950-х гг. не удалось, несмотря на то что в этот период была переведена большая часть произведений, удостоенных всекитайских премий или вызвавших широкий общественный резонанс.

Однако после распада СССР в, в период с 1992 по 2009 гг. в России вышло только 20 отдельных изданий новейшей китайской прозы, а общий тираж всех изданий составил всего 106 тыс. экземпляров. Это обуславливается потерей поддержки со стороны государства. В условиях рынка и социально-экономических потрясений переходного периода издательства не были готовы финансировать перевод китайской литературы, которая не обладала очевидным спросом. Издание современной китайской прозы в данный период имело следующие характеристики: 1) малый тираж; 2) некоммерческий характер; 3) неидеальный выбор произведений; 4) ограниченная территория распространения; 5) ограниченное число заинтересованных издательств. Только начиная с 2005 г. отдельные издательства стали готовы к самостоятельному финансированию переводов и изданию новейшей китайской лите-

ратуры. Однако отсутствие переизданий, выпущенных в то время романов, свидетельствует об отсутствии большого резонанса и читательского интереса у российских читателей [Родионов, 2010].

В настоящее время наблюдается бум китайской литературы в России. Продажи китайской прозы в 2024 г. выросли более чем на 85%, лидером продаж стал заключительный том новеллы «Благословение небожителей» Мосян Тунсю. В целом спрос на произведения китайских авторов в январе-феврале 2024 г. вырос более чем на 80%. В лидерах продаж оказалась ещё одна новелла Мосян Тунсю «Система “Спаси-себя-сам” для главного злодея». По словам представителей издательств и маркетплейсов это можно связать с глобальным трендом на Азию, а также интересом к жанру китайского фэнтези как таковому, из-за высокого спроса издателям приходится увеличивать тиражи. Наиболее популярным писателем в России в 2024 г. стал Лю Цысинь, автор научно-фантастического романа «Задача трех тел» [Широкова, 2024]

А. М. Букатая в статье «Национальная идентичность в современной китайской прозе» отмечает, что современная китайская литература обладает рядом особенностей, а именно:

- *Особое отношение к словесности.* Литература выступает в качестве репрезентации культурного знака, осуществляя его передачу и интерпретацию, а также содействуя эволюции культуры. В китайской философской традиции культура и литература рассматриваются как самостоятельные явления, неотъемлемо связанные с вселенским пространством словесного творчества.

- *Историзм.* Автор ссылается на работы А. А. Маслова, который в своих трудах называет историю «ключом к пониманию китайской национальной психологии» и, используя исторический анализ, интерпретирует понятие национального единства и исследует генезис китайского национализма. Автор также подчёркивает, что чувство исторического прошлого и его коллективное переживание играют важную роль в сплочении китайского народа. А. М. Букатая также соглашается с М. Н. Корниловым в том, что «традици-

онное китайское мировоззрение всегда акцентировало внимание на контексте опыта».

- *Отражение особенностей национального самосознания в литературном опыте.* А. М. Букатая говорит о том, что «в настоящее время китайское национальное самосознание сочетает в себе современную идею возрождения национального величия со стремлением сохранить самобытность и исследовать локальные идентичности», а в литературе особое внимание уделяется идеи «поиска корней» / 寻根. В настоящее время наблюдается динамичное развитие как литературы, создаваемой в регионах Китая, так и китайской литературы за рубежом. Данное явление способствует распространению идей национального превосходства и укреплению позитивного самовосприятия китайской нации.

- *Влияние трех учений (конфуцианство, даосизм, буддизм).* Автор в данном аспекте ссылается на работы Т. И. Шамякиной, которая отмечает, что «переплетение этих учений лежит в основе традиционного жизненного уклада китайцев и в настоящее время китайское общество руководствуется не столько идеологическими предписаниями, сколько своими извечными культурными ценностями, которые, как оказалось, вполне соответствуют условиям нынешней постиндустриальной цивилизации», а китайская литература «отличается культурным синкретизмом».

- *Специфический подход к толкованию понятия «характер».* В китайской литературе проявляются такие особенности национального характера, как следование принципу золотой середины, прагматизм, стремление к самоусовершенствованию, обостренное чувство стыда, безусловное преклонение перед авторитетом и т.д. Также следует отметить, что в национальном китайском характере ярко выражены такие черты как замкнутость, рационализм, холизм, семейственность, консерватизм, дисциплинированность, колLECTИВИЗМ. Совокупность этих, а также некоторых других качеств находит свое отражение в литературе [Букатая, 2016].

При исследовании особенностей китайской литературы следует принимать во внимание и этническую и национальную идентичности авторов произведений. В. М. Пивоев утверждает, что «этническая идентичность является результатом рождения, воспитания, внушения и сознательного убеждения, благодаря чему человек определяет свою принадлежность к этносу. В отличие от этого принадлежность к нации есть результат социализации, сознательного выбора своей принадлежности и усвоения ценностей национальной культуры». В. М. Пивоев допускает существование бинарной этнической идентичности у людей, выросших в смешанных браках, но при этом говорит и о том, что этническая и национальная идентичности человека могут не совпадать. Например, творчество известной американской писательницы китайского происхождения Э. Тан («Клуб радости и удачи», «Сто тайных чувств», «Дочь костоправа») сочетает в себе историзм, стремление к поиску национальных корней, влияние идей конфуцианства, даосизма и буддизма, особенности национальной психологии китайцев, отраженные в чертах героев, использование традиционной космоонтологической модели, однако сама автор себя к писателям китайского происхождения не причисляет. Она пишет на английском языке, а ее произведения относят к «литературе пограничья» [Пивоев, 2006].

Литература же китайского зарубежья пишется на китайском языке. Авторы, которых относят к данной когорте (такие как Чжан Лин, Чэнь Цянь, Ван Жуйюнь), обладают двойственной идентичностью, а их произведения могут характеризоваться двоякой национальной спецификой, что является результатом межэтнической коммуникации. Провести четкую границу между культурной и этнической идентификацией невозможно, так как в современной эмигрантской литературе они неразрывно связаны [Букатая, 2016].

С приходом глобализации и усилением миграционных процессов, взаимодействие языков и культур стало неизбежным. По этой причине перевод (устный, письменный или в аудиовизуальной форме) не только желателен, но и необходим для создания более тесных связей между различными языками и

культурами [Amenador, Wang, 2022]. В то же время интерес к восточноазиатской культуре и художественной литературе со стороны лингвистов-исследователей и широкой аудитории все больше возрастает, что в свою очередь ведет к необходимости создания переводных текстов на русском языке и выбору наиболее адекватных переводческих средств для их организации. Поиск целесообразных методов для передачи текста с китайского языка на русский облегчит понимание не только исходного китайского текста, но и китайской культуры в целом [Lin, 2022], что является возможным только при достижении переводческой эквивалентности.

Цзи Сяньлинь, известный исследователь китайского языка, однажды сказал: «Преимущество китайского языка заключается в его расплывчатости». Китайский – это язык художественной концепции, в котором основное внимание уделяется общему ощущению, а не стремлению к строгому логическому анализу [Li, Xiao, 2022]. Китайский язык отличается своей иносказательностью и образностью. В нем большое значение уделяется использованию символов и иероглифов, которые могут передавать богатый смысл в одном знаке. Это делает китайский язык более визуальным и красочным. Китайский язык также известен своей простой и логической структурой предложений. Вместо использования грамматических форм и сложных связей между словами, китайский язык обращает большое внимание на порядок слов и контекст. В западных же языках, например, в английском или французском, внимание уделяется грамматическим правилам, временными формам и связям между словами. Китайский язык уникален в своей иносказательности и образности, в то время как западные языки акцентируются на грамматике и логической связи между словами [Zhan, 2021].

В китайском языке границы между лексическими структурами в предложении размыты, категории словообразования также довольно нечёткие, что приводит в том числе и к смазанным границам между единицами грамматической структуры в китайском предложении. Тексты на китайском язы-

ке обычно строятся на основе цепочек различных тем, и границы между этими цепочками опять же весьма неоднозначны [Huang, 2021].

Следует учитывать и тот факт, что в отличие от индоевропейских языков, которые используют богатое разнообразие морфологии для выражения грамматических отношений, китайский является языком изолирующего типа и лишён строгой морфологии, поэтому порядок слов и служебные слова являются важными средствами выражения грамматических отношений. Грамматическое значение часто различается в зависимости от порядка слов. В отличие от русского и многих других языков, в китайском нет однозначного разграничения между частями речи. Например, одно слово может выступать и в качестве существительного, и в качестве прилагательного, а функция, которую оно выполняет в предложении будет зависеть от его позиции [Chai, Bao, 2023].

Русский и китайский языки при выражении атрибутивных синтаксических отношений используют разные средства, поэтому при переводе атрибутивных конструкций часто обнаруживаются объективные трудности. В китайском языке работает исключительно аналитический способ выражения грамматического значения (служебные слова и порядок слов в предложении), который в русском языке, как правило, сопутствует морфолого-синтаксическому [Трофимова, Полухина, Тун, 2017]. Следовательно, поиск переводческих решений для передачи подобных конструкций является важной исследовательской задачей, проистекающей в основном из структурно-семантических отличий китайского и русского языков, относящихся к разным языковым семьям.

1.4 Семантические соответствия при переводе текста с китайского языка на русский

Ключевым вопросом при переводе является возможность передачи различных типов семантических значений: референциальных, прагматических и внутрилингвистических. При этом важно учитывать не только то, в какой степени могут быть сохранены указанные значения в тексте перевода и

какими средствами переданы, но и то, возможно ли избежать неточностей при создании переводного текста.

1.4.1 Референциальные значения

Референциальное значение – отношение между знаком и предметом, обозначаемым данным знаком. Основная проблема, с которой сталкивается переводчик при передаче данных значений – это несоответствие круга значений одного понятия в ИЯ и ПЯ. Полное его соответствие в двух разных языках абсолютно невозможно. Хотя сами выражаемые понятия в большинстве своём совпадают, способы их выражения во всех языках различны [Бархударов, 1975].

И. И. Ревзин определяет перевод как преобразование некоего сообщения. Исходя из этого, он утверждает, что следует четко разграничивать термины сообщение, референт сообщения и смысл сообщения, так как смысл не всегда соответствует обозначаемой сообщением ситуацией [Ревзин, 1964].

Говоря о различии данных понятий, он приводит пример, данный Дж. Р. Фёрсом: «Обычно разные газеты печатают статьи об одном и том же под различными заголовками… Референт здесь один… Он обозначен множеством символов в различных заголовках, причём разные отношения – это отношения между двумя сторонами: заголовком и событием» [Ревзин, 1964].

При этом большую роль И. И. Ревзин отводит такому приёму как интерпретация, «передача содержания при помощи обращения к действительности». К методу интерпретации он относит и метод описательного перевода. Он отмечает, что при интерпретации термина соответствие устанавливается через референт, при этом тождество смысла не требуется. И. И. Ревзин исходит из того, что на практике часто бывают случаи, когда референт остается тем же, но смысл при этом меняется. При соотнесении текста оригинала с референтом имеет место не перевод, а именно интерпретация, в такой ситуации правомерность перевода не очевидна.

И. И. Ревзин считает, что в процессе перевода референт не участвует, а задача переводчика состоит в том, чтобы установить такое соответствие, ко-

торое обеспечит инвариативность смысла, так как интуитивное понятие смысла лучше всего определять через перевод [Ревзин, 1964].

Л. С. Бархударов отмечает, что все типы семантических соответствий можно свести к трём основным:

- 1) полное соответствие;
- 2) частичное соответствие;
- 3) отсутствие соответствия.

Случаи полного соответствия лексических единиц в разных языках встречаются очень редко. В основном это касается однозначных слов, число которых в различных языках достаточно невелико. Л. С. Бархударов относит к таким лексическим единицам следующие группы:

- 1) имена собственные и географические названия;
- 2) научные и технические термины;
- 3) некоторые другие группы слов, близкие к указанным двум, например, названия месяцев и дней недели [Бархударов, 1975].

Однако при этом он отмечает, что не все слова, относящиеся к трем данным группам, могут принадлежать к числу полных соответствий, так как многие термины многозначны, т. е. имеют несколько соответствий в другом языке или синонимичные понятия, которые могут полностью заменить данный термин. Полное же совпадение двух понятий в полном объеме их референциальных значений в очень редких случаях может встречаться и у многозначных слов. Из этого следует, что слова, имеющие полные соответствия, не вызывают трудностей у переводчика. В таких случаях ему только необходимо знать соответствующий эквивалент [Бархударов, 1975].

Наиболее распространенным случаем является частичное соответствие. В данном случае одно слово в ИЯ имеет несколько эквивалентов в ПЯ. Большинство слов любого языка многозначно, однако система значений какого-либо термина в одном языке как правило не совпадает с системой значений в другом. Л. С. Бархударов отмечает несколько подобных случаев:

1) круг значений слова в одном языке может быть шире или уже чем в другом, данную ситуацию он называет включением;

2) оба слова в обоих языках имеют и расходящиеся, и совпадающие значения, данную ситуацию он называет пересечением [Бархударов, 1975].

Также следует обратить внимание на явление, которое Л. С. Бархударов называет недифференцированностью, имея в виду, что «одному слову какого-либо языка, выражающему более широкое понятие, то есть обозначающему более широкий класс денотатов, в другом языке могут соответствовать два или несколько слов, каждое из которых выражает более узкое, дифференцированное, сравнительно с первым языком, понятие, то есть относится к более ограниченному классу денотатов». Однако Л. С. Бархударов также отмечает, что данный случай не связан с многозначностью, так как подобные слова «имеют только одно значение, но объем этого значения в целом шире, нежели у их соответствий в другом языке». В то же время понятия многозначность и недифференцированность не всегда можно чётко разграничить.

Могут встречаться также более сложные случаи смысловой недифференцированности. В качестве примера Л. С. Бархударов приводит русские слова «сыр» и «творог» и их полные английские эквиваленты «cheese» и «cottage cheese», отмечая, что английское слово «cheese» на самом деле является недифференцированным по сравнению со словами «сыр» и «творог» [Бархударов, 1975].

Л. С. Бархударов говорит не о том, что один язык не может в полной мере выразить какое-либо понятие, а именно о способах такого выражения. Речь идет о том, что один язык не выражает разницы между определенными понятиями, в то время как другой выразит ее обязательно.

Подобные ситуации представляют определенные трудности для перевода, так как переводчику нужно выбрать необходимый эквивалент, который в большинстве случаев следует из контекста. В ситуации, если данный случай выходит за пределы контекста, требуемый эквивалент следует выбирать, опираясь на знания реальной обстановки. В то же время следует обращать

внимание и на pragматическое значение слова, так как довольно часто референциальные значения не совпадают с pragматическими.

Не следует также забывать и о безэквивалентной лексике, под которой Л. С. Бархударов понимает «лексические единицы одного из языков, которые не имеют ни полных, ни частичных эквивалентов среди лексических единиц другого языка». К такой лексике он относит:

- 1) имена собственные, географические наименования, названия учреждений;
- 2) реалии;
- 3) случайные лакуны.

Подобные языковые единицы можно перевести с помощью транслитерации, транскрипции, калькирования, описательного перевода, приближенный перевод и трансформационный перевод [Бархударов, 1975].

Л. С. Бархударов также обращает внимание на то, что соответствие между понятиями в двух языках часто устанавливается не на уровне референтов (класс качественно однородных предметов либо явлений), а на уровне денотатов (какой-либо единичный предмет либо явление). То есть какое-либо понятие и его эквивалент в другом языке могут расходиться по референциальному значению, но совпадать по обозначенным ими денотатам. Из чего он делает вывод о том, что расхождения в референциальных значениях не является препятствием для установления между ними переводческой эквивалентности [Бархударов, 1975].

Н. К. Гарбовский утверждает, что понятия референта и денотата иногда смешиваются, а также соглашается с Л. С. Бархударовым в том, что некоторые авторы вообще не различают данные явления языка. Однако в то же время он говорит о том, что различие этих терминов помогает переводчику более точно представить механизм переводческого преобразования. Данное различие позволяет понять, что в переводе часто происходит замена референта, то есть референтами в исходном высказывании и в переводном оказы-

ваются различные предметы, хотя при этом они обозначают одно и то же понятие.

Н. К. Гарбовский делает вывод о том, что «в переводе постоянно коррелируют категории общего и частного». Через общий смысл знаков переводчик пытается проникнуть в индивидуальный смысл, который термину присваивает автор исходного текста. И в то же время переводчик, называя предметы, указанные автором, абстрагируется от конкретного предмета, потому что может только представить его, и поэтому обозначает его как отдельный класс [Гарбовский, 1964].

В настоящей работе мы будем опираться на положения о референциальном значении Л. С. Бархударова, так как его трактовка данной семантической категории представляется нам наиболее полной и подходящей для практического применения в практической переводческой деятельности.

1.4.2 Классы слов в китайском языке и сложности их перевода

Далее следует рассмотреть некоторые языковые единицы китайского языка, которые вызвали определенные трудности при передаче исходного текста с китайского языка на русский. Особое внимание в данном разделе было уделено конкретным частям речи, именам нарицательным и некоторым видам словосочетаний, из них состоящим, так как именно они указывают на предметы действительности и сообщают о них какую-либо информацию.

Китайский язык отличается слаборазвитым морфологическим аппаратом, а синтаксические отношения между словами выражаются через порядок слов в предложении, а иногда зависят также от семантики и грамматики. Классификация частей речи в китайском языке зависит в основном от двух факторов – грамматического значения и грамматической функции слова, в некоторых случаях влияние оказывают второстепенные факторы, такие как удвоение, эризация, аффиксация и т.д. Однако отсутствие строгого статистического обоснования критериев классификации препятствует достижению действительно точного распределения слов по категориям согласно принципу «каждое слово принадлежит конкретной части речи» [Yang, 2012].

Существительное в китайском языке

Именем существительным называется «часть речи, характеризующаяся категориальным значением предметности, лексико-грамматической категорией рода, грамматическими категориями падежа и числа, синтаксическим употреблением в функции субъекта, объекта и предикативного члена и развитой системой словообразовательных моделей» [Ахманова, 2004].

Морфологические признаки имени существительного в китайском и русском языках значительно отличаются друг от друга. Например, в китайском языке имена существительные не имеют категории рода, кроме личных имён людей, но по ним определить пол самого человека бывает крайне трудно. Категория числа в русском языке показана изменением окончаний существительного, тогда как в китайском категория числа отсутствует, за некоторым исключением. Системы падежей и склонений в китайском языке также не существует, их заменяют строгие правила порядка слов в предложении [Ван, 2014].

Существительное занимает важное место в системе частей речи китайского языка. Оно имеет предметное значение, которое в свою очередь является смысловой основой существительного как отдельной лексико-грамматической категории. В китайском языке данная часть речи может обозначать как предмет, так и относительный признак предмета.

Обозначая предмет, существительное обычно выполняет функцию подлежащего либо дополнения, обозначая же признак предмета – функцию определения. Оно также может выступать в качестве именной части составного именного сказуемого. Отдельно следует отметить существительное в функции обстоятельства. Оно способно выполнять ее лишь в определенных условиях, однако в таких случаях существительное функционально максимально сближается с косвенным дополнением.

Возможность функционирования существительного в качестве определения является характерной особенностью китайского языка. В таких случаях существительное при изменении синтаксической позиции, оказываясь в

ином лексическом окружении, играет роль определения, т.е. выполняет функцию прилагательного, но при этом грамматических свойств прилагательного не приобретает. В. И. Горелов делит существительные китайского языка на собственные и нарицательные, при этом отмечая, что нарицательные существительные делятся на множество подклассов [Горелов, 1989].

В китайском языке нет грамматических различий между исчисляемыми и неисчисляемыми существительными. Наричательные существительные имеют единственную инвариантную форму. Они не имеют формы множественного числа, т.е. в независимости от того какое число подразумевается контекстом, в обоих случаях будет использоваться одна и та же форма. В тех случаях, когда необходимо указать число существительного, используются особые классификаторы, счетные слова, которые применяются совместно с числительными. Счетные слова указывают на то, к какой смысловой категории относится существительное, их также называют нумеративами. Использование существительных совместно с числительными без нумератива невозможно, хотя из этого правила существуют исключения [Ross, Ma, 2014].

В. А. Курдюмов отмечает, что «позиция существительного есть любая позиция в предложении, при замещении которой временно или постоянно создается иллюзия принадлежности слова к классу существительных», т.е. лексическая единица получает все признаки присущие данной части речи.

Он говорит о том, что позицию существительного могут занимать слова, относящиеся к следующим выделяемым им группам (именуемым «диапазонами»):

- 1) существительное → относительное прилагательное (существительные данного «диапазона» делятся на собственные и нарицательные, при этом нарицательные также делятся на классы предметов, лиц, событий и т.п.);
- 2) глагол → существительное;
- 3) прилагательное → существительное;
- 4) существительное ↔ счётное слово;
- 5) существительное ↔ послелог.

6) наречие ←→ существительное [Курдюмов, 2005].

Китайские учёные, в частности Дин Чунмин, делят существительные на следующие категории: 1) существительные, обозначающие людей и предметы; 2) существительные места; 3) существительные-направления; 4) существительные времена [Ding, 2009].

При проведении данного исследования мы использовали классификацию, предлагаемую В. А. Курдюмовым, так как она лучше всего подходит для систематизации существительных при их переводе с китайского на русский.

Глагол в китайском языке

Глагол – наиболее сложная и интересная часть речи в китайском языке. Глагол обозначает действие или состояние предмета. Он может также указывать на цель действия или способ совершения действия, иногда глагол может указывать и на относительный признак предмета. Т.е. в китайском предложении глагол может выполнять функцию сказуемого, обстоятельства либо определения, в некоторых случаях он также может играть роль подлежащего. Следует отметить, что в современном китайском языке часто можно наблюдать ситуацию, когда глагол способен выполнять функцию подлежащего или дополнения, или принимать определение, выраженное местоимением или прилагательным. Однако в тех случаях, когда глагол функционирует в качестве подлежащего или дополнения, он не приобретает формальных признаков существительного и сохраняет прежнюю категориальную принадлежность [Горелов, 1989].

В западных языках, таких как английский, есть несколько способов выражения времени. Наиболее распространенным является изменение формы глагола в зависимости от времени совершения действия, но в китайском языке глаголы не могут изменяться подобным образом [Ajdini, 2017]. Видовременные формы глагола в китайском языке образуются путем присоединения к ним специальных глагольных суффиксов 了 / le, 过 / guo и 着 / zhe. Однако ученые не могут сойтись во мнении о том, существует ли в китайском

языке собственно категория вида или имеют место глагольные формы, совмещающие в себе вид и время.

В. И. Горелов отмечает, что многие китайские учёные относят глагольные формы, образованные словоизменительными суффиксами, к категории вида. Китайский лингвист Юй Минь, напротив, рассматривает видовые значения глагола через призму завершённости действия и выделяет два вида – завершённый и длительный. Он считает, что категорию вида не стоит объединять с категорией времени [Горелов, 1989].

Российские же ученые, например, Н. В. Солнцева утверждают, что глагольные суффиксы по своей природе являются видовыми. С. Е. Яхонтов выделяет два вида глаголов – общие и результативные, а наряду с ними и видовременные категории глаголов китайского языка [Яхонтов, 1957].

Следует обратить внимание на то, что глаголы в китайском языке обладают универсальными грамматическими категориями переходности – непереходности, времени, вида, наклонения и залога. Остальные грамматические категории присущи только определенным лексико-грамматическим группам глаголов [Шахаева, 2009].

Существует множество классификаций глаголов китайского языка. Например, В. И. Горелов делит их на полнозначные и вспомогательные. Полнозначные глаголы способны сами играть роль простого сказуемого, а в составе сложного выражают основное лексическое значение. Вспомогательные не могут самостоятельно функционировать в роли простого сказуемого, а в составе сложного предают добавочные значения. Полнозначные глаголы, в свою очередь, делятся на результативные и нерезультативные. Нерезультативные глаголы обозначают действие, но при этом не имеют добавочного значения результативности, результативные же, наоборот, содержат добавочное значение результативности. Вспомогательные глаголы В. И. Горелов подразделяет на модальные, побудительные, глаголы, обозначающие этапы действия, и глаголы, указывающие направление действия [Горелов, 1989].

В. А. Курдюмов считает, что «позиция глагола – есть любая позиция в предложении, при замещении которой временно или постоянно создаётся иллюзия принадлежности слова к классу глаголов». Позицию глагола в предложении могут занимать слова со значением действия или процесса. Такую лексику он относит к следующим диапазонам:

- 1) глагол → прилагательное;
- 2) глагол → существительное;
- 3) глагол → наречие;
- 4) глагол → предлог;

а также производные, принадлежащие другим диапазонам:

- 5) прилагательное → глагол;
- 6) существительное → глагол;
- 7) полнозначный глагол → модальный глагол;
- 8) полнозначный глагол → счётное слово для глаголов [Курдюмов, 2005].

Структура предложения с глаголом-сказуемым во многом определяется семантикой и синтаксическими свойствами этого глагола. Разные виды глаголов имеют разное управление, например, одни глаголы всегда имеют при себе дополнение, другие лишь иногда его допускают при определенных условиях; дополнение к одним глаголам может быть выражено только существительным или местоимением, к другим – целым предложением и т.д.

Отношения же глагола с дополнением при разных глаголах также различны. Их смысловые отношения и тип связи зависят от значения управляющего глагола, но не от конкретного лексического значения, а от абстрактного, грамматического значения, общего для целой группы глаголов.

Существуют две основные классификации глаголов по их лексико-грамматическому соотношению с дополнением. Первая – это классификация китайского ученого Ли Цзиньси, который подразделяет глаголы на:

- 1) Переходные, управляющие дополнением:
- обозначающие активное воздействие на предмет;

- обозначающие «способы познания»;

Глаголы этих двух подгрупп требуют после себя только одного дополнения.

- обозначающие «передавание»;
- обозначающие «вмешательство в чужие дела»;
- со значением называния;
- обозначающие превращение;
- обозначающие чувства и их выражение;

Глаголы последних четырёх подгрупп требуют дополнения, выраженного дополнительным членом.

- выражающие отношение.

2) Непереходные глаголы, которые не имеют дополнения:

- обычные непереходные глаголы;
- обозначающие действия, связанные с какими-либо предметами;
- со значением «собственного изменения или появления»;
- обозначающие чувства и их внешнее выражение;
- обозначающие существование.

3) Глаголы-связки;

4) Вспомогательные глаголы.

Однако данная классификация имеет значительные недостатки. Во-первых, некоторые подгруппы глаголов разграничиваются только по смыслу, во-вторых, многие из глаголов попадают в несколько подгрупп, причем переход из одной группы в другую никак не связан с изменением значения глаголов [Яхонтов, 1957].

А. А. Драгунов делит глаголы следующим образом:

1) Глаголы, не обозначающие действия:

- глаголы мышления и чувств;
- модальные глаголы;
- полузнаменательные глаголы;

2) Глаголы действия:

- глаголы направления движения;
- глаголы давания и отнимания;
- глаголы говорения, чувствования и мышления;
- глаголы-предлоги.

С точки зрения морфологической структуры глаголы можно разделить на простые и сложносоставные. Сложносоставные отличаются различными типами связей между их компонентами. К таким связям можно отнести атрибутивную, глагольно-объектную, глагольно-дополнительную, субъектно-предикативную и сочинительную [Цит. по Коротков, 1968].

Прилагательное в китайском языке

Прилагательное – это часть речи, обозначающая качественный или относительный признак предмета. В китайском языке прилагательное может указывать и признак действия.

Обозначая качественный признак предмета, прилагательное в китайском языке может выполнять функцию определения либо качественного сказуемого, обозначая относительный признак – только функцию определения, указывая признак действия, прилагательное употребляется в роли обстоятельства. Выполняя эти синтаксические функции, прилагательное может употребляться самостоятельно либо в составе качественно-предметных или предметно-качественных словосочетаний. Оно может употребляться также в сочетании с вспомогательными глаголами [Горелов, 1989].

В. И. Горелов отмечает, что в китайском языке целый ряд морфологических и синтаксических признаков сближает прилагательное с глаголом. Например, прилагательное, подобно глаголу, образует видовременные и модальные формы, способные выполнять функцию сказуемого без помощи глагола-связки, но при этом между глаголом и прилагательным существует значительное различие – они по-разному функционируют в роли определения и по-разному образуют формы удвоения. Он также указывает и на сходства и отличия прилагательных от наречий в китайском языке. Например, прилагательные, в отличие от большинства наречий, употребляются не только в пре-

позиции, но и в постпозиции по отношению к сказуемому. По мнению китайского лингвиста Хуан Божуна, одной из основных грамматических особенностей прилагательных в китайском языке является их способность функционировать в роли обстоятельства. В. И. Горелов делит прилагательные на качественные и относительные [Горелов, 1989].

Р. Диксон разделяет прилагательные на предикативные и непредикативные. Предикативные прилагательные – это прилагательные, которые «могут функционировать как непереходный предикат», а непредикативные – «те, которые могут заполнить слот дополнения связи» [Dixon, Aikhenvald, 2004].

Многие ученые рассматривают китайский язык как язык без прилагательных в основном потому, что данная часть речи в китайском языке по своим морфологическим и синтаксическим признакам схожа с глаголами [Антонова, 2020], о чем говорит и В. И. Горелов. Р. Диксон же считает, что все языки имеют отдельный класс прилагательных, но критерии, которые позволяют отличать прилагательные от других частей речи, зависят от языка [Цит. по Haspelmath, 2001]. Можно сказать, что прототип каждого класса слов универсален, но границы каждой категории зависят от языка и могут быть довольно нечёткими для конкретных языков или элементов, т.е. определение границ между частями речи в конкретном языке должно основываться на эмпирических данных по этому языку. Многие авторы предполагают, что слова, обозначающие свойства или признаки предметов в китайском языке, являются глаголами, а не прилагательными, в основном, из-за их синтаксического сходства с глаголами, однако отличия прилагательных от глаголов часто ими не учитываются [Антонова, 2020].

Прилагательное и глагол в китайском языке образуют общий грамматический класс предикатива, т.е. в эту категорию входят прилагательные, глаголы и числительные, которые в других языках являются отдельными частями речи [Драгунов, 1952]. Все слова данной категории могут выступать в функции сказуемого без глагола-связки. В остальных функциях лексические единицы данной категории обладают особыми наборами признаков. Общим

синтаксическим признаком прилагательного и глагола в китайском языке является их способность выступать в качестве предиката высказывания самостоятельно без глагола-связки, однако эта способность реализуется в грамматических формах различных для глагола и прилагательного [Кондрашевский, 2008]. И глагол, и прилагательное в китайском языке могут обозначать время и способ реализации признака, что находит свое выражение в их возможности сочетаться с модально-временными частицами, а также с глаголами-модификаторами [Антонян, 2011].

Многие западные исследования утверждают, что прилагательные в китайском языке необходимо включить в группу непереходных стативных глаголов, а значит оборот типа «прилагательное + 的 + существительное» следует считать определительным придаточным [McCawley 1992; Larson 1991; Tang 1998; Lin 2004]. Однако данное предположение может быть опровергнуто, так как подобный оборот, образованный с помощью непредикативных прилагательных, не может считаться определительным придаточным. Также прилагательные в китайском языке редуплицируются отличным от глаголов способом. И не стоит забывать и о том, что при определенных условиях прилагательное может определять существительное без использования частицы 的 / de, в то время как для определительных придаточных использование этой частицы является обязательным [Waltraud, 2010].

Некоторые китайские ученые делят прилагательные на две группы, по способу образования: простые и сложные. Они указывают, что простые прилагательные чаще обозначают качества или свойства объектов, в то время как сложные – признаки, связанные с их субъективной оценкой говорящим [Zhu, 1999 цит. по Waltraud, 2010].

В. А. Курдюмов говорит о том, что функции прилагательного в предложении могут выполнять лексические единицы, присущие следующим, выделяемым им диапазонам:

- 1) относительное прилагательное → качественное прилагательное;

- 2) прилагательное ↔ наречие;
- 3) глагол → прилагательное (чаще всего через причастие);
- 4) существительное → относительное прилагательное.

Китайский учёный Дин Чунмин делит прилагательные на следующие категории: 1) обычные прилагательные; 2) непредикативные прилагательные; 3) относительные прилагательные [Ding, 2009].

Подавляющее число прилагательных китайского языка он относит к первой группе. В предложении они могут занимать позицию определения, качественного сказуемого, дополнения и т.д. Прилагательные данной группы могут использоваться с наречием степени или отрицания. Например: 好 / хороший, 坏 / плохой, 漂亮 / красивый.

Непредикативные прилагательные не могут играть роль сказуемого или дополнения, также большинство из них не могут употребляться с наречиями степени и отрицания. В предложении они могут быть только определением, причём чаще всего оформленным частицей 的 / de либо конструкцией 是.....的 / shi.....de. Поскольку непредикативные прилагательные отличаются от других прилагательных, многие авторы относят их к отдельной категории слов – дифференцирующим словам. Например: 慢性 / беспечный, 首要 / главный, 西式 / западного образца, европейский. Непредикативные прилагательные выполняют три основные функции:

1. Определение, напрямую соединяющееся с существительным без каких-либо дополнительных средств. Например: 正主任 / справедливый начальник, 男鞋 / мужская обувь, 中级汉语 / китайский среднего уровня.
2. Оборот, оформленный частицей 的 / de. Например: 小型的 / миниатюрный, 高级的 / высококлассный, 人造的 / искусственный.
3. Оборот, оформленный конструкцией 是.....的 / shi.....de. Например: 这辆汽车是老式的 / Эта машина старомодная.

В отличие от большинства прилагательных, относительные прилагательные не могут употребляться с наречиями степени и отрицания, не могут играть роль дополнения. Они не используются с наречием «очень» потому, что это значение уже заложено в их семантике. Конструкция относительных прилагательных довольно специфична, существует два основных типа:

1. Прилагательные, образованные с помощью подчинительной связи. Например: 笔直 / *прямой как стрела*, 雪白 / *белоснежный*, 漆黑 / *черный как смоль*.
2. Прилагательные, образованные с помощью аффиксов. Например: 白花花 / *белый-пребельй*, 晶晶 / *кристальный*, 绿油油 / *сочно-зеленый* [Курдюмов, 2005].

1.4.3 Особенности китайского синтаксиса и связанные с ними сложности перевода

В случае, когда в качестве единицы перевода рассматривается не отдельное слово или грамматическая форма, а сочетание языковых единиц, у переводчика нередко возникают определенные трудности при их передаче с исходного языка (ИЯ) на переводящий язык (ПЯ). Как отмечает Т. А. Казакова эти осложнения определяются в основном двумя факторами: несовпадением правил лексика-семантической сочетаемости и различием правил семантической сочетаемости двух языков, причем эти факторы могут пересекаться друг с другом, действуя одновременно. В таком случае переводчику необходимо сделать выбор: сохранить словосочетание в исходном виде, применить частичное или же полное преобразование исходной языковой единицы [Казакова, 2000].

Словосочетания могут быть свободными или устойчивыми. Устойчивые словосочетания – это неделимые словосочетания, которые не подвергаются изменениям, свободные – в каждом случае употребления формируются по-разному. Правила сочетаемости слов в рамках свободного словосочетания в различных языках не одинаковы. Это объясняется в первую очередь тем,

что каждый язык по-своему описывает отношения между объектами и явлениями окружающего мира [Бреус, 2000].

Под термином «словосочетание» в русском языке подразумевается синтаксическая единица, образованная двумя или более знаменательными словами, находящимися между собой в подчинительных отношениях. Словосочетание, взятое вне предложения, является номинативной единицей. В подобных случаях оно служит для наименования предметов, действий, признаков, состояний [Кустова, Мишина, Федосеев, 2005].

Любое словосочетание состоит из главного и зависимого слова. Главное слово – это слово грамматически независимое, зависимое – слово, которое формально подчиняется требованиям, исходящим от главного слова.

Как уже было сказано выше, словосочетания имеют черты, позволяющие сопоставить их с отдельным словом. Во-первых, в семантическом плане они конкретизируют общие значения слов. Например, *письменный стол, обеденный стол, паспортный стол* и т.д. Во-вторых, словосочетания играют большую роль в словообразовательных процессах. Эти процессы довольно разнообразны. Например, вытеснение словосочетания одним из его компонентов с преобразованием оставшегося в смысловом и грамматическом отношении: *столовая комната – столовая, выходной день – выходной, штрафной удар – штрафной* и т.д. Многие словосочетания способны просто переходить в цельнооформленные слова: *вперёдсмотрящий, болеутоляющий, глубокоуважаемый* и т.д. [Валгина, 2003].

Однако несмотря на некоторую близость к слову, словосочетание отличается от него прежде всего тем, что оно является совокупностью грамматически организованных компонентов. Эта грамматическая организованность возникает в результате появления у слова семантического распространения, которое в силу своих лексико-грамматических возможностей приспосабливается к главному слову. А. В. Добиаш обращает внимание на способность различных разрядов слов распространять свой смысл разными формами сочетаний с другими словами [Валгина, 2003].

В русском языке существует несколько классификаций словосочетаний, разделяющих их на основе различных признаков. Например, словосочетания могут делиться на *синтаксически делимые* и *синтаксически неделимые*. Словосочетание является синтаксически делимым, если каждый его компонент является отдельным членом предложения, и синтаксически неделимым – если лексическая самостоятельность каждого из слов-компонентов теряется и словосочетание выполняет функцию единого члена предложения [Бреус, 2000].

Основной классификацией словосочетаний в русском языке является их классификация по главному слову, так как принадлежность главного и зависимого слов словосочетания к той или иной знаменательной части речи определяет многие свойства словосочетания [Кустова, Мишина, Федосеев, 2005].

Китайские языковеды определяют словосочетание как состоящую из двух или более слов языковую единицу, составленную по определенной модели. Имеется несколько классификаций словосочетаний, основанных, как правило, на особенностях их структуры и синтаксических функциях. Исходя из структуры словосочетания в китайском языке делятся на три большие группы, которые в свою очередь насчитывают 14 подвидов.

- 1) Элементарные словосочетания (基本短语)
  - а) Словосочетания с подчинительной связью (偏正短语) – словосочетания, между элементами которых возникают атрибутивные отношения. Первое слово в словосочетаниях такого типа является оформляющим элементом, второе – оформляемым. В свою очередь, они делятся на «обстоятельственные» словосочетания (状中短语), где ядром является глагол или прилагательное, (например, 非常漂亮 / очень красивый, 好好地说 / хорошо говорить) и «описательные» (定中短语), где в большинстве случаев ядром выступает существительное (например, 新作品 / новая продукция), 五本书 / пять книг, 他的朋友 / его друг).

б) Субъектно-предикатные словосочетания (主谓短语) – строятся на основе субъектно-предикатных связей между его элементами, т. е. первый элемент в словосочетаниях такого типа отвечает на вопросы «кто?» или «что?», второй – «какой?» либо «кем или чем является?». Например: 工作努力 / *работа тяжёлая*, 钱不够 / *денег недостаточно*, 这里是超市 / *это супермаркет*.

в) Предикативно-объектные словосочетания (述宾短语) – строятся на основе предикативно-объектных отношений, т. е. первый элемент словосочетания является глаголом, второй – существительным или предикативом: 买书 / *купить книгу*, 写小说 / *писать роман*, 吃大碗 / *есть большой чашкой*.

г) Словосочетания с результативным дополнением (中补短语) – в словосочетаниях такого типа ядром является глагол или прилагательное, а вторым компонентом выступают особые морфемы, имеющие значения результата, направления, степени, продолжительности действия, возможности и т.д. Например: 站起来 / *встать*, 疼死了 / *ужасно болеть*, 看一遍 / *посмотреть разок*.

д) Словосочетания с сочинительной связью (联合短语) – словосочетания, которые состоят из нескольких равноправных элементов. Могут образовываться с помощью предикатива или субстантива. Например: 城市和农村 / *город и деревня*, 去或留 / *уйти или остаться*, 春夏秋冬 / *весна, лето, осень, зима*, 勇敢而机智 / *смелый и находчивый*.

е) Аппозитивные словосочетания / 复指短语 – словосочетания, компоненты которых выражают семантические отношения между определяемым и определяющим. Подобные словосочетания состоят из двух равноправных компонентов, относящихся к одному и тому же объекту. Например: 首都北京 / *столица Пекин*, 夫妻二人 / *муж и жена (муж и жена два человека)*, 我们自己 / *мы сами*, 他这个人 / *он (он, этот человек)*.

2) Словосочетания, содержащие специальные грамматические элементы / 特定的词构成的短语

а) Субстантив с частицей 的 / de ("的"字短语) – образован с помощью определительной частицы 的, которая субстантивирует слово или словосочетание, не имеющее предметного значения. Например: 红的 / красный (*нечто красное*), 中国的 / китайский (*нечто китайское*), 三天的 / трёхдневный (*нечто трёхдневное*).

б) Словосочетания со служебным словом 所 / suǒ, которое используется для создания номинативной конструкции ("所"字短语). Например: 所学 / то, что изучено, 所见 / то, что увидели, 所听 / то, что услышано.

в) Сравнительные обороты (比况短语) – словосочетания, образованные с помощью слова 似的 (словно, подобно, будто). Например: 在家似的 / как дома, 孩子似的 / как ребёнок.

г) Количественные словосочетания (量词短语) – состоят из счетного слова и числительного, указательного или вопросительного местоимения либо прилагательных 大 (большой), 小 (маленький). Например: 这个 / этом, 那位 / тот (*человек*), 三个 / три штуки.

д) Словосочетания с локативами (方位短语) – состоят из слов, выражающих время, место, количество, условие или процесс, и прикрепленного к ним локатива. Например: 放假前 / перед каникулами, 桌子下 / под столом, 两斤左右 / около двух цзиней, 压力下 / под давлением.

е) Предложные обороты (介词短语) – состоят из предлога и объекта, на который он влияет. Например: 对于这个问题 / по этому вопросу, 从明天 / с завтрашнего дня, 因为钱 / ради денег.

3) Особые словосочетания / 特殊

а) Словосочетания типа «глагол + глагол» (连谓短语) – состоят из двух или более глаголов, в смысловом отношении не зависящих друг от друга.

Например: 看完电视睡觉 / досмотреть телевизор и лечь спать, 躺着看书 / лёжа читать книгу, 想一个办法帮助他 / придумать способ помочь ему.

б) Словосочетания с общим элементом (兼语短语) типа «глагол + существительное + глагол» – могут быть предикативно-объектными и субъектно-предикативными. Объект в предикативно-объектном словосочетании выступает также и в качестве предиката для последующего компонента. Например: 让你做 / заставить его сделать, 派她去上海 / отправить ее в Шанхай, 选他当班长 / выбрать его старостой.

Также следует отметить и функциональную классификацию словосочетаний в китайском языке. С точки зрения функционального аспекта словосочетания можно разделить на три вида: субстантивные (名词性短语), глагольные (动词性短语) и адъективные (形容词性短语). Иными словами, эти словосочетания обладают свойствами тех частей речи, к классу которых относится главное слово [Ding, 2009].

Субстантивные словосочетания

К классу субстантивных словосочетаний можно отнести следующие виды словосочетаний:

- «описательные» словосочетания (定中短语), которые входят в класс словосочетаний с подчинительной связью;
- словосочетания со значением места;
- количественные словосочетания;
- аппозитивные словосочетания;
- словосочетания с сочинительной связью, состоящие из существительных;
- словосочетания со служебным словом 所 / suǒ;
- субстантив с частицей 的 / de [Ding, 2009].

Отдельно следует рассмотреть функции частицы 的 / de в китайском языке, так как большинство субстантивных словосочетаний, вызвавших

трудности при переводе, были образованы именно с помощью данной частицы.

Частица 的 / de в китайском языке выполняет важнейшие грамматические функции, в том числе позволяет установить синтаксическую связь между словами, которые не могут вступить в нее при прямом соположении, а также позволяет сохранять двустороннюю зависимость между словами в тех случаях, когда нарушается контактность расположения слова. Следует отметить также и такие ее функции как внесение в предложение добавочных семантических значений и экспрессивных оттенков, эмоционально-смысловое выделение, образование форм слов и т.д. [Берёза, 2022].

Частица 的 / de в литературном китайском языке встречается чаще, чем любая другая, а методы ее использования сложны и разнообразны. По статистическим данным, в письменном языке 的 / de встречается с частотой 6%, то есть появляется в среднем один раз через каждые 17-18 слов [Thein, 2019].

Данная частица имеет несколько функций:

1) Определительная – при выполнении данной функции частица 的 используется для связи определяемого слова с определением и стоит между ними.

- Определение, выраженное существительным, соединяется с определяемым частицей 的 (кроме тех случаев, если в качестве определения выступает существительное, соответствующее относительному прилагательному в русском языке). Например: 那个时代的人 / человек той эпохи.

- Определение, выраженное местоимением, соединяется с определяемым частицей 的 (кроме тех случаев, когда определение выражено личным местоимением, а определяемое – термином родства или названием учреждения). Например: 我的心 / моё сердце, 这样的书 / такая книга.

- Когда определение выражено прилагательным, необходимость употребления частицы 的 обусловлена количеством слогов в его составе. Если в качестве определения выступает двусложное прилагательное, словосочета-

ние с прилагательным или удвоенное односложное прилагательное, наличие 的 обязательно. Например: 可爱的孩子 / милый ребенок, 漂亮的姑娘 / красавица девушка.

- Определение, выраженное глаголом, соединяется с определяемым при помощи частицы 的. Например: 我买的房子 / квартира, которую я купил.

- Определение, выраженное двусложным наречием, соединяется с определяемым частицей 的. Например: 万一的机会 / редкая возможность.

- Определение, выраженное словосочетанием или устойчивым сочетанием (фразеологизмом), предложной конструкцией или предложением, всегда соединяется с определяемым частицей 的. Например: 有一个大胆的姑娘离了座位。 / Смелая девушка встала и ушла.

2) Субстантивирующая функция – при выполнении этой функции частица 的 субстантивирует слово или словосочетание, не имеющее предметного значения, что даёт возможность использовать его в качестве именного члена предложения. Например: 游泳的很多。 / Плавающих много [Берёза, 2022].

Глагольные словосочетания

Глагольные словосочетания также вызывали трудности при переводе с китайского на русский. Китайский учёный Дин Чунмин к глагольным словосочетаниям относит предикативно-объектные словосочетания, словосочетания типа «глагол + глагол», словосочетания с общим элементом и т.д., т.е. любые словосочетания, в которых глагол является главным словом. Именно эта классификация глагольных словосочетаний использовалась при проведении настоящего исследования. Сюда же мы отнесли так называемые «обстоятельственные» словосочетания и словосочетания с результативным дополнением.

Коллокации

Термин «коллокация» занимает важное место в современной лингвистике. В широком смысле под коллокацией понимается «сочетание двух или

более слов, имеющих тенденцию к совместной встречаемости». Сама по себе коллокация уточняет и конкретизирует смысл слов, входящих в её состав. Точное значение слова в любом контексте определяется окружением, состоящим из его распространителей и коллокатов, которые объединяются вокруг него. Формирование же коллокаций представляет собой основополагающий аспект языкового использования [Рязанова, 2012].

Термин «коллокация» впервые был употреблен У. Фаулером в работе, посвящённой изучению внутренней структуры группы слов [Павельева, 2016]. В современной лингвистике существует множество определений данному термину, и большинство из них основывается на семантико-грамматической взаимообусловленности элементов словосочетания [Ягунова, Пивоварова, 2010]. Д. Кристал определяет коллокации как лексически предсказуемые словосочетания, основанные на синтагматической лексической связи, что отличает их от семантических ассоциаций, которые как правило строятся на основе идиосинкразии [Crystal, 2008]. По определению Словаря лингвистических терминов О. С. Ахмановой, «коллокация – это лексико-фразеологическая обусловленная сочетаемость слов в речи для реализации их полисемии» [Ахманова, 2004]. Е. Г. Борисова считает коллокацией «несвободное неидиоматическое словосочетание, в котором свободный компонент не меняет своего смысла, а смысл несвободного отличается от того, который реализуется в свободных словосочетаниях» [Борисова, 1995]. А. Н. Баранов и Д. О. Добровольский предлагают следующее определение данному термину: «это слабоидиоматичные фразеологизмы преимущественно со структурой словосочетания, в которых семантически главный компонент (база) употреблен в своем прямом значении, а сочетаемость со вспомогательным компонентом (коллокатором) может быть задана в терминах семантического класса, но выбор конкретного слова предопределен узусом» [Баранов, Добровольский, 2008].

Существует также множество различных классификаций устойчивых словосочетаний. Например, А. Н. Баранов и Д. О. Добровольский выделяют четыре вида коллокаций, основываясь на их лексических функциях:

- 1) коллокации-magn (устойчивые словосочетания с однословным компонентом, обладающим лексической функцией MANG, соответствующей значению высокой степени проявленности признака или «далеко зашедшей ситуации»);
- 2) коллокации-oper-func (устойчивые словосочетания с однословным компонентом, передающим смыслы OPER или FUNC);
- 3) коллокации-real-fact (устойчивые словосочетания с однословным компонентом, обладающим лексической функцией REAL или FACT);
- 4) метафорические определения (устойчивые словосочетания, в которых один из компонентов употреблён в прямом значении, а второй является метафорой, модифицирующей значение первого) [Баранов, Добровольский, 2008].

Однако данная классификация была разработана ими для европейских языков, и использовать ее для китайских коллокаций было бы затруднительно. Поэтому нами была использована классическая классификация коллокаций, основанная на их семантике, функциях и других характерных признаках. Согласно этой классификации, устойчивые словосочетания делятся на:

- 1) традиционные (нормативные стандартные сочетания);
- 2) экспрессивные (нормативные сочетания, использующиеся для выражения экспрессивного значения);
- 3) этнокультурные (передающие национально-культурную специфику определенного этноса);
- 4) терминологические (относящиеся к определенной области знаний);
- 5) окказиональные (индивидуально-авторские словосочетания, в которых нарушен один из типов сочетаемости с целью привлечения внимания к описываемому объекту или явлению действительности) [Коршунова, 2018; Влавацкая, 2019].

М. В. Влавацкая и А. В. Коршунова говорят о том, что коллокации обладают такими признаками как устойчивость, характерность и шаблонность (совокупная встречаемость лексем). Однако главными и универсальными признаками всех типов коллокаций является их комбинаторность и комплексность [Коршунова, 2018; Влавацкая, 2019]. Лексикограф Э. Баялэк в своих работах также отмечает, что устойчивые словосочетания характеризуются относительно постоянным составом компонентов, возобновляемостью в языке и коммуникации, идиоматичностью в переводе, неразрывностью как единицы перевода и возможной десемантизацией значения одного из компонентов [Цит. по Кульпина, Татаринов, 2012]. Другими словами, при переводе коллокаций важно выявить точный эквивалент на целевом языке, поскольку языковая картина мира разных народов различается, и составляющие коллокаций в разных языках могут не совпадать, что относится и к китайскому языку.

Синтаксис китайского языка

А. И. Смирницкий определяет синтаксис как «науку, изучающую как правила сочетания слов, так и правила построения из этих сочетаний предложения» [Смирницкий, 2009]. Синтаксис занимает высшую ступень в иерархии языковых уровней, поскольку он непосредственно связан с коммуникативной функцией языка. Термин «синтаксис» употребляется в двух смыслах: во-первых, как высший уровень организации языка, на котором единицы других уровней (фонетический, лексический, морфологический) объединяются для построения речевого сообщения; во-вторых, как раздел грамматики, изучающий правила и закономерности синтаксического построения речи. Таким образом, синтаксис играет ключевую роль в формировании осмысленного высказывания, обеспечивая его структурную целостность и коммуникативную эффективность [Акимова, Вяткина, Казаков, 2013].

В современной лингвистике существует множество определений понятия «предложение». Например, О. С. Ахманова в своём «Словаре лингвистических терминов» определяет предложение как «грамматически и интонаци-

онно оформленная по законам данного языка целостную единицу речи, являющуюся главным средством формирования, выражения и сообщения мысли о некоторой действительности и отношения к ней говорящего. Предложение обладает свойством звуковой выделимости (на основе внутренней фонетической организованности), оно выражает предикацию и состоит из одного или нескольких слов, являющихся его предельными составляющими (или потенциальным минимумом)» [Ахманова, 2004]. Д. Кристал говорит о том, что предложение является самой крупной единицей языка, и существует множество определений данного термина, начиная с принятого в традиционной грамматике расплывчатого «выражение законченной мысли», заканчивая подробными структурными описаниями современного лингвистического анализа [Crystal, 2008]. В «Полном словаре лингвистических терминов» Т. В. Матвеева говорит, что предложение – это «основная единица выражения мысли (единица сообщения) и, соответственно, целостная в смысловом, интонационном и формально-грамматическом отношении единица языка» [Матвеева, 2010].

Что касается термина «предложение» в китайском языке, В. И. Горелов приводит определение китайского учёного Ли Цзиньси, который трактует вопрос о предложении, исходя из понятия «словосочетание». Он полагает, что предложение, в отличие от словосочетания, выражает действие, состояние или характеристику объекта, что позволяет предложению формулировать завершённую мысль [Горелов, 1989]. Китайский лингвист Дин Чунмин определяет предложение как отдельную грамматическую единицу, имеющую определенный смысл и произносимую с определенной интонацией [Ding, 2009]. Китайский учёный Ма Цзяньчжун говорит о том, что «все слова, сочетающиеся между собой и обладающие законченным смыслом, называются предложением» [Цит. по Кирюхина, 2016].

Синтаксис китайского и русского языков имеет ряд отличий, например, построение сложных предложений. Если в русском языке существует одиннадцать способов объединения частей сложного предложения, например, ин-

тонация, союзные слова, корреляты, общий член и т.д. [Кустова, 2005], то в китайском таких способов всего два – асиндетический и синдетический способы. Под асиндетическим способом подразумевается такой синтаксический прием, при котором части сложного предложения соединяются при помощи интонации и порядка расположения частей. Синдетический же способ – синтаксический приём, при котором для объединения частей сложного предложения кроме интонации и порядка расположения частей, используются также специальные средства синтаксической связи, а именно союзы, специальные лексические элементы, соотносительные и вопросительно- относительные слова [Горелов, 1989].

Китайский синтаксис имеет ряд особенностей, отличающих его от синтаксиса русского языка:

6) Беспредложные словосочетания;

В китайском языке преобладает использование такого простого и удобного типа синтаксической связи как примыкание. При этом объектные, пространственные и некоторые другие типы отношений выражаются посредством беспредложных словосочетаний.

6) Эллипс служебных слов;

Под эллипсом понимается пропуск в тексте или речи строевых элементов предложения. В китайском языке особенно часто встречается эллипс союзов либо предлогов. Однако следует отметить, что данное явление характерно не для всех функциональных стилей современного китайского языка, главным образом для разговорного стиля.

6) Идентичное оформление синтаксических единиц;

Одной из существенных особенностей синтаксической структуры китайского языка является использование одних и тех же, или омонимичных, служебных слов для обозначения как синтаксических связей, так и смысловых отношений между членами предложения и частями сложного синтаксического целого.

6) Фиксированный порядок слов;

Фиксированный порядок слов является одним из ключевых синтаксических факторов китайского языка и оказывает существенное влияние на его грамматическую структуру. Это обусловлено тем, что в китайском языке члены предложения, как правило, не маркируются морфологически. Следовательно, синтаксическая роль слова, а также его классификация как члена предложения, во многом определяется позицией, которую оно занимает в предложении. Степень грамматикализации порядка слов в китайском языке выше, чем в русском.

6) Показатели членов предложения;

В китайском языке существуют особые служебные слова, которые маркируют синтаксическую структуру простого предложения. Эти лексические единицы, представленные как отдельными словами, так и словосочетаниями, выполняют функции членов предложения.

6) Групповое оформление членов предложения.

Ярким примером исключительной простоты синтаксических конструкций, характерных для китайского языка, является структура предложений с включённой частью. Формирование таких предложений не предполагает использования каких-либо служебных слов и осуществляется непосредственным включением одной части предложения в состав другой [Горелов, 1989].

Предложение в китайском языке делится прежде всего на две части – группу подлежащего и группу сказуемого, а затем деление производится отдельно в каждой из частей на своем уровне. Китайский лингвист Цзинь Тао отмечает, что несмотря на то, что синтаксический анализ позволяет выявить структуру предложений, различные исследователи трактуют ее по-разному. Некоторые из них, например, У Цзинцунь, сводят этот анализ к поиску подлежащего и сказуемого как основных элементов двух частей предложения, после чего отдельно в каждой части определяются остальные члены – определения, обстоятельства и т.д., вплоть до отдельных слов. По сути, такой подход не отличается от традиционного определения членов предложения в грамматике русского языка.

Некоторые исследователи, такие как Сунь Лянмин, исходя из того, что обе основные части предложения, как правило, предикативная часть, семантически неразличимы, полагают, что их нельзя разделять далее. Синтаксические отношения между ними, по их мнению, могут быть описаны в рамках синтаксических конструкций, существующих внутри словосочетаний. Однако такое толкование, по мнению Цзинь Тао, является ещё менее приемлемым, поскольку синтаксическая структура словосочетания не способна в полной мере отразить гораздо более сложную синтаксическую структуру предложения.

Он также указывает на широко распространённую в научном сообществе интерпретацию членов предложения, которая представляет собой некий синтез двух вышеупомянутых точек зрения. В её основе лежит разделение членов предложения на первичные – подлежащее, сказуемое и, в некоторых случаях, прямое дополнение (такие предложения встречаются редко) – и вторичные – определение, обстоятельство и комплемент (в русской китаистике комплемент рассматривается как обстоятельство, стоящее после глагола). Несмотря на то, что данное определение членов предложения позволяет выделить подлежащее и сказуемое, следует учитывать, что в некоторых случаях эти части могут составлять неразделимое синтаксическое единство. Такое целое может быть выражено как единой лексемой, так и предикативной конструкцией [Цзинь, 1996].

А. И. Иванов отмечает, что в современном китайском языке нет чёткого разграничения с формальной точки зрения между словами и предложениями. Он также говорит о необходимости учитывать, например, принципиальное отсутствие согласования частей китайского предложения в том виде, как это свойственно частям предложения в русском языке, и частое употребление логического подлежащего без всяких частиц при нем [Иванов, 2003]. Китайский учёный Ма Цзяньчжун в своей работе, посвящённой синтаксису китайского языка, исходит из принципа, что грамматические категории во всех

языках идентичны, а отличия заключаются только в произношении и написании знаков [Цит. по Кирюхина, 2016].

При переводе текста с китайского языка на русский необходимо учитьывать синтаксические особенности обоих языков, так как в этой области они имеют значительные различия, что обусловлено отношением рассматриваемых языков к разным языковым семьям: русского – к славянской группе индоевропейской языковой семьи, китайского – к сино-тибетской языковой семье. При этом следует отметить, что русский язык является флексивным, в то время как китайский – изолирующим [Абдрахманова, Гурулева, 2020], что также влияет на отличия в области синтаксиса.

Как отмечает Т. А. Казакова, предложение, будучи связано и обусловлено авторской установкой, может иметь неопределенное количество интерпретаций в отличие от отдельных слов, морфологических форм либо словосочетаний, которые могут рассматриваться как независимые информационные данности, соответствия которых в основном исчислимые. Следовательно, практически все компоненты предложения при переводе могут частично или полностью менять свой грамматический или даже лексико-семантический облик [Казакова, 2000].

Она выделяет несколько переводческих приемов, которые наиболее часто используются для преобразования предложений при переводе: 1) нулевой перевод; 2) функциональная замена; 3) перестановка; 4) распространение; 5) стяжение; 6) антонимический перевод; 7) добавление; 8) опущение [Казакова, 2000]. Именно эти методы использовались нами при проведении данного исследования.

1.4.4 Прагматические значения

Термин «прагматика» в семиотику ввёл Ч. Моррис, который различал в семиотике всего три аспекта: синтаксику, которая изучает внутрилингвистические значения знаков, семантику, изучающую референциальные значения и прагматику, изучающую прагматические значения знаков [Цит. по Сарабайкина, 2012]. Ф. Латверс различает два основных понимания прагматики в

лингвистике. Согласно широкому пониманию, основной функцией прагматики является объяснение функционирования речи в ее отношении к конкретным условиям, в этом случае границы между лингвистикой и такими дисциплинами как социология, психология и культурология стираются. В узком понимании прагматика рассматривается в тесной связи с теорией смысла, т.е. семантика и прагматика не противопоставляются друг другу, а рассматриваются как направления, которые рассматривают смежные проблематики. Однако такой подход оставляет нерешенным вопрос о границах прагматики и семантики [Цит. по Ковенева, 2008].

Согласно Л. С. Бархударову, прагматическое значение – отношение между знаком и коллективом, пользующимся данным знаком. Важно отметить, что члены этого коллектива могут по-разному интерпретировать один и тот же языковой знак, а следовательно, и объекты, на которые он указывает (денотаты и референты). Данное субъективное восприятие знака и отражает его прагматическое значение [Бархударов, 1975]. Прагматика как отношение между знаком и участником коммуникации имеет двустороннюю структуру, так как знак оказывается обращенным как к отправителю, так и к получателю [Гарбовский, 2007]. Прагматический потенциал текста обусловлен содержанием и формой его передачи и существует независимо от автора, однако иногда возможна также рассогласованность между прагматикой текста и коммуникативным замыслом автора. Прагматика текста определяется информацией, которую он несет, и способом ее представления. Она представляет собой «объективную сущность», доступную для восприятия и анализа. Однако отношение человека к тексту зависит не только от прагматики самого текста, но и от личности воспринимающего, его фоновых знаний и опыта, поэтому анализ прагматики текста позволяет лишь условно предсказать ее потенциальный эффект. Выбор переводчиком адекватных средств для передачи прагматических значений напрямую влияет на отношение конечного получателя к переведенному сообщению. В то же время, личное отношение переводчика не должно сказываться на точности воспроизведения информации в

переводе, переводчик должен придерживаться прагматической нейтральности [Комиссаров, 1990].

Следует обратить отдельное внимание на значение контекста при передаче переводчиком прагматических особенностей текста. Если в традиционной лингвистике под «контекстом» понимается словесное окружение, детерминируемое языковой системой, то в прагмалингвистике контекст – это синтез «верbalной коммуникации» и «конкретной ситуации, в которой протекает общение», а также «всей совокупности культурных и социальных условий, определяющих весь смысл и языковой комплекс коммуникативных актов» [Колшанский, 1984].

При осуществлении перевода переводчику приходится принимать решение о приоритете: следовать авторскому замыслу оригинала с целью спровоцировать у получателя аналогичный коммуникативный эффект, или же стремиться создать тот коммуникативный эффект, который диктуется новой коммуникативной ситуацией. Как отмечал Н. К. Гарбовский, во втором случае происходит прагматическое преобразование, охватывающее, в основном, весь текст целиком. В результате таких преобразований сохраняется значение исходной единицы, однако семантика и синтаксические значения могут претерпеть полное или частичное изменение. Эти изменения обусловлены комплексным применением замен, адаптаций и прагматических трансформаций [Гарбовский, 2007].

Говоря о комплексных заменах Я.И. Рецкер отмечал, что «в этом случае «преобразуется внутренняя форма любого отрезка цепи – от отдельного слова, большей частью сложного, до синтагмы, а порой и целого предложения. Причём преобразуется не по элементам, а целостно, так, что видимая связь между внутренней формой единиц ИЯ и ПЯ уже не прослеживается» [Рецкер, 2007]. Н. К. Гарбовский обращает внимание на то, что комплексное преобразование по Я. И. Рецкеру не что иное как «словарный эквивалент, который нужно только найти в соответствующем словаре», а основой эквива-

лентности служит «соответствие одному и тому же отрезку действительности» [Гарбовский, 2007].

По мнению Н. К. Гарбовского, на pragматическом уровне перевода возможны два вида трансформаций: собственно pragматические и pragматически обусловленные. Первые способствуют приближению перевода к уровню адекватности оригиналу, вторые же служат для сохранения коммуникативной эффективности исходного текста и являются инструментом достижения его pragматического значения. Важно отметить, что pragматически обусловленные преобразования, в отличие от pragматических, могут затрагивать не весь текст целиком, а лишь его отдельные фрагменты.

Однако очень важно иметь в виду, что основное свойство pragматически обусловленных трансформаций – «изменение отдельных элементов смысла исходного сообщения – преследует цель сохранения в переводе смыслового целого» [Гарбовский, 2007].

Как отмечает Л. С. Бархударов, о pragматических значениях мы можем говорить только в тех случаях, когда «отношение членов языкового коллектива к знакам языка становится частью семантической структуры самого знака», то есть закрепляется за знаком, так сказать, на постоянной основе [Бархударов, 1975].

Л. С. Бархударов предлагает следующую классификацию типов pragматических значений:

1. Стилистическая характеристика слова, то есть закреплённость слов за определенными речевыми жанрами. Исходя из этого, он выделяет несколько видов стилистической характеристики слов: нейтральная (слова, употребляемые во всех типах и жанрах речи), книжная (слова, употребляемые только в письменной речи), поэтическая (слова, употребляемые в языке поэзии) и терминологическая (слова, употребляемые преимущественно в официально-научном жанре).

2. Регистр слова. Говоря о регистре, Л. С. Бархударов имеет в виду определённую ситуацию коммуникации, которой обуславливается выбор не-

обходимых лексических единиц. Он отмечает, что этот выбор обуславливается в первую очередь составом участников коммуникативного процесса, а также условиями, в которых данный процесс протекает. Л. С. Бархударов выделяет пять регистров: фамильярный, непринуждённый, нейтральный, формальный и возвышенный.

3. Эмоциональная окраска слова. В любом языке существуют слова, которые показывают отношение говорящего к тому или иному предмету или явлению. То есть лексические единицы могут быть подразделены на несколько групп, согласно их эмоциональной окраске: отрицательно-эмоциональные, нейтрально-эмоциональные и положительно-эмоциональные [Бархударов, 1975].

Тем не менее, Л. С. Бархударов указывает на то, что представленные классификации носят достаточно схематичный характер и не способны в полной мере отразить всю сложность взаимосвязей между словами и их pragmatischen значениями. В действительности, нередки случаи, когда слова, относящиеся к одной части речи, могут также принадлежать другой, или же одно и то же слово может обладать различной стилистической или регистровой принадлежностью, а также отличаться эмоциональной окраской [Бархударов, 1975].

Также следует иметь в виду, что наряду с приведенными выше видами pragmatischen значений Л. С. Бархударов выделяет четвёртый, который именует как «коммуникативная нагрузка языковых элементов в строем предложения, обусловленной различной степенью осведомленности говорящего и, особенно, слушающего в отношении сообщаемой в предложении информации», то есть расположение данной и новой информации в строем предложения. Значения «данного» и «нового» он считает именно pragmatischen, так как они определяются исключительно отношением к ним самих участников коммуникативного акта [Бархударов, 1975].

Прагматические значения слов, то есть их стилистическая окраска, регистр и эмоциональный подтекст, могут существенно варьироваться между

языками. Слова с идентичным референциальным значением могут приобретать различные прагматические оттенки. Важно отметить, что при переводе замена лексики с ярко выраженной прагматикой на нейтральную может привести к определённым потерям в передаче смысла. Единственным приемлемым вариантом в подобных случаях является использование приема компенсации, который предполагает выражение прагматических значений посредством других лингвистических средств в других частях текста. Это обусловлено тем, что в отличие от референциального значения, прагматические значения не ограничиваются отдельной лексической единицей, а охватывают весь текст в целом.

Другой способ передачи прагматических значений в тех случаях, когда исходная лексика не имеет прагматических аналогов в языке перевода – описательный перевод, который, как говорит Л. С. Бархударов «основан на том, что и любом языке существуют слова, обозначающие по своему лексическому значению эмоциональное отношение говорящего к тем или иным предметам или явлениям». При этом он имеет в виду слова, которые имеют только прагматическое значение, но не имеют референциального [Бархударов, 1975].

При переводе текстов могут также возникнуть трудности с адекватной передачей метафорических значений. Метафора – это перенос названия с одного предмета на другой, основанный на эмоционально-оценочной характеристике [Бархударов, 1975]. В большинстве языков для создания метафорических образов используется приписывание животным и неодушевлённым предметам человеческих качеств. Сложности возникают, когда признак, лежащий в основе сравнения, в современном языке утратил свою актуальность, или когда в обоих языках одному и тому же животному или предмету не приписываются одинаковые качества.

По мнению Л.С. Бархударова, к прагматическому значению слова относится также его коннотация, то есть совокупность дополнительных ассоциаций, возникающих у носителя языка при восприятии данного слова. Слова, обладающие одинаковым референциальным значением, могут иметь раз-

личную коннотацию, что обуславливает возникновение различных ассоциаций в сознании говорящих. Однако коннотация не всегда носит эмоционально-образный характер, довольно часто она «выражается в причислении одного и того же понятия к разным классам явлений в силу неодинаковой функции, которую данные понятия выполняют в жизни и быту разных народов» [Бархударов, 1975].

Для обеспечения точного и адекватного перевода переводчику необходимо обладать глубоким пониманием культурного контекста и фоновых знаний, присущих носителям языка. При этом он должен учитывать, что получатель перевода может не иметь таких же знаний. Это предполагает необходимость включения в перевод неявной информации, пояснений и дополнений, а также использования сносок для разъяснения культурно-бытовых реалий и географических названий. Воспроизведение прагматики текста может также потребовать опускания некоторых деталей или замены непонятных элементов исходного текста дополнительной информацией [Комиссаров, 1990].

Переводческая деятельность сталкивается с прагматическими проблемами, обусловленными спецификой жанра оригинала и целевой аудиторией перевода. Переводчики художественной литературы наиболее часто сталкиваются с подобными трудностями, поскольку тексты этого жанра обладают высокой степенью контекстуальной зависимости и требуют учета культурных нюансов. В научно-технических текстах, предназначенных для узких специалистов, необходимость прагматических преобразований возникает реже, так как язык и содержание таких текстов носят более формализованный характер. Наиболее сложным аспектом перевода является обеспечение адекватной реакции со стороны читателя на переводной текст, что требует от переводчика глубокого понимания как исходного текста, так и культурных особенностей целевой аудитории. Как отмечает В. Н. Комиссаров, «только очень хорошо зная характер и психическое состояние человека, можно с достаточной уверенностью предположить, какова будет его эмоциональная или поведенческая реакция на данное сообщение». Для достижения желаемого ком-

муникативного эффекта переводчик может прибегнуть к pragматической адаптации текста, выходящей за рамки создания текста, семантически эквивалентного оригиналу. Такая адаптация часто приводит к появлению нового параллельного текста, ориентированного на вкусы, предпочтения и культурный контекст целевой аудитории [Комиссаров, 1990].

Немецкий лингвист А. Нойберт уделял значительное внимание pragmatike в рамках своей теории перевода, считая ее одним из ключевых аспектов. Одним из основных положений его работы является тезис о том, что качественный перевод обязан сохранять pragматический аспект оригинала. Это обусловлено тем, что ни грамматические, ни семантические характеристики текста сами по себе не могут определить его как перевод, поскольку они присущи языку перевода. Только pragmatika передается из оригинального текста. Анализируя вопрос о возможности передачи pragматических отношений в процессе перевода, А. Нойберт приходит к выводу, что степень их воспроизводимости в переводе может варьироваться. Некоторые pragматические отношения могут быть легко переданы, другие – лишь частично, а третьи, возможно, не возникнут вовсе у представителей иной языковой среды [Цит. по Лепухова, 2014].

В. Н. Комиссаров отмечает, что в процессе перевода могут возникать дополнительные pragматические задачи, связанные с преследованием переводчиком собственных целей. В таких случаях переводчик может сознательно пожертвовать точностью и полнотой передачи исходного текста ради достижения этих целей [Комиссаров, 1990]. Адаптация текста с pragматических позиций является незаменимым методом для обеспечения точной передачи коммуникативной сущности оригинального текста. Этот подход позволяет переводчику минимизировать факторы, способные вызвать pragматическую несостоятельность перевода при условии его семантической эквивалентности оригиналу [Лепухова, 2014].

В. Н. Комиссаров выделяет четыре вида такой адаптации:

1) Целью первого типа перевода является достижение точного и полного понимания сообщения получателями перевода. Переводчик, исходя из характеристик среднего читателя, учитывает, что сообщение, прозрачное для носителей языка оригинала, может быть непонятным для читателей перевода в силу недостатка у них соответствующего контекстного знания. В подобных ситуациях переводчик интегрирует в текст дополнительную информацию с целью компенсации пробелов в знаниях получателей.

2) Вторым методом преследуется цель точной передачи смыслового содержания оригинала и обеспечения аналогичного эмоционального воздействия на получателя перевода, как и на воспринимающего оригинал.

3) Третий вид прагматической адаптации характеризуется фокусировкой на специфических потребностях индивидуального получателя в конкретной ситуации. В отличие от первых двух видов, этот подход предполагает значительные изменения исходного текста для обеспечения его максимальной эффективности.

4) Четвертый вид прагматической адаптации В. Н. Комиссаров определяет как решение «экстрапереводческого сверхзадания». Такой перевод выходит за рамки традиционного понимания перевода и относится к так называемому филологическому переводу. При этом переводчик стремится воспроизвести в переводе формальные характеристики языка оригинала, даже если это приводит к отклонениям от норм и узуса языка перевода [Комиссаров, 1990].

Для художественных текстов характерно использование элементов разговорной речи как средства имитации реальной живой речи [Сунь, Богданова-Бегларян, 2023]. По мнению В. Н. Виноградовой «проблема изображения разговорной речи разных социальных слоев в художественной литературе сама по себе довольно интересна и заслуживает право на существование» [Виноградова, 1979]. При воспроизведении прямой речи героев произведения сохраняются все характерные для них индивидуальные и стилистические особенности высказывания: грамматические конструкции, лексика, фразео-

логия, интонация. Это могут быть диалектные черты, повторы слов, паузы, вводные слова и другие элементы, которые придают речи героев достоверность и выразительность [Сунь, Богданова-Бегларян, 2023].

Стилизованная разговорная речь играет важную роль в построении художественного произведения. Благодаря ей автор способен передать индивидуальные особенности речевой манеры персонажей, создать их лингвистический портрет. Поиск эффективных методов перевода разговорной речи, безусловно, является актуальной и перспективной задачей современной теории и практики перевода [Сунь, Богданова-Бегларян, 2023].

Перевод, основанный на принципе прагматико-ситуативной эквивалентности, способствует межкультурному и межъязыковому взаимодействию. Он позволяет носителям различных культур адекватно понимать и воспринимать опыт друг друга, преодолевая барьеры социокультурных различий. Такой подход признает возможность передачи смысла, не абсолютизируя тезис о непереводимости отдельных культурных явлений [Ковенева, 2008].

Имена собственные в китайском языке

Китайский язык отличается особыми именами собственными, аллюзивными, а именно говорящими. Наличие подобных имен собственных является отличительной особенностью не только китайской художественной литературы, но и всего китайского языка в целом. Даже личные имена жителей Китая можно назвать говорящими, так как они имеют конкретные значения и редко повторяются. Например, имя 星旭 / Синьсюй имеет значение яркая звезда, 彦俊 / Яньцзюнь – образованный и талантливый, 婧仪 / Цзинъи – стройная и благородная и т.д. В ходе данного исследования трудности при переводе вызывали именно говорящие имена, следовательно рассматривались они с точки зрения прагматики, так как их значения включали в себя определенные коннотации, связанные с национально-культурным контекстом.

Имя собственное – это слово, основное назначение которого – «называть определенные объекты внутри известных классов вещей». Все имена собственные обладают значением предметности, т.е. обобщают информацию о существовании какого-либо объекта или сущности. Большинство имен собственных обозначают какой-то класс предметов, в котором один выделяется особо. Имя собственное несет в себе информацию о каком-либо конкретном предмете и его свойствах. Если эта информация получает распространение в масштабах всего языкового коллектива, то это значит, что сведения о предмете являются частью семантического значения имени собственного. Считается, что имена собственные переводятся как бы автоматически. Результатом подобного подхода являются различные ошибки и разночтения, а повышенная «точность» перевода, наоборот, ведет к возникновению неблагозвучных либо обессмысленных названий [Джураева, 2019]. Имена собственные представляют довольно многочисленный и разнообразный пласт лексики, в связи с чем существует множество классификаций имен собственных.

М. Б. Раренко утверждает, что наиболее употребительными являются предметно-номинативная и функционально-семантическая классификации. Предметно-номинативная классификация основана на разделении имен собственных на разряды, группы и подгруппы в зависимости от того, какой объект они обозначают: антропонимы, теонимы, топонимы, зоонимы, космонимы, хрононимы, хрематонимы и т.д. [Раренко, 2022]. Функционально-семантическая классификация имён собственных, как видно из названия, основана на их семантических особенностях. Согласно данной классификации, имена собственные делятся на полиреферентные, монореферентные, и прецедентные [Сапожникова, 2015]. Для классификации имен собственных используются и другие критерии: в зависимости от реальности объекта выделяют реалионимы и мифонимы, на основании одушевленности объекта выделяют бионимы и абионимы.

В данном исследовании нами использовалась классификация, предложенная С. Влаховым и С. Флориным. Согласно их классификации, имена

собственные делятся на: 1) имена-знаки, имена-метки, не обладающие собственным содержанием, а только называющие объект; 2) имена, обладающие определенным семантическим содержанием; 3) имена, которые в зависимости от контекста меняют свою отнесенность к одной из первых двух групп. Именно к третьему виду относится рассматриваемая нами группа лексики – говорящие имена, единственный вид имён собственных, которые вызывали трудности при переводе исходного текста с китайского языка на русский [Влахов, Флорин, 1980].

В. С. Виноградов определяет говорящее имя как «вид тропа, в некоторой степени, равнозначный метафоре и сравнению и используемый в стилистических целях для характеристики персонажа» [Виноградов, 2001]. Перевод говорящих имен всегда вызывает у переводчика определенные трудности. Эти проблемы связаны в основном с анализом сущности и функции подобной лексики в исходном тексте и способом их передачи при переводе. Иногда переводчику бывает трудно выделить само говорящее имя, и имя собственное, не являющееся смысловым, может переводиться как говорящее.

При передаче говорящих имен необходимо учитывать их экспрессивно-оценочную стилистическую функцию. Переводчик должен стремиться передать не только номинальную информацию, но и эмоциональную и смысловую нагрузку, заключенную в говорящих именах. В целом, передача говорящих имен собственных в переводе требует от переводчика высокого уровня языковых навыков, а также понимания культурного и социального контекста, в котором эти имена используются. При переводе подобной лексики главной целью переводчика является добиться того, чтобы иностранные читатели воспринимали говорящее имя так же, как его воспринимают носители языка-оригинала. Для этого нужно передать также подтекст и культуру [Дзараева, Малкова, 2018].

В ходе работы над настоящим диссертационным исследованием трудности при переводе вызывали не только говорящие, но и аллюзивные имена, изобилие которых можно назвать одной из основных особенностей китайско-

го языка. Согласно В. С. Виноградову, аллюзивные имена – это имена собственные, которые «у носителей языка ассоциируются с определенным словом из фольклорных, литературных и фразеологических источников». В китайском языке таких имен великое множество, и все они напрямую связаны с китайской мифологией, религией, фольклором и т.д.

Исходя из специфики грамматического строя ИЯ и ПЯ при передачи аллюзивных и говорящих имен нами был использован такой переводческий прием как транслитерация совместно с переводческим комментарием. Прежде чем приступить к анализу результатов исследования необходимо рассмотреть также роль переводческого комментария в переводе художественного текста.

Согласно «Толковому переводческому словарю», переводческий комментарий – «комментарий переводчика к переведенному тексту или его фрагменту; один из основных способов компенсации смысловых потерь при переводе; один из переводческих приемов». Переводческий комментарий несет в себе дополнительную информацию, которая помогает понимать переводный текст. Он может быть как внутритекстовым, так и приведенным в виде сносок. Переводческий комментарий используется в тех случаях, когда невозможно интегрировать важную информацию в общий текст перевода.

Некоторые специалисты считают, что это неудачный переводческий прием, но большинство теоретиков согласны, что переводческий комментарий – это важный способ компенсации смысловых потерь при переводе. Переводческий комментарий носит лингвострановедческий характер и всегда зависит от контекста. Он позволяет избежать смысловых потерь при переводе и помогает читателю перевода лучше понять текст [Нелюбин, 2003].

Дополняя и объясняя текст оригинала, переводческий комментарий при этом вступает с ним во взаимодействие и открывает читателю другие возможные интерпретации текста. Он позволяет лучше понять контекст и значение оригинального текста, а также раскрывает его сложные и неоднозначные места. Переводческий комментарий может быть как словесным, так и симво-

лическим. Он может включать в себя объяснения терминов и понятий, справочные данные, ссылки на другие источники, аналитику и интерпретацию текста. В результате, комментарий помогает читателю глубже и более точно понять текст, а также находит новые пути его интерпретации [Папулова, 2015].

Переводческий комментарий – это сложный процесс опосредованной коммуникации, посредством которого осуществляется общение между автором и аудиторией. Роль переводчика сводится не только к передаче исходного текста на переводящий язык, но и работа с различной информацией, фоновыми знаниями. Лингвокультурология и межкультурная коммуникация считают переводческий комментарий особым видом текста, который должен дать объяснение основного содержания исходного текста [Молчкова, 2019; Григорьян, 2012].

В целом, переводческий комментарий является важной составляющей процесса перевода, который помогает улучшить качество перевода, расширить возможности интерпретации текста и обеспечить более полное понимание его значения.

Случайные лакуны

Одна из основных проблем, с которой сталкивается переводчик при передаче текста с ИЯ на ПЯ – это несовпадение круга значений, свойственных лексическим единицам в данных языках. Отсутствие соответствий между языковыми единицами ИЯ и ПЯ в большинстве случаев вызывает трудности при переводе безэквивалентной лексики, особенно в тех случаях, когда переводчику необходимо заполнить не только семантическую, но и стилистическую пустоту, то есть передать не только референциальное, но и pragmatical значение безэквивалентной языковой единицы. Лакуны напрямую связаны с pragmatикой, так как способны передавать множество эмотивных, коннотативных и pragматических смыслов.

Не существует двух различных языков, в которых лексические единицы совпадали бы полностью, во всем объеме референциальных значений –

несмотря на почти полное соответствие объектов действительности в разных культурах, способы их выражения нередко расходятся радикальным образом. Л. С. Бархударов выделяет три основных типа семантических соответствий: полное соответствие, частичное соответствие и отсутствие соответствия [Бархударов, 1975].

Под безэквивалентной лексикой подразумеваются лексические единицы одного из языков, которые не имеют ни полного, ни частичного соответствия среди лексических единиц другого языка [Бархударов, 1975]. А. Д. Швейцер под безэквивалентной лексикой понимает «лексические единицы, служащие для обозначения культурных реалий, не имеющих точных соответствий в другой культуре» [Швейцер, 1988]. С. Влахов и С. Флорин определяют данный термин как «лексические единицы, которые не имеют переводческих эквивалентов в языке перевода» [Влахов, Флорин, 1980].

Отсутствие в словарном составе какого-либо языка соответствия для той или иной лексической единицы вовсе не означает, что ее перевод совершенно невозможен. Любой язык в принципе может выразить любое понятие – если в системе языка данный знак отсутствует, его содержание всегда может быть передано в тексте перевода при помощи различных лингвистических приемов. Л. С. Бархударов выделяет следующие способы передачи безэквивалентной лексики:

1) переводческая транслитерация и транскрипция (при транслитерации средствами ПЯ передается графическая форма слова ИЯ, при транскрипции – его звуковая форма);

2) калькирование (передача безэквивалентной лексики ИЯ при помощи замены ее составных частей их прямыми лексическими соответствиями в ПЯ);

3) описательный перевод (раскрытие значения лексической единицы ИЯ при помощи развернутых словосочетаний, раскрывающих существенные признаки описываемого явления на ПЯ);

4) приближенный перевод (поиск ближайшего по значению соответствия в ПЯ для лексической единицы ИЯ, не имеющей в ПЯ точных соответствий);

5) трансформационный перевод (перестройка синтаксической структуры предложения, лексическая замена с полным изменением значения исходного слова или же то и другое одновременно) [Бархударов, 1975].

Способы передачи китайской безэквивалентной лексики, предлагаемые китайским лингвистом Жэнь Цзином, схожи со способами, предложенными Л. С. Бархударовым. Наиболее целесообразными он считает такие способы как транскрипция, замещение, репродукция и калькирование [Ren, 2018].

В. Н. Комиссаров, подразумевая под безэквивалентной лексикой «единицы исходного языка, которые не имеют регулярных соответствий в языке перевода», отмечает, что подобные единицы обнаруживаются в основном среди неологизмов, слов, называющих специфические понятия и национальные реалии, малоизвестных имен и названий, для которых переводчику приходится создавать окказиональные соответствия в процессе перевода, т. е. такие слова или словосочетания, которые могут употребляться в речи только как «потенциальная» лексическая единица [Комиссаров, 1990]. При этом он выделяет следующие типы окказиональных соответствий:

1) соответствия-заимствования – создаются с помощью транскрибирования или транслитерации;

2) соответствия-кальки – образуются с использованием приема калькирования;

3) соответствия-аналоги – формируются путём поиска ближайшей по значению единицы ПЯ для безэквивалентной единицы ИЯ;

4) соответствия-лексические замены – создаются при передаче значения безэквивалентного слова в контексте с помощью одного из видов переводческих трансформаций;

5) описание – прием, используемый в случае невозможности создать соответствие указанными выше способами [Комиссаров, 1990].

Л. С. Бархударов также отмечает возможность использования в ПЯ окказиональных эквивалентов, однако подчеркивает, что подобным эквивалентом может стать лишь та лексическая единица ПЯ, которая образована путем использования транскрипции, калькирования и описательного перевода. Автор отмечает, что окказиональные эквиваленты нередко переходят в разряд узуальных, т. е. устойчивых и в дальнейшем входят в словарный состав ПЯ [Бархударов, 1975].

Лакунарность как явление – это свойство всей лексической системы языка. Данный феномен связан в первую очередь с системной природой языка, что обуславливается невербальностью человеческого мышления, а также многообразием мыслительных форм отражения действительности, и принципиальным различием мыслительных и языковых процессов [Кравец, 2018].

Согласно Ф. де Соссюру, языковой знак состоит из понятия и акустического образа. Под акустическим образом он понимает не сам звук, а «психический отпечаток звука, представление, получаемое нами о нем посредством наших органов чувств», а материальным его можно назвать только в смысле чувственного образа. Лакунарность же объясняется асимметрией оппозиции означающего и означаемого [Соссюр, 1999]. Так как языковые знаки не имеют жесткой связи с планом содержания, под которым понимается совокупность элементов отражаемой мышлением действительности, они смешаются относительно означаемых, что может привести к возникновению так называемых «нулевых означаемых», т.е. лакун [Бекасов, 2011].

На сегодняшний день существует множество определений понятию «лакуна», предложенных учеными-лингвистами. Так, Л. С. Бархударов определяет случайную лакуну как «единицу словаря одного из языков, которой по каким-то причинам (не всегда понятным) нет соответствий в лексическом составе (в виде слов или устойчивых словосочетаний) другого языка» [Бархударов, 1975]. Д. Кристал под термином «случайная лакуна» подразумевает отсутствие лексической единицы в той части модели языковых отношений, где её наличие ожидаемо [Crystal, 2011]. Н. Л. Глазачева отмечает, что «ла-

куна возникает всегда в тот момент, когда определенные места в кодах культур или языков не покрываются полностью, когда трансфер знака из одной культуры в другую оказывается невозможным или частично возможным, то есть механизм декодирования принимающей культуры не располагает семантическими средствами идентификации знака» [Глазачева, 2005]. Во всяком случае, любое определение термина «лакуна» проистекает из того факта, что подобная лексическая единица не будет иметь чёткого эквивалента в ПЯ, т. е. лакуной может стать отсутствие слова или понятия, компонента его значения, отсутствие употребления слова в тексте в определённой грамматической форме и т.д. [Кравец, 2018].

Отечественная теория перевода предлагает большое количество классификаций случайных лакун. Например, лингвист В. П. Муравьёв разделяет лакуны на две большие группы: лингвистические и этнографические [Муравьёв, 1980]. Г. А. Антипов в работе «Текст как явление культуры» выделяет языковые (грамматические) и речевые (лексические и стилистические) лингвистические лакуны [Антипов, 1989]. Ю. С. Степанов считает, что следует различать абсолютные и относительные лакуны. К первому типу он относит слова, не имеющие эквивалента в другом языке, ко второму – слова, используемые редко [Степанов, 2003].

В данном исследовании лингвистические лакуны были разделены на несколько групп:

- 1) грамматические лакуны (лексические единицы, появляющиеся как следствие отсутствия определенных синтаксических конструкций и грамматических категорий и средств в ПЯ при их наличии в ИЯ);
- 2) лексические лакуны (лексические единицы ИЯ, не имеющие лексического эквивалента в ПЯ);
- 3) этнографические лакуны (лакуны, возникающие в результате отсутствия в культуре ПЯ тех или иных вещей, явлений, объектов);
- 4) особые местоимения и обращения (лексические единицы китайского языка, не имеющие эквивалента в русском, указывающие на человека и име-

ющие особое прагматическое либо добавочное референциальное значение) [Кирпикова, 2024].

Реалии

Реалии являются ярким примером непереводимых элементов текста и относятся Л. С. Бархударовым к разряду безэквивалентной лексики. Самая главная трудность для переводчика при передаче реалий – расхождение в количестве и качестве значений, которыми обладают реалии, используемые в тексте, ИЯ и их эквивалентов, данных в словарях. Т. е. даже те предметы и явления, которые совпадают в разных языках могут иметь различный функционал, а качественно одинаковые могут иметь различный круг значений и коннотацию. Для адекватного перевода безэквивалентной лексики переводчику необходимо знание действительности, которая изображается в произведении, над которым он работает. Только при наличии фоновых знаний возможно точно передать значение предметов и явлений, не имеющих места в ПЯ.

Фоновые знания в тексте ПЯ, безусловно, будут отражаться с помощью особых лексических единиц, которые Ю. М. Демонова, В. А. Лавриненко, В. П. Кемечеджиева в своей работе «Реалии как лингвистическое явление» называют фоновыми словами. Эти слова, как и фоновые знания, играют огромную роль при переводе художественного текста, так как именно с их помощью отражается действительность, имеющая место в определенной исторической эпохе в конкретном месте и лингвокультуре. Однако эта специфическая информация может быть не понята читателями, принадлежащими к другой культуре и менталитету, а следовательно основная задача переводчика заключается в передаче подобной лексики таким образом, чтобы ее значение было максимально понятно представителям других лингвокультур [Демонова, Лавриненко, Кемечеджиева, 2021].

Поскольку текст является инструментом межкультурной коммуникации, его можно считать элементом, присущим одновременно двум системам – исходной лингвокультуре и лингвокультуре реципиента. В этом контексте

сохранение национального своеобразия текста-оригинала предполагает функционально верное восприятие и передачу целого сочетания элементов, в число которых входят и реалии. Сохранение национального своеобразия текста-оригинала в процессе перевода является важным аспектом межкультурной коммуникации и требует от переводчика высокой степени профессионализма, понимания национальных реалий и культуры, а также способности передавать смысл и настроить реципиента на соответствующую национальную культуру [Божко, 2009].

Для квалифицированного переводчика не представляется значимым, имеет ли та или иная лексическая единица словарное соответствие. При передаче реалий переводчик выбирает из множества вариантов тот, который позволяет эквивалентно и адекватно выразить понятый им смысл и позволит наилучшим образом отразить культурно-исторические отличия [Фененко, 2009].

Следует также обратить внимание и на то, что понятие «реалия» следует чётко отличать от понятия «термин». С. Влахов и С. Флорин в работе «Непереводимое в переводе» отмечают, что «в отличие от большинства лексических единиц, термины обозначают точно определенные понятия, предметы, явления; как идеал – это однозначные, лишённые синонимов слова (и словосочетания), нередко иноязычного происхождения; среди них есть и такие, значения которых ограничены исторически. Все это можно сказать и о реалиях» [Влахов, Флорин, 1980]. А. Е Супрун и А. Д. Швейцер также указывали на существование подобных лексических единиц, которые бывает трудно четко отнести к реалиям или терминам либо можно считать одновременно и тем и другим, так как они находятся на стыке этих двух категорий. Однако следует учитывать, что определение «термина» можно считать устоявшимся, в то время как понятие «реалия» не имеет четкого определения и является дискуссионным [Фененко, 2018].

Под «термином» в современной лингвистике понимается «слово или словосочетание специального (научного, технического и т.п.) языка, создава-

емое (принимаемое, заимствуемое) для точного выражения специальных понятий и обозначения специальных предметов), принятное в профессиональной деятельности и употребляющееся в особых условиях», понятие же «реалии» трактуется неоднозначно [Фененко, 2018].

Л. С. Бархударов определяет реалии как «слова, обозначающие предметы, понятия и ситуации, не существующие в практическом опыте людей, говорящих на другом языке». К данному виду лексики относятся слова, обозначающие предметы материальной и духовной культуры, свойственные только данному народу, например, названия блюд национальной кухни, видов народной одежды и обуви, народных танцев и т.д. Однако Л. С. Бархударов также уточняет, что не всегда легко решить, в каком случае то или иное слово либо словосочетание можно отнести к числу культурных реалий, так как окказиональный переводческий эквивалент может перейти в устойчивое словарное соответствие [Бархударов, 1975].

С. Влахов и С. Флорин определяют термин «реалия» как «слова, называющие элементы быта и культуры исторической эпохи и социального строя, государственного устройства и фольклора, т.е. специфических особенностей данного народа, страны, чуждых другим народам и странам» [Влахов, Флорин, 1980]. Я. И. Рецкер и А. Д. Швейцер трактуют термин «реалия» довольно широко и говорят о нем, в основном, в контексте термина «безэквивалентная лексика», подразумевая под ним «прежде всего, обозначение реалий, характерных для страны исходного языка и чуждых другому языку и иной действительности» [Рецкер, 2007; Швейцер, 1988].

Г. Д. Томахин под реалией понимает название предметов материальной культуры, явлений, специфических имен национальных героев и так далее в определенном круге нации или наций. На основании сопоставления различных языков и культур он выделяет несколько типов реалий:

- 1) реалии, которые характерны только одному лингвокультурному сообществу и полностью отсутствуют в другом;

- 2) явления или предметы, которые имеют место в обоих лингвокультурах, но имеют разное семантическое и ценностное наполнение;
- 3) лексические единицы, используемые в разных языках и обладающих схожим функционалом;
- 4) явления, которые присутствуют в обоих лингвокультурах и имеют схожее значение, но различаются деталями [Томахин, 2007].

А. А. Реформатский свою классификацию реалий строит на предметно-языковом принципе: 1) имена собственные; 2) монеты; 3) должности и обозначения лиц; 4) детали костюма и украшения; 5) кушанья и напитки; 6) обращения и титулы при именах [Реформатский, 1996].

С. Влахов и С. Флорин предлагают несколько классификаций культурных реалий: 1) предметное деление; 2) местное деление (в зависимости от национальной и языковой принадлежности; 3) временное деление (в синхроническом и диахроническом плане, по признаку «знакомости»; 4) переводческое деление. При проведении данного исследования нам представилось наиболее целесообразным использование классификации на основе предметного деления:

- 1) географические реалии (названия объектов физической географии; названия географических объектов, связанных с человеческой деятельностью; названия эндемиков);
- 2) этнографические реалии (названия предметов быта, труда, искусства и культуры, а также этнические объекты);
- 3) общественно-политические реалии (лексика, связанная с административно-территориальным устройством, органами и носителями власти, общественно-политической жизнью);
- 4) военные реалии (названия подразделений, оружия, обмундирования, военнослужащих) [Влахов, Флорин, 1980].

Так как реалии относятся к разряду безэквивалентной лексики, для их передачи нами использовались способы перевода, характерные для ее передачи, а именно: 1) переводческая транслитерация и транскрипция; 2) кальки-

рование; 3) описательный перевод; 4) приближенный перевод; 5) трансформационный перевод.

Метафоры и фразеологизмы

Метафоры и фразеологизмы – неотъемлемая часть любого языка, которая неизбежно вызывает у переводчика семантические трудности при переводе текста с исходного языка (ИЯ) на переводящий язык (ПЯ).

Для семантизации языковых единиц большую роль играет сам текст. Семантика не может заниматься изучением только изолированных единиц, так как язык представляет собой взаимосвязь денотации и коннотации [Колшанский, 1980]. При семантизации метафорических и фразеологических единиц, выполняемой переводчиком, своеобразие языка оригинала в переведенном тексте зачастую теряется. Однако цель перевода – это не сохранение своеобразия ИЯ, а передача авторского стиля средствами ПЯ [Влахов, Флорин, 1980]. По словам В. Н. Комиссара, суть перевода заключается в достижении коммуникативной равноценности текстов оригинала и перевода путем использования всех ресурсов языка в процессе подбора языковых соответствий [Комиссаров, 1990]. Любая фразеологическая единица (ФЕ), функционирующая в тексте, реализует свое значение в контексте, то есть решающая роль в актуализации значения ФЕ принадлежит контексту [Лавриненко, 2014]. Теория фразеологического контекста была разработана А. В. Кунинным. Он отмечает, что «фразеологический контекст – это актуализатор, вычленяемый на основе сочетаемости, соотнесенности или присоединения относительно семантически реализуемой в речи ФЕ» [Кунин, 1990].

Изучением метафор занимаются разные ученые, как отечественные, так и зарубежные. Однако несмотря на большое количество подходов к переводу метафор и фразеологизмов, универсальный способ перевода так и не выработан [Яковенко, Шайхалиева, 2021]. Одна из наиболее популярных сегодня теорий перевода метафор предложена П. Ньюмарком, который выделил семь способов перевода метафоры [Newmark, 1995]. Однако при переводе метафор и фразеологизмов с китайского языка на русский в данном исследовании мы

руководствовались подходом Раймонда ван де Брука, который предлагает три способа перевода метафор: 1) перевод «*sensu stricto*» (содержание и средство передачи смысла в ИЯ переводятся в ПЯ) ; 2) замещение; 3) перефраз [van Den Broeck, 1981]. Такой выбор обусловило следующее. Переводческий алгоритм П. Ньюмарка направлен в основном на западные языки, но многие китайские метафоры могут быть не понятны представителю западной культуры. П. Ньюмарк дает четкие указания по переводу метафоры (ее анализ, а затем выбор необходимого способа перевода), а ван дер Брок подчеркивает возможность обобщения перевода метафоры. Для него задача теории перевода состоит не в том, чтобы предписать, как следует переводить метафоры, а в описании и объяснении выявленных решений [Кирпикова, 2023].

При переводе метафор и фразеологизмов с китайского языка на русский были выявлены две различные ситуации: полная передача метафоры или фразеологизма ИЯ средствами ПЯ, т. е. перевод «*sensu stricto*», и использование приема замены при передаче метафор и фразеологизмов.

Передача метафор и фразеологизмов предполагает использование в тексте перевода устойчивых единиц различной степени эквивалентности. Всего их можно выделить три: 1) абсолютный фразеологический эквивалент; 2) неполный фразеологический эквивалент (такая единица ПЯ, которая является полным эквивалентом ФЕ ИЯ, но не во всех ее значениях) ; 3) относительный фразеологический эквивалент (отличается от исходной ФЕ по какому-либо из показателей: другие, часто синонимичные компоненты, небольшие изменения формы, изменения синтаксического построения и т. д.) [Шепелева, 2009].

Перевод метафор и фразеологизмов представляет довольно сложную переводческую проблему. Переводчики в каждом конкретном случае исходят из своих представлений об уместности, адекватности и гармоничности перевода.

В первую очередь следует отметить, что фразеологические единицы в китайском и русском языках классифицируются по-разному, что связано как

с различиями менталитета и культурных особенностей, так и с особенностями самих языков. И если для систематизации фразеологических единиц русского языка существует множество классификаций, то для китайского – всего одна. В китайском языке можно выделить всего четыре основных типа фразеологических единиц:

1. Чэньюй (成语) – идиомы, построенные по древнекитайским нормам языка, на пример: 南辕北辙 'делать наоборот'. Имеет дословный перевод 'повернуть оглобли на юг, чтобы ехать на север'.
2. Яньюй (谚语) – пословицы и поговорки, например: 入境问禁, 入国问俗 – 'В чужой монастырь со своим уставом не ходят'. Имеет дословный перевод 'Пересекая границу, спроси о законах, въезжая в страну, спроси об обычаях'.
3. Сехоуюй (歇后语) – народные речения-недоговорки, например, 泥菩萨过江 — 自身难保 – 'Не до жиру, быть бы живу'. Дословный перевод: 'Глиняный бодисатва переправляется через реку – самому-то уцелеть бы'.
4. Цзинцзюйюй (警句语) – крылатые выражения, афоризмы. Например: 书山有路勤为径, 学海无涯苦作舟 – 'В учебе нет легких путей, только упорство может привести к успеху'.

Фразеологизмы типа чэньюй и сехоуюй имеют особые нормы построения. Грамматическая модель чэньюй представляет собой «четырехсложную структуру с различной комбинаторикой морфем: однородные сочетания отдельных четырех морфем / компонентов с сочинительным типом связи, сочетание двух пар морфем, сочетание двух морфем путем удвоения, сложные словосочетания, предложение. Грамматическая модель стремится не только к протяжённости, но и к парности, симметрии в структуре». Сехоуюй, в свою очередь, состоит из двух частей: «первая часть представляет собой сравнение, а вторая служит разъяснением сравнения» [Косинова, 2015].

В русском языке существует несколько классификаций фразеологических единиц. Самой известной из них является классификация В. В. Вино-

градова, которой мы и будем руководствоваться в данной работе. Он выделяет четыре вида фразеологических единиц:

1. Фразеологические сращения – семантически неделимые фразеологические единицы, в которых целостное значение не равно сумме отдельных значений составляющих их слов – компонентов. Например: *бить баклуши, хоть куда, притча во языцах*.

2. Фразеологические единства – устойчивые сочетания, обладающие неразложимым значением, которое не вытекает из значения слов, его составляющих, при буквальном понимании, но оправдано, если эти значения воспринимаются как переносные. Например: *последняя спица в колеснице; терпкий калач; пуганая ворона*.

3. Фразеологические сочетания – такие обороты, в которых имеются слова как со свободным, так и со связанным употреблением. Например: *закадычный друг* – слово «друг» имеет свободную сочетаемость.

4. Фразеологические выражения – устойчивые в своем составе и употреблении ФЕ, которые не только являются семантически членными, но и состоят целиком из слов со свободными значениями. Например: *оттом и врозницу* [Виноградов, 1977].

С точки зрения грамматической структуры, по мнению Н. М. Шанского, фразеологические единицы можно разделить на две группы: предикативные (т. е. соответствующие предложениям) и непредикативные (т. е. соответствующие словосочетаниям) обороты [Цит. по: Глотова и др., 2019].

Однако ряд ученых (напр., А. И. Молотков и В. П. Жуков) относят предикативные обороты к паремиологии (разделу филологии, который занимается изучением пословиц, поговорок, афоризмов, загадок, веллеризмов и т. д.), а вторую группу фразеологических единиц делят на шесть подгрупп [Цит. по: Глотова и др., 2019]:

1) глагольные (*бить баклуши; брать / взять голыми руками; танцевать от печки*);

- 2) субстантивные (*стреляный воробей; соломенная вдова; яблоко раздора*);
- 3) адъективные (*нечист на руку; на рыбьем меху; без царя в голове*);
- 4) авербиональные (*спустя рукава; с гулькин нос; у чёрта на куличках*);
- 5) междометные (вот так клюква! типун тебе на язык! хоть волком вой!);
- 6) глагольнопропозициональные (*руки чешутся у кого; руки не доходят у кого до чего; медведь на ухо наступил*).

Что касается метафор, в российском языкоznании существует множество их классификаций, предложенных разными учеными [Арутюнова, 1998; Никитин, 2001]. Наиболее известным является деление метафор на метонимию, синекдоху, перифраз и олицетворение [Мукаилова, 2021]. В китайском же языкоznании метафоры делятся на явное (образное) сравнение / 明喻, аллюзию (скрытое сравнение) / 隐喻 (暗喻) и метонимию (опосредованное сравнение) / 换喻 (借喻) [Yi, 2017]

1.4.5 Внутрилингвистические значения

Внутрилингвистическое значение языкового знака определяется его взаимосвязями с другими знаками в рамках данной языковой системы. Даные отношения характеризуются многообразием и сложностью. Л. С. Бархударов относит к данной категории отношения звукового сходства, отношения сходства морфемной структуры слов, отношения семантического сходства или несходства, отношения сочетаемости слов друг с другом в строем предложения и т. д. [Бархударов, 1975]

Здесь следует упомянуть о таком понятии как «переводимость». С. Б. Велединская трактует данное понятие как «принципиальную возможность перевода с одного языка на другой». Она приводит концепцию «полной переводимости», из которой следует, что «всякое описание действительности на одном языке может быть перевыражено средствами другого языка благодаря наличию в этих языках одинаковых понятийных категорий». Од-

нако при этом она справедливо замечает, что этот принцип далеко не всегда может быть применен и противопоставляет данной концепции концепцию неполной переводимости, основанную на том, что «в процессе коммуникации информация передаётся лишь частично». Полная же переводимость текста может быть ограничена как исключительно лингвистическими факторами, так и культурными различиями между языками. О внутрилингвистических значениях она говорит в ключе неполной переводимости, так как «лингвистические значения, как правило, вообще не сохраняются в процессе перевода» [Велединская, 2010].

В лингвистике существует несколько теорий переводимости, во-первых, это идея непереводимости текстов. Эта теория была распространена вплоть до начала XX века, существовало множество великих людей, которые выступали против перевода, например, Данте и Сервантес, которые считали, что художественные тексты не могут быть переданы другим языком без утраты своей прелести и гармоничности. По мере развития практики перевода, количества переводчиков, разделяющих идею непереводимости, увеличивалось. Это связано с тем, что в процессе перевода возникало все больше трудностей и вопросов, особенно при работе с художественными текстами. При этом требования к качеству перевода постоянно возрастили.

Во-вторых, это принцип абсолютной переводимости, который подразумевал, что все языки мира, будучи выражением единого коммуникативного потенциала, обладают достаточной степенью семантической совместимости для обеспечения взаимопереводимости. Данная теория представляет собой крайнюю позицию в области переводоведения, характеризующуюся преувеличенной оценкой возможности адекватной передачи смысла с одного языка на другой. Она игнорирует специфику языковых систем и культурных контекстов, приводя к упрощению и обеднению перевода.

Третья же теория, теория относительной или принципиальной переводимости, была сформулирована В. Коллером: «Если в каждом языке все то, что подразумевается, может быть выражено, то в принципе, то, что выражено

на одном языке, можно перевести на другой». В качестве доказательства возможности перевода он приводит достижения переводчиков в развитии связей между народами. Принципиальная возможность перевода основывается на фундаментальном единстве логической структуры мышления, присущем всему человечеству. Логические формы, как и семантические универсалии, являются общими для всех языков, что создает предпосылки для взаимопонимания и перевода. На данном этапе развития перевода доминирует концепция принципиальной переводимости, которая исходит из предпосылки о возможности межкультурной коммуникации. При этом она признает наличие объективных сложностей, возникающих в процессе перевода [Дементьева, 2020].

Однако следует отметить, что масштабы переводимого и непереводимого в существенной мере зависят от жанра исходного текста. Каждый текст обладает уникальным балансом между элементами, поддающимися переводу, и элементами, представляющими трудности для перевода. Можно сказать, что у каждого текста есть свой коэффициент переводимости. При этом, тексты разных жанров характеризуются различными коэффициентами переводимости. Вероятность столкнуться с культурно-специфическими трудностями при переводе специализированных текстов существенно ниже, чем при переводе фольклора или художественной литературы. Это объясняется тем, что специальные знания, понятийный аппарат и актуальные темы,ственные специализированым отраслям, носят в значительной степени интернациональный характер [Дементьева, 2020].

С. Б. Велединская указывает на то, что трудности такого рода, как правило, возникают при переводе каламбуров, основанных на многозначности слов, а также их омонимии или паронимии. Л. С. Бархударов солидарен с данной точкой зрения и подчеркивает, что при переводе внутриязыковые значения могут быть переданы лишь частично или даже вовсе утрачены. Тем не менее, в конкретных контекстах опускать их недопустимо, что обуславливает необходимость их перевода. Л. С. Бархударов делает вывод о том, что

«передача внутрилингвистических значений единиц ИЯ является необходимой в тех случаях, когда сами единицы языка становятся предметом выискивания, то есть в исходном тексте речь идет не о тех или иных предметах явлениях и понятиях объективной действительности, обозначаемых при помощи языковых средств, а о самих этих средствах». При осуществлении перевода важно принимать во внимание специфику исходного текста и определять, какие соответствия являются наиболее уместными. Необходимо решить, допустимо ли в данном контексте опускать некоторые внутриязыковые значения или же их следует сохранить. Важными аспектами при переводе внутрилингвистических значений Л. С. Бархударов считает передачу рифмы, аллитерации, игры слов и значимых фамилий. Он акцентирует внимание на том, что передача внутриязыковых значений играет второстепенную роль в процессе перевода. Необходимость в такой передаче возникает преимущественно в рамках специфических текстовых жанров, к числу которых относятся поэзия и художественная проза. В то же время, следует учитывать, что в отдельных случаях обращение к передаче внутриязыковых значений может оказаться необходимым и при переводе официальных документов, а также научной литературы. Из вышесказанного исследователь делает вывод о том, что «в теории перевода нет никаких незыблемых правил «на все случаи жизни» [Бархударов, 1980].

Действительно, во многих случаях, если переводчик по какой-либо причине не может передать внутрилингвистическое значение, то ограничивается примечанием «непереводимая игра слов». Однако Н. Галь считает, что этим примечанием переводчик «расписывается в собственном бессилии» [Цит. по Влахов, Флорин, 1980]. С.И. Влахов подчеркивает, что достижение буквального перевода при работе с внутриязыковыми значениями возможно лишь в исключительно редких случаях. Отсюда следует, что переводчик должен ясно понимать, какие аспекты перевода он может опустить, а какие – нет. Ему необходимо решить, следует ли ему сохранить содержание оригинала, отказавшись от передачи внутриязыковых значений, или же передать

эти значения, поступившись прагматическим или референциальным значением отдельных слов и выражений. С. Влахов указывает на то, что зависит это в первую очередь от широкого контекста, возможно даже от всего текста в целом, а «уже на втором месте учитываются «карамбульные возможности» ПЯ по сравнению с ИЯ и лексические данные самих единиц» [Влахов, Флорин, 1980].

Следует отметить, что в таких случаях добиться стопроцентного перевода практически невозможно, так как для достижения точного перевода, соответствие между словами исходного и целевого языков должно выходить за рамки простой эквивалентности, необходимо обеспечить полную эквивалентность, охватывающую два или более значения слов. Несмотря на то, что при переводе могут быть достигнуты полная эквивалентность и точное соответствие значений, гарантировать абсолютную точность перевода невозможно. Иногда между эквивалентными единицами текста обнаруживаются тонкие различия в сочетаемости слов, стилистической окраске, эмоциональной коннотации, наборе синонимов и антонимов, а также в этимологии. Эти незначительные, на первый взгляд, расхождения могут стать препятствием для адекватной передачи игры слов и заставить переводчика искать нестандартные решения.

Достижение буквального перевода внутрилингвистических значений, охватывающего как форму, так и содержание, представляется крайне редким явлением. В силу этого переводчик вынужден идти на определенные компромиссы. Существует несколько подходов к решению данной проблемы: передать смысл, но отказаться от использования игры слов; сохранить внутрилингвистические значение, заменив образ и отодвинув точное значение; сосредоточиться исключительно на воспроизведении внутрилингвистического значения, пренебрегая содержанием. Выбор оптимального решения зависит от ряда факторов, прежде всего от требований контекста, как узкого, так и широкого, а порой и всего произведения в целом. Часто переводчику при-

ходится жертвовать точностью смыслового перевода ради сохранения художественной выразительности текста [Будник, Лукьяненко, 2015].

Существует также несколько классификаций внутрилингвистических значений. Например, С. Влахов и С. Флорин рассматривают их в общих чертах на трех уровнях:

1) фонетический уровень (для него характерно преобладание звуковой стороны над смысловой);

2) лексический уровень (к нему относятся различные типы игры слов, основанные на обыгрывании целых слов или их частей, на многозначности или омонимии, на ряде других лексических категорий, например, антонимии или этимологии);

3) фразеологический уровень (для него характерно обыгрывание отдельных компонентов устойчивых сочетаний) [Влахов, Флорин, 1980].

В данном исследовании нами была использована классификация Л. С. Бархударова, который к числу внутрилингвистических значений относит:

1) отношения звукового сходства между словами (рифма, аллитерация, ассонанс и т.д.);

2) отношения сходства морфемной структуры (одни и те же морфемы могут быть представлены в разных словах и иметь в них то же самое значение);

3) отношения семантического сходства (принадлежность слов к одному синонимическому ряду или лексико-семантическому полю) или несходства (антонимия);

4) отношения сочетаемости слов друг с другом в строении предложения (валентность либо коллокабельность слов) [Бархударов, 1975].

1.5 Выводы по главе 1

1. Современная китайская литература является уникальным и самобытным явлением в мировой литературе, а также имеет ряд отличительных осо-

бенностей, таких как особое отношение к словесности, историзм, влияние трех учений, отражение особенностей национального самосознания и т.д.

2. Современная китайская литература начала набирать популярность в СССР в 1950-е гг., однако процесс ее перевода и издания характеризовался спадами вследствие возникновения напряженности в отношениях между странами. В настоящее время наблюдается бум китайской литературы в России среди различных категорий читателей, особенно среди молодежи.

3. Китайский язык отличается своей иносказательностью и образностью, размытыми границами между лексическими структурами в предложении, смазанными границами между единицами грамматической структуры предложения, а также отсутствием строгой морфологии, что вызывает определенные трудности при переводе художественных текстов с китайского языка на русский.

4. В современной лингвистике существует множество понятий термина «референт» и трактовок его взаимосвязи с референциальным значением лексической единицы. В данной работе мы опираемся на положения о референциальном значении Л. С. Бархударова, который говорит о том, что соответствие между понятиями в двух языках часто устанавливается не на уровне референтов, а на уровне денотатов.

5. В ходе исследования было выявлено, что при переводе текста с китайского языка на русский трудности в передаче референциальных значений часто вызывали определенные нарицательные части речи и состоящие из них словосочетания, а иногда и целые предложения. В некоторых случаях одна и та же языковая единица (от отдельного слова до целого предложения) при переводе могла привести к затруднениям, связанным сразу с несколькими видами семантических значений, например, референциальным и прагматическим, прагматическим и внутрилингвистическим. Большую роль в процессе их перевода играли разница в грамматических строях китайского и русского языков.

6. Прагматика является отношением между знаком и участником коммуникации, при этом прагматический потенциал текста существует независимо от автора, прагматика определяется информацией, которую несет текст, и способом ее представления. В своей деятельности переводчик часто сталкивается с трудностями при передаче прагматических значений, для чего может использовать различные переводческие приемы, однако в то же время ему необходимо решить следовать ли авторскому замыслу оригинала или стремиться создать тот коммуникативный эффект, который диктуется новой коммуникативной ситуацией. Значительное влияние на этот выбор оказывает прагматический контекст.

7. В данном исследовании с точки зрения прагматики нами рассматривались также говорящие имена собственные, случайные лакуны и реалии, так как значения лексики, относящейся к данным категориям, включают в себя определённые коннотации, связанные с национально-культурным контекстом.

8. Внутрилингвистическое значение языкового знака определяется его взаимосвязями с другими знаками в рамках данной языковой системы. Передача внутрилингвистических значений напрямую связана с теорией переведимости, которых в лингвистике существует несколько. При этом добиться стопроцентной передачи внутрилингвистических значений практически невозможно, в силу этого переводчик должен идти на определенные компромиссы, жертвуя либо точным значением, либо содержанием.

ГЛАВА 2. ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕДАЧИ СЕМАНТИЧЕСКИХ ЗНАЧЕНИЙ ПРИ ПЕРЕВОДЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ЯНЬ ГЭЛИН

2.1 Материал и методика исследования

Материалом исследования послужили оригинальные тексты произведений китайской писательницы Янь Гэлин / 严歌苓 – повесть «Тринадцать женщин Нанкина» / «金陵十三钗» и рассказы «Квадратный Юэбин» / «方月饼», «Женитьба американского дипломата» / «美国外交官的婚姻», «Слепая девушка, что продавала красные яблоки» / «卖红苹果的盲女子», «Аманда» / «阿曼达». Ни одно из этих произведений не было переведено на русский язык ранее. Повесть «Тринадцать женщин Нанкина» была экранизирована в 2011 году режиссёром Чжан Имоу, однако перевод фильма в исследовании использован не был.

Оригинальные тексты переводились на русский язык с применением программы OmegaT (<https://omegat.org/>), системы автоматизированного перевода, поддерживающей память переводов. Возможности программы включают в себя:

- а) автоматическую сегментацию исходного текста по пунктуационным знакам;
- б) создание вручную переводчиком в процессе перевода языковых пар предложений на языке оригинала и на языке перевода;
- в) ручное наполнение переводчиком глоссария, в который могут входить как устойчивые выражения, так и коллокации;
- г) автоматический поиск точных и неточных соответствий с уже переведенными вручную и занесенными переводчиком в систему фрагментами.

В результате работы переводчика в системе автоматически создается проект, состоящий из текстов-источников (в нашем случае – глав оригинала) целевых текстов (переведённых глав изначально вручную, а затем по мере заполнения памяти – полуавтоматически при нечетких совпадениях и авто-

матически при четких совпадениях), глоссарий, заполненный переводчиком, и файл-программа автоматического запуска проекта.

Подчеркнем, что автоматический поиск и предложение варианта перевода система может осуществлять тогда и только тогда, когда переводчик вручную заложил языковые пары разной размерности (предложения, устойчивые сочетания и идиомы, коллокации) в автоматическую память перевода. Наполнение автоматической памяти перевода осуществлялось автором настоящего исследования.

Объем переведенного нами в OmegaT материала составил 123 623 иероглифа, в число которых входят 4 445 сегментов (8 890 пар предложений китайский → русский). Составленный автором глоссарий насчитывает 417 наименований, в число которых входят фразеологизмы, коллокации, имена собственные и другие лексические единицы, часто повторяющиеся в тексте оригинала. Будучи один раз переведенными вручную, они предлагаются автоматической памятью уже при следующем употреблении в тексте оригинала, что значительно облегчает работу переводчика и позволяет одновременно сохранять высокое качество перевода. Созданный нами проект размещён по ссылке (https://drive.google.com/drive/folders/10NV_A12sW9dvrRkgvCPxYokNUSFQlmbL?usp=drive_link) и может быть открыт при установленной OmegaT по маршруту OmegaT – Проект – Открыть – Выбрать файл в папке сохранения.

2.2 Способы достижения эквивалентности при передаче референциальных значений

Всего было выделено 822 сегмента (частей текста в пределах одного или нескольких предложений), содержащих 1036 языковых единиц, которые по какой-либо причине вызывали трудности при их переводе с китайского языка на русский. При этом часто встречались ситуации, когда трудности при передаче одного и того же сегмента были связаны с несколькими различными семантическими значениями, а иногда и с грамматическими. Также следует упомянуть, что трудности при переводе в одном сегменте могли воз-

никать из-за нескольких различных лексических единиц. Результаты подсчетов представлены в таблице 1.

Таблица 1 – Семантические значения, вызвавшие трудности при переводе с китайского на русский

Семантические значения	Количество (в абс. ед.)	Количество (в %)
Референциальные значения	816	78.76
Прагматические значения	201	19.4
Внутрилингвистические значения	19	1.83

В ходе исследования нами было выделено 816 лексических единиц, референциальные значения которых вызвали трудности при переводе с китайского на русский. Стоит отметить, что в некоторых случаях переводческие приемы, направленные на передачу референциальных значений, использовались совместно с приемами, затрагивающими прагматические и грамматические значения. Результаты подсчетов представлены в таблице 2.

Таблица 2 – Виды лексических единиц, вызвавшие трудности при передаче референциальных значений

Виды лексических единиц	Количество (в абс. ед.)	Количество (в %)
Существительные	95	11.64
Глаголы	127	15.56
Прилагательные	33	4.04
Субстантивные словосочетания	128	15.69
Глагольные словосочетания	130	15.93
Коллокации	34	4.17
Синтаксис	269	32.97

2.2.1 Способы достижения эквивалентности при передаче имен существительных

В ходе исследования было выделено 87 сегментов, содержащих 95 существительных, передача которых на русский язык вызвала затруднения. Все они были разделены на группы согласно классификации В. А. Курдюмова. Результаты представлены в таблице 3.

Таблица 3 – Классификация имён существительных

Диапазоны	Количество (в абс. ед.)	Количество (в %)
существительное → относительное прилагательное	68	71.58
глагол → существительное	18	18.95
прилагательное → существительное	8	8.42
существительное ←→ счётное слово	1	1.05

Для передачи проблемных существительных на русский язык использовались приёмы, которые обычно применяются для перевода безэквивалентной лексики, а именно, – описательный, приближенный и трансформационный виды перевода, а также генерализация и замена на фразеологизм. Зачастую эти приёмы чередовались с различными грамматическими трансформациями, такими как функциональная замена или антонимичный перевод.

Способы перевода лексики диапазона «существительное → относительное прилагательное»

Слова диапазона «существительное → относительное прилагательное» чаще всего вызывали трудности при передаче на русский язык. Всего было выявлено 68 слов данного диапазона, которые вызвали трудности при их переводе. Результаты подсчётов представлены в таблице 4.

Таблица 4 – Способы перевода лексики диапазона «существительное → относительное прилагательное»

Способ перевода	Количество (в абс. ед.)	Количество (в %)
Трансформации	35	51.47
Приближенный перевод	27	39.71
Генерализация	3	4.41
Описательный перевод	3	4.41

Чаще всего для перевода слов данного диапазона использовались трансформации (лексико-семантические и грамматические). Например:

(1) ...不用打听，一看她就是出自一个好背景。

Ему ничего не нужно было спрашивать о ней, ведь ему казалось, что она явно происходит из очень хорошей **семьи**.

Лексическая единица **背景** является существительным и буквально переводится как *фон, подоплётка, предпосылка; окружение, среда, обстановка; история вопроса; прошлое; биографические данные*. Однако русскоязычный узкий контекст не позволяет использовать буквальный перевод данного слова, также его использование вызывает нарушение узуса. Т.е. исходную единицу необходимо заменить на такую, которая была бы более понятна русскоязычному читателю. В данном случае автор имел ввиду, что девушка, казалось, имела хороший «бэкграунд», поэтому слово **背景** вполне возможно передать как *семья*, что будет соответствовать контексту, и в то же время будет понятно русскоязычному читателю.

Зачастую лексико-семантические трансформации сочетались с грамматическими, такими как функциональная замена и распространение (см. Приложение 1, прим. № 1, 2).

Второе место по частоте использования при передаче слов диапазона «существительное → относительное прилагательное» занимает приближенный перевод, который также часто пересекается с различными грамматическими трансформациями. Например:

(2) 她笑得法比吓死了，他自己没搞清的念头她都搞清了，并以这笑安慰他：没关系，男人嘛，这只能说明你是血肉之躯。

Ее улыбка до смерти напугала Фабия. Юмо разгадала те его мысли, которые не понял даже он сам, и этой улыбкой попыталась его успокоить: «Ничего, господин, это только показывает, что ты человек из полоти и крови».

В данном случае лексическая единица 男人 буквально переводится как *мужчина, мужс.* Однако использовать буквальный перевод не представляется возможным, так как он будет противоречить нормам русского языка, ведь слово *мужчина* в русском языке не может употребляться в таком контексте. Т.е. нам необходимо заменить исходную лексическую единицу на такую единицу ПЯ, которая была бы понятна русскоязычному читателю, отражала семантическое значение исходного слова и при этом соответствовала нормам русского языка. Следовательно, вполне возможно заменить исходное 男人 на русское *господин*, которое в данном случае можно считать контекстуальным синонимом, так как обе лексические единицы в данном узком контексте подразумевают под собой обращение к человеку мужского пола.

Следует отметить и те случаи, когда при передаче существительных данного диапазона, приближенный перевод пересекался с другими приёмами, а также различными грамматическими трансформациями (см. Приложение 1, прим. № 3, 4, 5). Приближенный перевод пересекался также и с приёмами, подразумевающими изменение прагматических значений (см. Приложение 1, прим. № 6).

Третье место по частоте использования при переводе лексики данного диапазона занимает генерализация. Например:

(3) 她把漂亮的翘下巴枕在少校宽阔的肩上，两根胳膊成了菟丝子，环绕在戴少校英武的身板上。

Юмо положила свой красивый подбородок на широкие плечи майора, ее руки как **вьюны** обвили его крепкое тело.

Лексическая единица 菟丝子 буквально переводится как *повилика китайская*. Это растение семейства выонковых, внешне очень похожее на знакомый нам выонок. Здесь автор использует метафору, сравнивая с этим растением руки девушки. И эта метафора могла бы быть понятна русскоязычному читателю, но большинству из них такое растение как повилика скорее всего не знакомо, поэтому стоит, используя генерализацию, заменить исходное *повилика* на общее понятие *вьюн*. В таком случае смысл метафоры сохраниться и при этом станет более понятен русскоязычному читателю.

Наименее часто для перевода слов данного диапазона использовался описательный перевод. Например:

(4) 他旁边躺着他的理想：娼妓其内淑女其表。

Рядом с ним лежала **женщина его мечты** – проститутка снаружи и утончённая леди внутри.

Буквальный перевод фразы звучит как «Рядом с ним лежала его мечта...», однако не совсем понятно, что под этим подразумевал автор. Хотя это видно из контекста, но возможность уточнить это с помощью использования переводческих приемов также следует использовать, если таковая имеется. Следовательно, в данном случае мы можем применить описательный перевод и передать исходную лексическую единицу как *женщина его мечты*.

Описательный перевод также пересекался с другими приёмами переводческих трансформаций (см. Приложение А, прим № 7). Стоит обратить внимание и на те случаи, когда одна и та же лексическая единица из этого диапазона передавалась на русский язык с помощью разных переводческих приемов и в итоге была передана разными лексическими единицами ПЯ (см. Приложение А, прим № 8).

Способы перевода лексики диапазона «глагол → существительное»

При проведении настоящего исследования слова данного диапазона встречались намного реже чем слова диапазона «существительное → относительное прилагательное» и составили всего 18.95% от всех существительных, вызвавших проблемы при их переводе на русский язык. Всего было выявлено 15 слов рассматриваемого диапазона, которые вызвали трудности при их передаче. Результаты подсчета представлены в таблице 5.

Таблица 5 – Способы перевода лексики диапазона «глагол → существительное»

Способ перевода	Количество (в абс. ед.)	Количество (в %)
Трансформации	7	50
Приближенный перевод	6	42.86
Описательный перевод	1	7.14

Для перевода слов данного диапазона чаще всего использовались трансформации (лексико-семантические и грамматические). Например:

(1) 就是那时，他和年轻的中国少校交谈了上海撤退和南京失守的事。

Именно тогда Энгельман заговорил с молодым китайским майором о потере Шанхая и сдаче Нанкина.

Лексическая единица 撤退 буквально переводится как *отступать; отводить (войска); отойти назад*. В данном случае она занимает в предложении позицию дополнения. И хотя мы можем использовать буквальный перевод – *отступление из Шанхая*, в представленном контексте он будет не совсем корректен с точки зрения норм русского языка. Поэтому мы можем использовать трансформации и заменить исходную единицу на более подходящую – потеря, которая в любом случае подразумевает ситуацию, когда войска оставляют город и уходят. Следовательно, смысл фразы такая замена не исказит.

Использование трансформаций также пересекалось с приемами, подразумевающими изменения pragматических значений (см. Приложение 1, прим. № 9).

Второе место по частоте использования для передачи слов данного диапазона занимает приближенный перевод. Например:

(1) 这时法比和她已坐在教堂大厅里，做完安魂弥撒的焚香和蜡烛气味尚未消散。

К тому времени они с Фабилем уже сидели в церковном зале. Запах **ладана** и свечного воска все еще витал в воздухе после заупокойной мессы.

Лексическая единица 焚香 буквально переводится как *возжигать фимиам, жечь курительные свечи*. Т.е. здесь автор подразумевал именно запах, который витает в воздухе после сожжения курительных свечей или фимиама. Использование описательного перевода здесь будет не совсем корректно, использование же приближенного – вполне возможно. Основное действие произведения происходит в католической церкви, поэтому исходную языковую единицу можно заменить на слово *ладан*, что не только не исказит семантическое значение всей фразы, но и поможет русскоязычному читателю лучше понять ее содержание.

Наименее часто для передачи слов данного диапазона использовался описательный перевод. Он также пересекался и с таким приемом как замена исходной нейтральной лексики на фразеологизм. Например:

(3) 不知为什么，他跟法比的交流冲动总是错位，法比来跟他谈话时，他恰恰在享受孤寂，而他从孤寂中出来，渴望跟法比交谈时，法比或是敷衍，或者根本不见解影。

По какой-то причине его общение с Фабием всегда происходило **через пень-колоду**. Когда Фабий приходил поговорить с ним, он как раз наслаждался одиночеством, а когда одиночество ему надоедало, и он хотел побеседовать с Фабием, то сам Фабий либо не горел желанием общаться, либо бесследно исчезал.

При переводе лексической единицы использовалось три переводческих приема, а именно, – описательный перевод, замена нейтральной лексики на фразеологизм и функциональная замена. Языковая единица **错位** буквально переводится как *сдвигать; не совпадать; ошибочно располагать*. В данном случае она является частью составного именного сказуемого. Использовать буквальный перевод здесь не представляется возможным, так как это противоречит нормам русского языка, также в этом случае семантическое значение всей фразы будет утеряно. Поэтому мы можем использовать описательный перевод, а чтобы еще точнее передать смысл фразы, возможно заменить нейтральную лексику на синонимичный фразеологизм через пень-колоду. Следует учесть, что в рассматриваемом случае применяется функциональная замена и трансформируется не только лексическая единица, но и вся грамматическая основа в целом.

Способы перевода лексики диапазона «прилагательное → существительное»

Всего было выявлено 7 слов данного диапазона, которые вызвали трудности при их передаче на русский язык, что составляет 8.42% от всей лексики данной группы. Результаты подсчетов представлены в таблице 6.

Таблица 6 – Способы перевода лексики диапазона «прилагательное → существительное»

Способ перевода	Количество (в абс. ед.)	Количество (в %)
Приближенный перевод	4	57.14
Трансформации	3	42.86

Чаще всего для перевода лексики данного диапазона, как видно из таблицы, использовался описательный перевод. Например:

(1) 他的悲哀只有一个女人收入眼底，就是赵玉墨。

Только одна женщина понимала его **боль**, и это была Чжао Юмо.

Лексическая единица 悲哀 буквально переводится как *горестный; страдающий; скорбный; печальный, огорчённый*, однако в данном случае она занимает позицию дополнения. Следовательно, здесь мы можем использовать приближенный перевод и заменить исходную лексическую единицу на существительное, которое было бы близко исходной языковой единице по значению и в то же время помогло бы русскоязычному читателю легко понять общий смысл всей фразы, например, существительное *боль*.

На втором месте по частоте использования – применение трансформаций. Например:

(1) 她那含意万千的凝视是她的技巧，是她用来为自己换取便利的，由此他更加恨她。

Она использовала свои многозначительные взгляды ради собственной **выгоды**, поэтому Фабий возненавидел ее еще пуще.

Языковая единица **便利** переводится как *удобный, выгодный, удачный, благоприятный*. В данном примере она занимает позицию дополнения, но следует отметить, что это дополнение также обусловлено грамматически, т.е. прилагательное «определяется» с помощью специальной частицы и благодаря ей может выполнять функцию дополнения. Однако использовать буквальный перевод в данном случае не представляется возможным, так как он не соответствует контексту. Следовательно, его необходимо заменить на более подходящую языковую единицу, которая и подходила бы по контексту, и по смыслу была бы максимально приближена к исходной, например, *выгода*.

Способы перевода лексики диапазона «существительное ↔ счетное слово»

В ходе исследования нам встретилось только два слова, принадлежащих данному диапазону. Для их передачи использовался приближенный перевод, который в данном случае пересекался с трансформацией pragmatischenkoj значения лексической единицы. Например:

(1) 法比找到了他在美国的一整个家族，有了长幼一大群亲戚。

В США Фабий нашел свою семью, **множество** разновозрастных родственников.

Лексическая единица **大群** может быть как существительным, так и счетным словом. В данном случае оно выступает как счётное слово, но все еще имеет значение *войско, стая, толпа, куча, скопление, масса* и при переводе это значение должно сохраняться. Однако ни одно из этих значений мы не

можем употребить при переводе, но можем заменить исходную языковую единицу на частичный синоним – *множество*. Также следует отметить, что здесь она выступает в качестве пейоративной лексики, т.е. лексики, которая выражает субъективную отрицательную оценку действиям или по отношению к какому-то субъекту. Здесь автор с помощью этого слова показывает негативное отношение Фабия к своим родственникам, и при замене исходного слова на частичный синоним данное прагматическое значение не сохраняется, однако его вполне можно передать в последующих предложениях с помощью приема компенсации или же читатель может понять отношение героя к своей семье исходя из предшествующего контекста.

Таким образом для перевода лексических единиц диапазонов «существительное → относительное прилагательное» и «глагол → существительное» чаще всего использовались различные трансформации, что обусловлено разницей в грамматических строях китайского и русского языков. Использование приближенного перевода для передачи языковых единиц, принадлежащих данным лексическим группам, вызвано противоречием их буквально-го перевода нормам русского языка и сложностью его восприятия русскоязычными читателями. Также в таких случаях возможна замена нейтральной лексики на фразеологизмы для лучшего понимания читателем авторской мысли. Генерализация использовалась в тех случаях, когда автор употреблял слово, обозначающее объект, неизвестный русскоязычному читателю. К нему возможно прибегать в ситуациях, когда буквальное значение конкретной лексической единицы для дальнейшего повествования неважно. Для перевода лексики данных диапазонов описательный перевод использовался тогда, когда буквальный не отображал всю полноту замысла автора и не давал конкретного понимания того, что он имел в виду. В подобных случаях также возможно прибегнуть к приёмам дополнения и распространения, чтобы добавить необходимую информацию, но такую, которая не исказила бы смысл всей фразы в целом. Из-за разницы в грамматических структурах ИЯ и ПЯ в некоторых ситуациях необходимо использовать разные приемы для перевода

одной и той же языковой единицы, в результате чего ее передача осуществляется при помощи совершенно разные единиц русского языка. В случае потери прагматических значений при переводе некоторых лексических единиц, необходимо использовать прием компенсации либо в том же предложении, либо в последующих.

Для передачи языковых единиц диапазона «прилагательное → существительное» чаще всего использовался приближенный перевод – прилагательное заменяется на существительное со схожим значением, частичный либо контекстуальный синоним. Трансформации для перевода лексических единиц данного диапазона использовались в тех случаях, когда буквальный перевод или использование синонимов не соответствует контексту, либо тогда, когда авторский замысел их использования остается не до конца ясным.

Для передачи лексических единиц диапазона «существительное ←→ счетное слово» использовался приближенный перевод совместно с компенсацией, так как применение буквального перевода невозможно из-за его несоответствия нормам русского языка и узкому контексту.

2.2.2 Способы достижения эквивалентности при передаче глаголов

Нами выделено 118 узких контекстов, содержащих 127 глаголов, которые вызвали трудности при переводе на русский язык. Все они были разделены на группы, согласно классификации лексики, предложенной В. А. Курдюмовым (см. Глава 1, с. 43). Первая группа представляет собой глаголы, принадлежащие первым четырём диапазонам, остальные – производные, принадлежащие другим диапазонам. Результаты подсчетов представлены в таблице 7.

Таблица 7 – Классификация глаголов

Диапазоны	Количество (в абс. ед.)	Количество (в %)
Глаголы первых четырех диапазонов	101	92.66
Прилагательное → глагол	5	4.59
Существительное → глагол	3	2.75

Для передачи глаголов, вызывавших трудности при переводе с китайского на русский, использовались приближенный и описательный виды перевода, а также различные лексико-семантические и грамматические трансформации. Зачастую они сочетались с приемами, подразумевающими грамматические трансформации либо изменения прагматических значений лексических единиц.

Способы перевода лексики первых четырех диапазонов

Слова, принадлежащие диапазонам «глагол → прилагательное», «глагол → существительное», «глагол → наречие» и «глагол → предлог», чаще всего вызывали трудности при передаче на русский язык. Лексика, относящаяся к данным диапазонам, была объединена в одну большую группу, так как относилась к классу глаголов согласно китайско-китайским толковым словарям. Всего было выявлено 101 слово, относящееся к данной группе лексики. Результаты подсчетов представлены в таблице 8.

Таблица 8 – Способы перевода лексики, относящейся
к первым четырем диапазонам

Способ перевода	Количество (в абс. ед.)	Количество (в %)
Трансформации	62	61.39
Приближенный перевод	34	33.66
Описательный перевод	5	4.95

Чаще всего для перевода данной группы лексики использовались различные трансформации. Например:

(1) 小愚趴在书娟耳朵上说：“你说哪一个最好看？”

Сююй **припала** к уху Шуцзюань и спросила: «Которая из них самая красивая, ты как считаешь?»

Лексическая единица 趴 буквально переводится как *лежать (падать) ничком; падать ниц; опираться (ложиться) грудью*. Здесь автор имел ввиду, что одна девочка, лежа на матрасе рядом с другой, шепчет ей на ухо – это видно из широкого контекста. Однако грамматические нормы и правила семантического согласования русского языка не позволяют нам использовать буквальный перевод. Следовательно, исходную лексическую единицу необходимо заменить на такую, которая больше всего подходила бы по смыслу, позволяя русскоязычному читателю как можно более точно его понять, но при этом не противоречила бы контексту, например, *припасть*. С точки зрения русского языка этот глагол наиболее точно отражает смысл, заложенный автором, хотя и не является синонимом исходной языковой единицы.

Встречались также случаи, когда одна и та же лексическая единица, переданная с помощью трансформации в русскоязычном тексте, обозначалась разными языковыми единицами. Например, китайский глагол 趴, о котором речь шла выше. В примере (2) он передаётся с помощью совершенно другой лексической единицы:

(2) ...父亲从学校一回家便沉默地往无线电旁边一趴，只要两人一对视，彼此都知道对方心里过了一句什么话：“不知书娟怎样了？”

Как только отец возвращался домой из университета, он молча **подходил** к радио и переглядывался с женой. Оба они знали, о чем думает другой: «Как там Шуцзюань?»

В данном примере та же лексическая единица также передается с помощью трансформации, однако из-за особенностей русского языка мы не можем использовать не только буквальный перевод, но и тот, который использовался в примере (1), ведь фраза «припасть к радио» нарушает узус русского языка. В рассматриваемом случае автор имел в виду, что описываемый

персонаж очень близко подходил к радио, чуть ли не «припадал» к нему ухом, поэтому, чтобы сохранить авторский замысел и в то же время максимально приблизить перевод к оригиналу, исходная языковая единица была заменена на глагол *подходить*.

Лексико-семантические трансформации часто пересекались с грамматическими, так как чаще всего глаголы выступали в предложениях именно в качестве сказуемого (см. Приложение А, прим. № 10, 11). Отдельно следует отметить случаи, когда при передаче лексики рассматриваемой группы использование трансформаций пересекалось с приёмами, подразумевающими изменения прагматических значений лексических единиц (см. Приложение А, прим. № 12, 13).

Для передачи глаголов, относящихся к рассматриваемой группе, часто использовался приближенный перевод, который также, как и различные трансформации, пересекался с переводческими приемами, подразумевающими грамматические трансформации и изменения прагматических значений лексических единиц. Например:

(3) 中国士兵捡起那些纸张，有个别认字的人说：“这是日本人撒的传单，要咱投降！”有识字识得多的，便说：“这上面说了，保证不杀不打，保证有吃有住，还说只要抵抗就剿尽杀绝。

Китайские солдаты подобрали их, и те, кто умел читать, сказали: «Это японские листовки! Они хотят, чтобы мы сдались!» Те, кто **умел читать** лучше, сказали: «Здесь говорится, что они нас не убьют, дадут еду и кров, а если будем сопротивляться, никого не оставят в живых».

Лексическая единица 识字 буквально переводится как *знать иероглифы, быть грамотным*. Значение этого глагола происходит из китайских реалий, подразумевающих иероглифическую письменность и умение грамотных людей ее читать и понимать. Использование буквального перевода в данном

случае возможно, но не желательно, так как это будет буквализмом, который русскоязычному читателю будет сложно воспринять. Однако вполне возможно заменить исходную языковую единицу на близкое по значению *уметь читать*, которое не только является синонимом исходной, но и максимально отражает заложенный автором смысл.

Также следует обратить внимание на случаи, когда одна и та же лексическая единица, передаваемая с помощью приближенного перевода, в русскоязычном тексте отражалась двумя разными словами (см. Приложение 1, прим. № 14, 15). Как было сказано выше, приближенный перевод часто пересекался с переводческими приемами, подразумевающими грамматические трансформации, а также изменения прагматических значений лексических единиц (см. Приложение 1, прим. № 16). Встречались не только случаи замены нейтральной лексики на прагматически маркированную, но и прагматически маркированной на нейтральную (см. Приложение 1, прим. № 17).

Способы перевода лексики диапазона «прилагательное → глагол»

Всего было выявлено 5 слов, относящихся к данному диапазону, которые вызывали проблемы при их переводе на русский язык. Для их передачи также использовались различные трансформации и такой приём как приближенный перевод. Результаты подсчетов представлены в таблице 9.

Таблица 9 – Способы перевода лексики диапазона «прилагательное → глагол»

Способ перевода	Количество (в абс. ед.)	Количество (в %)
Трансформации	4	80
Приближенный перевод	1	20

Чаще всего для передачи лексики данного диапазона применялись лексико-семантические и грамматические трансформации. Например:

(1) 那个冬天，我不治之症的精神抑郁竟然好了。

Той зимой моя неизлечимая депрессия **бесследно исчезла**.

Лексическая единица *好* по сути является прилагательным, обладающим значительной многозначностью. Данная лексема имеет такие значения как *хороший, приятный, красивый, добрый, подходящий, удобный; сильный, крепкий, большой, порядочный* и т.д. В данном случае она используется в качестве сказуемого, однако качественным оно не является, а показывает изменение признака, состояние предмета, что в русскоязычном тексте превращает его в глагол. Здесь имеется в виду, что болезнь, о которой говорит персонаж прошла, т.е. ему стало лучше. Рассматривая данную языковую единицу в качестве глагола, китайско-русский словарь переводит ее как *здравствовать, быть здоровым; выздоравливать, поправляться; излечиваться; проходить (о болезни)*. Мы могли бы использовать буквальный перевод и передать исходную фразу как «...моя неизлечимая депрессия прошла», однако русскоязычному читателю будет сложно воспринять такой перевод, к тому же переданная таким образом фраза звучит незаконченной и будто резко обрывается. Поэтому здесь возможно использовать лексико-семантическую трансформацию совместно с приемом распространения и передать исходную фразу как «...моя неизлечимая депрессия бесследно исчезла».

Приближенный перевод для передачи лексики данного диапазона использовался только один раз.

(2) 她倒一点不冷落他，忙进忙出不时总会给他偷情似的一笑。

Она совершенно не **пренебрегала** им, и, как бы ни была занята, всегда одаривала его улыбкой, будто они были тайными любовниками.

Лексическая единица *冷落* изначально являлась прилагательным со значением *холодный, равнодушный*, однако здесь она используется в качестве

сказуемого, за которым также следует прямое дополнение, следовательно, и на русский язык рассматриваемое слово должно переводиться как глагол, например, *охладеть* (*к кому-либо*), *отстраниться*. Однако использование буквального перевода в данном случае противоречит нормам русского языка, а также не совсем совпадает с авторским замыслом, поэтому возможно, используя приближенный перевод, передать исходную лексическую единицу близким по значению *пренебрегать*.

Способы перевода лексики диапазона «существительное → глагол»

Наименее часто проблемы при переводе вызывали слова, принадлежащие диапазону «существительное → глагол». При переводе исходного текста такие случаи встречались только три раза, в двух из которых для передачи данной лексики использовался приближенный перевод и один раз – трансформации. Например:

(1) 阿婆在他心灵中种下了多愁善感的种，是啊，种是可以被种植的，种也会变异。

Она посеяла в его душе семя этой сентиментальности. Да, это семя вполне могло прорости, **превратившись в нечто совершенно другое**.

Лексическая единица *变异* является существительным и буквально переводится как *отклонение от нормы, мутация*, т.е. в предложении его следует передать глаголом *мутировать*. Однако в данном случае использование буквального перевода невозможно, поскольку глагол «мутировать» относится к научному стилю речи и не соответствует контексту, поэтому здесь вполне оправдано использовать приближенный перевод и заменить исходную языковую единицу на схожее по значению *превращаться*. Однако стоит учесть также грамматический аспект и авторский замысел и использовать функциональную замену, превратив при переводе одно из однородных сказуемых в деепричастие.

Как было сказано выше трансформации использовались для передачи лексики данного диапазона всего один раз:

(2) 他也要让日本人把她们一个个当豆蔻去祸害?

И он позволит этим японцам **сделать с ними то же**, что и с ней?

Лексическая единица 祸害 буквально переводится как *катастрофа, проклятье, зло, беда, опасность, ущерб*, но в данном случае она является сказуемым, т.е. здесь ее необходимо передать как *наносить ущерб либо причинять вред*. Использование буквального перевода здесь возможно, однако это было бы буквализмом, который делает переводной текст громоздким и неестественным, поэтому исходную языковую единицу необходимо заменить на такую, которая не противоречила бы нормам русского языка и в то же время отражала бы смысл, заложенный автором. Например, использовать лексическую единицу *сделать то же*, которая, не противореча правилам семантического согласования русского языка, отсылает читателя к широкому контексту, из которого он может понять, что под этим подразумевается.

Таким образом, для перевода глаголов, относящихся к первым четырём диапазонам, чаще всего использовались различные трансформации, что обусловлено противоречием буквального перевода правилам семантического согласования русского языка, т.е. несочетаемостью сказуемого, которым являлись рассматриваемые глаголы, с подлежащим либо дополнением. Эти же причины обуславливали ситуации, когда один и тот же глагол, используемый в двух разных узких контекстах, передавался двумя разными единицами русского языка. Из-за разницы в грамматических строях китайского и русского языков использование лексико-семантических трансформаций пересекалось с переводческими приёмами, подразумевающими грамматические трансформации, а также изменения pragматических значений там, где это возможно и необходимо.

Приближенный перевод для передачи глаголов, принадлежащих первым четырём диапазонам, использовался в тех случаях, когда употребление дословного перевода влекло за собой буквализмы, не позволяющие русскоязычному читателю понять смысл исходного текста в полной мере. В случаях, когда буквальный перевод не отражал авторский замысел в полной мере, использовался приближенный перевод, что также обусловлено некоторой разницей в значениях китайской и русской лексики.

Для перевода лексики диапазона «прилагательное → глагол» чаще всего применялись различного рода трансформации, что обуславливалось необходимостью превращения прилагательного в глагол с нужным значением, а также необходимостью подстроить сказуемое к нормам русского языка для избежания буквализмов.

Для передачи лексики диапазона «существительное → глагол» чаще всего использовался приближенный перевод, так как подобные глаголы можно назвать отыменными и трудности с их передачей на русский язык были вызваны в основном их несоответствием правилам семантического согласования русского языка.

2.2.3 Способы достижения эквивалентности при передаче прилагательных

В ходе работы с материалами исследования было выделено 29 узких контекстов, содержащих 33 прилагательных, которые вызвали трудности при переводе на русский язык. Все они были разделены на группы, согласно классификации лексики, предложенной В. А. Курдюмовым. Результаты подсчетов представлены в таблице 10.

Таблица 10 – Классификация прилагательных

Диапазоны	Количество (в абс. Ед.)	Количество (в %)
относительное прилагательное → качественное прилагательное	26	78.79

существительное → относительное прилагательное	7	21.21
--	---	-------

Для передачи прилагательных, вызвавших трудности при переводе с китайского на русский язык, чаще всего использовались такие приемы как приближенный перевод и различные лексико-семантические и грамматические трансформации. Отдельно следует отметить и случаи, когда прилагательное подвергалось только грамматическим трансформациям, сохраняя pragmaticальное значение.

Перевод лексики диапазона «относительное прилагательное → качественное прилагательное»

Слова диапазона «относительное прилагательное → качественное прилагательное» чаще всего вызывали трудности при переводе на русский язык. Всего было выявлено 25 слов данного диапазона, которые вызывали трудности при переводе. Результаты подсчетов представлены в таблице 11.

Таблица 11 – Способы перевода лексики диапазона «относительное прилагательное → качественное прилагательное»

Способ перевода	Количество (в абс. Ед.)	Количество (в %)
Трансформации	15	60
Приближенный перевод	10	40

Чаще всего для перевода слов данного диапазона использовались различные лексико-семантические и грамматические трансформации. Например:

(3) 我在看到这张照片时想，这是多么阴暗下流的人干的事。

Когда я увидела это фото, то подумала, какой же **злобный** и мерзкий человек мог такое сделать?

В данном примере лексическая единица 阴暗 буквально переводится как *тёмный, мрачный, хмурый*. Мы можем использовать буквальный перевод, сказав *хмурый человек*, что не противоречит нормам русского языка и правилу семантического согласования, но использование такого словосочетания в данном случае будет противоречить контексту и способствовать искажению общего смысла. В произведении данным прилагательным автор описывает злого кровожадного человека, что видно из широкого контекста, но буквальный перевод рассматриваемой языковой единицы не несет в себе такого значения для русскоязычного читателя, следовательно исходную лексическую единицу следует заменить на такое русскоязычное прилагательное, которое несло бы в себе смысл, заложенный автором, например, *злобный*.

В ходе исследования встречались случаи, когда изменение референциального значения, происходившее с помощью лексико-семантических трансформаций, пересекалось с грамматическими трансформациями (см. Приложение 1, прим. № 18).

Второе место по частоте использования при передаче слов изучаемого нами диапазона занимает приближенный перевод, который также часто пересекается с различными приемами изменения прагматических значений и грамматических трансформаций. Например:

(2) 他神色有些不对劲，那种天生的嬉闹逗趣，忽然不见了，眼睛里有的只是警觉。

У него было **страниое** выражение лица – его природная игривость исчезла, а в глазах застыла настороженность.

Лексическая единица 不对劲 переводится как *ненормальный, что-то не так, не то; не в порядке; не по себе*. В данном случае использовать буквальный перевод, *ненормальное выражение лица*, не представляется возможным, так как он несколько искажает авторский замысел и несет в себе субъ-

ективную негативную оценку. Следовательно, необходимо заменить исходную языковую единицу на такую, которая неискажала бы общий смысл фразы, например, *странный*, которую можно назвать контекстуальным синонимом исходной. В таком случае перевод фразы будет звучать как «Его выражение лица было *странным*...». Однако это было бы буквализмом, предложением, построенным согласно грамматическим правилам китайского языка, поэтому его необходимо переделать согласно правилам русского языка – используя функциональную замену, изменить грамматическую основу, а также функции остальных слов в предложении – «У него было *странное* выражение лица...».

Приближенный перевод пересекался также с изменениями прагматических значений лексических единиц (см. Приложение 1, прим. № 19).

Перевод лексики диапазона «существительное → относительное прилагательное»

Лексику данного диапазона мы уже рассматривали в предыдущем разделе, однако в тех случаях рассматриваемая группа слов была представлена существительными и в предложениях выполняла функции подлежащего либо дополнения. В данном случае мы изучим те ситуации, когда существительное в предложении является определением или качественным сказуемым. Всего было выявлено 7 слов данного диапазона, которые вызвали трудности при переводе. Результаты подсчёта представлены в таблице 12.

Таблица 12 – Способы перевода лексики диапазона
«существительное → относительное прилагательное»

Способ перевода	Количество (в абс. Ед.)	Количество (в %)
Приближенный перевод	3	42.86
Трансформации	2	28.57
Описательный перевод	2	28.57

Чаще всего для перевода лексики данного диапазона использовался приближенный перевод. Например:

(3) 对战败了的军人来说，没有比那种永恒的撤退更体面更尊严了。

Для потерпевших поражение солдат нет ничего более **достойного и благородного** чем подобное отступление в вечность.

В данном примере используются две лексические единицы, принадлежащие рассматриваемому диапазону. Языковая единица 体面 буквально переводится как *честь, достоинство, репутация, престиж; порядочность; приличие, пристойность*, а 尊严 – *достоинство; престиж, авторитет*, т.е. изначально они являются существительными, но здесь выполняют функцию качественных сказуемых, что видно из их грамматического оформления – оба они оформлены наречием степени *更 / более, больше, еще более, еще*. Чтобы передать их на русский язык, мы можем использовать приближенный перевод и заменить их на синонимичные русскоязычные прилагательные – *достойный и благородный* соответственно.

Также для перевода лексики данного диапазона использовались различные трансформации (грамматические и лексико-семантические). Например:

(2) 徐小愚看着剩下的一张张脸，越发眼巴巴，越发没出息。

Сююй посмотрела на лица оставшихся – они становились все более встревоженными и **подавленными**.

Лексическая единица 没出息 буквально переводится как *без стремлений*, однако в данном примере она используется как качественное сказуемое, что видно из грамматической структуры предложения, поэтому на русский язык она должна быть передана как прилагательное, имеющее то же значение,

что и исходное существительное, например, *бесполезный* либо *никчемный*. Однако лицо не может быть ни бесполезным, ни никчемным, поэтому следует заменить исходную единицу на такую, которая не противоречила бы нормам русского языка и в то же время соответствовала контексту и авторскому замыслу, например, *подавленный*.

Использование лексико-семантических трансформаций пересекалось также с изменениями прагматических значений и грамматическими трансформациями (см. Приложение 1, прим. № 20).

Прилагательные, принадлежащие рассматриваемому диапазону, можно назвать отыменными. Именно поэтому способы их передачи на русский язык схожи со способами передачи существительных, принадлежащих этому же диапазону. Наименее часто для передачи подобной лексики использовался описательный перевод. Следует также отметить, что он использовался для передачи только этой категории прилагательных. Рассмотрим пример:

(3) 这套动作是程序化的，机械的，因而是极为靠得住的。

Эти действия отработаны ими до автоматизма и выполняются механически, поэтому такие надежные.

Лексические единицы 程序化 и 机械 переводятся как *программирование* и *машина*, *механизм* соответственно, но в данном случае они являются именной частью составного именного сказуемого, прилагательными, оформленными оборотом 是...的. Передать каждое из них на русский язык одной лексемой не представляется возможным в основном из-за разницы в грамматических строях китайского и русского языков, поэтому мы использовали описательный перевод, который в свою очередь пересекался с применением функциональной замены, так как при трансформации лексических единиц изменились не только они, но и грамматическая основа в целом.

Таким образом, чаще всего для перевода лексики диапазона «относительное прилагательное → качественное прилагательное» использовались различного вида трансформации, так как буквальный перевод данной лексики не противоречит нормам русского языка, в том числе правилу семантического согласования, однако не соответствует широкому контексту и авторскому замыслу, что обусловлено разницей в менталитете и восприятии действительности. Использование лексико-семантических трансформаций в таких случаях часто пересекалось с приёмами, подразумевающими грамматические трансформации, что связано с трудностями восприятия буквального перевода русскоязычным читателем, а также разницей в грамматических строях русского и китайского языков. Приближенный перевод для передачи лексики данного диапазона использовался в тех случаях, когда буквальный перевод языковой единицы противоречил нормам русского языка, но при этом была возможность заменить ее на близкий по значению синоним. Приближенный перевод также пересекался с приемами, подразумевающими изменения прагматических значений, что позволяло построить предложение на русском языке так, чтобы не нарушились грамматические нормы, но в то же время сохранялось референциальное значение фразы.

Для перевода лексики диапазона «существительное → относительное прилагательное» чаще всего применялся приближенный перевод. Исходная языковая единица, по факту являющаяся существительным, передавалась как прилагательное со схожим значением в тех случаях, когда невозможна замена на однокоренное отыменное. В тех случаях, когда использование буквального перевода либо синонимичной лексической единицы противоречило нормам русского языка, использовались различные трансформации. При этом семантика оставалась неизменной, однако могла меняться прагматика и грамматическая составляющая при замене исходной лексики на фразеоговорище. Так как лексику данного диапазона можно отнести к отыменным прилагательным, для их перевода возможно было использовать такой прием как описательный перевод, что присуще в основном существительным. Этот

прием использовался в тех случаях, когда проблемы при передаче лексики возникали из-за разницы в грамматических строях китайского и русского языков.

2.2.4 Способы достижения эквивалентности при передаче субстантивных словосочетаний

В ходе исследования было выделено 128 субстантивных словосочетаний, все они являлись «описательными», при этом в трех из них определение было выражено числительным.

Для передачи данных видов словосочетаний использовались такие трансформации как функциональная замена, семантическое стяжение, метонимический перевод, трансформация согласно правилу семантического согласования, метонимический перевод. Необходимо отметить, что в некоторых ситуациях к одному словосочетанию одновременно можно было применить несколько приемов перевода. Кроме того, в большинстве случаев при передаче словосочетаний с ИЯ на ПЯ изменения затрагивали не только их грамматическую структуру, но и референциальные значения как отдельных частей словосочетания, так и всего словосочетания в целом.

Способы перевода «описательных» словосочетаний

В ходе исследования нами было выявлено 128 словосочетаний данного типа, которые вызвали трудности при передаче с китайского языка на русский. Результаты подсчетов представлены в таблице 13.

Таблица 13 – Способы перевода «описательных» словосочетаний

Способы перевода	Количество (в абс. ед.)	Количество (в %)
Функциональная замена	36	28.13
Семантическое стяжение	36	28.13
Трансформация согласно правилу семантического согласования	30	23.44
Метонимический перевод	20	15.63
Лексическое свертывание	4	3.13

Замена на фразеологизм	2	1.56
------------------------	---	------

Чаще всего для передачи данного вида словосочетаний использовался прием функциональной замены. Функциональная замена является вариантом частичного перевода, но, помимо чисто грамматического преобразования, часто сопровождается еще и лексико-семантическим, то есть использование данного приема может пересекаться с использованием переводческих техник, используемых для передачи референциальных значений лексических единиц. Функциональная замена часто применяется при переводе словосочетаний, лексико-семантическая структура которых не совпадает в ИЯ и ПЯ, что требует выбора иной формы компонентов [Казакова, 2000]. Например:

(1) 感到有些畏惧：这毕竟是一个壮大的军事集体，万一传单散布的诈降失败，是很难对付的。

Им было страшно: ведь китайская армия весьма внушительная – им будет трудно справиться с ними, если план с **распространением листовок с обманкой** провалится.

Определяемым словом в выделенном словосочетании является 诈降 – «притворная капитуляция», таким образом его буквально можно перевести как «притворная капитуляция, распространяемая листовками», однако в русском языке оно лишается смысла. Следовательно, здесь уместно применить функциональную замену: «распространение листовок с обманкой», изменив синтаксическую функцию нескольких компонентов словосочетания. При этом слово 诈降 теряет свое референциальное значение, т.е. используется метод приближенного перевода.

При переводе исходного текста функциональная замена часто использовалась в совокупности с другими приемами, связанными с грамматическими трансформациями (см. Приложение 1, прим. № 21, 22).

На втором месте по частоте использования находится прием семантического стяжения, который относится к одному из способов компрессии и состоит в том, что китайское словосочетание при переводе на русский язык превращается в отдельное слово [Бреус, 2000]. Например:

(2) 书娟大起来，又碰见已经辞退神职的法比，阿多那多，从法比那里又听了一次李全有和王浦生的故事，那时，法比讲出来的故事是经过他的记忆和想象编辑的，**故事不连接的地方**，被他多年来掌握的有关那场战争的宏观知识填补了。

Когда Шуцзюань выросла, она снова встретилась с Фабием Адонато, который к тому времени уже отказался от сана. От него она вновь услышала историю Ли Цюанью и Ван Пушена. Но в то время его воспоминания уже были искажены, а **пробелы** в них заполнены его невероятными знаниями о войне, которые он накопил за эти годы.

Словосочетание **故事不连接的地方** имеет буквальное значение «места, не сообщающиеся историей», однако пословный перевод здесь невозможен, так как для русскоязычного читателя подобная фраза будет непонятна и неестественна, поэтому вполне возможно использовать приём семантического стяжения и заменить словосочетание на синонимичное слово «пробел», подразумевая опущенную часть какой-либо истории.

Часто при переводе подобных словосочетаний прием семантического стяжения пересекался с переводческими техниками, связанными с передачей референциальных значений (см. Приложение 1, прим. № 23). Метод семантического стяжения сочетался также с методом приближенного перевода (см. Приложение 1, прим. № 24).

В следующем примере переводческие трансформации осуществлялись на уровне компонентной эквивалентности: семантический признак в русском и китайском высказываниях был один и тот же, но для его передачи исполь-

зовались разные слова. Данный метод перевода, основанный на согласовании слов по смыслу, а не по форме, использовался в тех случаях, когда трудности возникали исключительно при передаче определительного слова. Например:

(3) 李全有的位置靠外围，离他一步远，就是一把长长的刺刀，他顺着那刺刀往上看，看到一张空白无内容的脸——一个十八九岁的日本兵。

Ли Цюанью стоял вдалеке, а в шаге от него – японец с длинным штыком в руках. Он поднял глаза и уперся взглядом в **совершенно безэмоциональное лицо** японского солдата восемнадцати-девятнадцати лет.

Перевод главного слова 脸 в данном словосочетании не вызывает сомнений, оно переводится как «лицо», однако определение 空白无内容的 буквально означает «пустой, без содержания» – автор подразумевал, что по лицу героя было невозможно что-то прочесть, однако в русском языке правила семантической сочетаемости диктуют выбор других слов. Исходя из этого, китайское сочетание 无内容的 / «не имеющий содержания» необходимо заменить на синонимичное «безэмоциональный», которое семантически сочетается со словом «лицо» в русском языке. В то же время китайское 空白 / «чистый, незаполненный», которое по сути своей усиливает значение сочетания 无内容的, может быть заменено наречием «совершенно», выполняющим ту же функцию.

Для передачи словосочетаний данного типа использовался также метонимический перевод. Это семантическое преобразование основано на смежности понятий в ИЯ и ПЯ, т.е. исходные семантические категории в переведяющем тексте передаются другими категориями, связанными с первыми отношением логической смежности. Например:

(4) 现在，我根据我的想象以小说文字把事件还原。

Теперь же с помощью своего воображения я восстановлю эти события, используя **язык художественной литературы**.

В данном примере субстантивное словосочетание 小说文字 буквально переводится как *язык романа*. Здесь автор подразумевал, что он восстанавливает пережитые им события с помощью языка, который используется при создании художественных произведений, который в китайском языке называется 小说文字. Однако в русском данное явление именуется именно *языком художественной литературы*, поэтому в переводающем тексте необходимо использовать смежное русскоязычное понятие.

Лексическое свертывание является преобразованием, при котором развернутое словосочетание на ИЯ при передаче его на ПЯ сворачивается в более компактное словосочетание, основанное на атрибутивной синтаксической связи [Бреус, 2000]. Например:

(5) “呢喃！你让我打一圈吧？”豆说。呢喃用涂蔻丹的手指扒拉一下右眼的下眼皮。

«Нинань! Дай и мне разок сыграть». – сказала Доукоу. Нинань в ответ только оттянула **наманикюренным пальчиком** правое нижнее веко.

Главным словом в данном словосочетании является существительное 手指 / «палец». При нем имеется определение, выраженное глаголом и существительным 涂蔻丹的 / «покрытый лаком для ногтей». В русском языке данное сочетание возможно заменить более компактным прилагательным «наманикюренный», так как буквальный перевод этой фразы сложно использовать в художественном тексте – она слишком конкретизирует информацию, которую автор хочет донести до читателя. В то же время не стоит забывать о том, что сочетание 涂蔻丹的 в этом случае также теряет некоторую часть своего референциального значения, так как заменяется частичным синони-

мом. При этом прагматическое значение данного выражения изменяется с нейтрального на обиходно-разговорное.

В ходе исследования встречались также случаи замены субстантивных словосочетаний на фразеологизмы. Например:

(6) 他亲爱的老福特是他抛出的替死鬼，必须牺牲它来保住藏在阁楼上和地下仓库里的生命，尽管他与老福特的关系更亲，更难舍难分。

Его драгоценный старенький «Форд» стал **жертвенным агнцем**, которым он поступился, чтобы защитить жизни тех, кто прятался на чердаке и в подвале.

При работе с данным примером китайское словосочетание **抛出的替死鬼**, которое буквально переводится как «выброшенный [человек] гибнущий вместо виновного» / «выброшенный козел отпущения», было передано с помощью метафоры «жертвенный агнец», которая подразумевает человека или животное, принесенное в жертву ради общего блага. Буквальный перевод в данном случае неуместен, так как нарушает узус русского языка, и русскоязычному читателю будет сложно его воспринять, следовательно здесь необходимо максимально адаптировать перевод к нормам русского языка, т.е. использовать выражение «жертвенный агнец», которое также вполне соответствует контексту.

Способы перевода «описательных» словосочетаний с определением-числительным

Отдельно следует рассмотреть способы перевода «описательных» словосочетаний, в которых в качестве определения выступает числительное, так как они имеют некоторые отличительные черты, которые обуславливаются особенностями грамматики китайского языка.

В китайском языке, в отличие от русского, числительные подразделяются всего на два класса: количественные и порядковые. Количественные

числительные обозначают отвлечённые числа или количество предметов, порядковые – порядок предметов при счете. Также следует отметить, что в китайском языке основной характеристикой числительного выступает лексическое значение, которое явно доминирует над грамматическими признаками и чертами [Горелов, 1989]. Важной особенностью китайских числительных является их невозможность употребляться непосредственно перед существительным. В большинстве случаев числительные должны присоединяться к существительным с помощью специальных счётных слов [Ding, 2009].

Следует отметить, что в русском языке количественные числительные также лишены категории грамматического рода, не способны определяться прилагательными и ограничены в количественном плане [Балалыкина, 2009], в то время как порядковые – схожи с прилагательными, поскольку их морфологические признаки и синтаксическая роль определения в предложении у них полностью совпадают [Шведова и др., 1980]. В китайском же языке сочетание числительного, количественного либо порядкового, и счетного слова в предложении выполняет функцию определения, относящегося к последующему существительному, при этом не оформляется никакими дополнительными грамматическими элементами. Такие словосочетания относятся к классу словосочетаний с подчинительной связью (偏正短语), где ядром словосочетания является существительное.

В ходе исследования нами было выделено всего три подобных словосочетания, где оформляющим элементом выступает именно числительное. Два из них были переведены с помощью метода трансформационного перевода, который в то же время пересекался с методами, подразумевающими грамматические трансформации исходных лексических единиц, одно – с помощью метода описательного перевода. Например:

(1) 她们现在是一个集体、一个家庭。

Теперь они были **едины**, были одной семьёй.

Словосочетание 一个集体 буквально переводится как *один коллектив, одна группа*. Использование дословного перевода здесь возможно, однако нежелательно, так как он является буквализмом, который в данном случае делает текст громоздким и неестественным. Поэтому здесь исходное словосочетание необходимо заменить на такую языковую единицу, которая отражала бы смысл фразы и в то же время соответствовала нормам русского языка. Например, с помощью метода трансформационного перевода, использование которого повлечёт за собой такие грамматические трансформации как семантическое стяжение и функциональная замена. Т.е. перевод фразы будет звучать не «Теперь они были одним коллективом...», а «Теперь они были едины...».

Для перевода данного вида словосочетаний использовался также метод метонимического перевода.

(2) 占城四五天，日军里已开始黑市交易。

Город был оккупирован **всего несколько дней**, а черный рынок уже начал процветать.

Дословно словосочетание 四五天 переводится как *четыре-пять дней*. Использование буквального перевода здесь вполне возможно, однако он несет в себе слишком конкретную информацию, что усложняет восприятие текста русскоязычным читателем. Так как эта информация не имеет особой важности для дальнейшего повествования, ее можно опустить, чтобы упростить понимание и восприятие текста, т.е. использовать метод метонимического перевода и передать исходную лексическую единицу схожим по смыслу выражением, *всего несколько дней*.

Таким образом, наиболее часто используемым переводческим приемом для передачи «описательных» словосочетаний в настоящем исследовании являлась функциональная замена. Ее использование было обусловлено в ос-

новном значительной разницей в формально-структурных характеристиках китайского и русского языков, что влечет за собой изменения в референциальных, а иногда и в прагматических значениях языковых единиц. Метод функциональной замены пересекался и с другими приемами, подразумевающими грамматические трансформации языковых единиц, в тех случаях, когда дословный перевод не соответствует нормам русского языка и по факту является буквализмом. Метод семантического стяжения применялся в тех случаях, когда буквальный перевод читателю было бы трудно воспринять, так как чрезмерная детализация, которой он характеризуется, делает его слишком громоздким и из-за этого труднопонимаемым.

К правилу семантического согласования, подразумевающему согласование слов по смыслу, а не по форме, мы обращались в тех случаях, когда семантический признак словосочетаний ИЯ и ПЯ был один и тот же, но имелась разница в его выражении, а следовательно и определительные слова для его выражения необходимо было использовать разные.

Метод лексического свертывания употреблялся при схожих с методом семантического стяжения условиях, но в тех случаях, когда использование семантического стяжения не представлялось возможным. В основном по причине несоответствия такого перевода контексту.

Замена исходной лексики на синонимичные фразеологизмы обуславливалась в основном трудностью восприятия русскоязычным читателем буквального перевода и, главное, возможностью использования такой замены без применения методов, подразумевающих грамматические трансформации лексики. Плюсом такого перевода являлась и возможность придания русскоязычному тексту некоторой выразительности без изменения референциальных значений исходных фраз.

Чаще всего для перевода словосочетаний типа «числительное + существительное» использовался метод семантического стяжения совместно с методом трансформационного перевода, так как дословный перевод, являясь буквализмом искажает смысл фразы и затрудняет восприятие русскоязычно-

го текста. Метод метонимического перевода использовался в тех случаях, когда буквальный перевод нес в себе лишнюю информацию, которая перегружала текст и мешала его восприятию, а найти подходящую лексическую единицу русского языка не представлялось возможным.

2.2.5 Способы достижения эквивалентности при передаче глагольных словосочетаний

Нами был выделено 128 узких контекстов, содержащих 130 глагольных словосочетаний, которые вызывали трудности при их передаче с китайского языка на русский. Все они были разделены на группы согласно классификации Дин Чун-мина. Результаты подсчетов представлены в таблице 14.

Таблица 14 – Классификация глагольных словосочетаний

Виды словосочетаний	Количество (в абс. ед.)	Количество (в %)
«Обстоятельственные» словосочетания	61	46.92
Предикативно-объектные словосочетания	39	30
Словосочетания с результативным дополнением	22	16.92
Словосочетания типа «глагол + глагол»	4	3.08
Словосочетания с сочинительной связью	4	3.08

Для перевода глагольных словосочетаний нами были использованы переводческие приемы, подразумевающие грамматические трансформации, такие как функциональная замена, семантическое стяжение, перестановка семантических компонентов и т.д. Большинство из них пересекались с переводческими приемами, связанными с изменением референциальных значений лексических единиц. Следует отметить, что при подсчете учитывались только основные приемы, из использования которых впоследствии вытекало применение последующих. Например, в том случае, когда использование функциональной замены влекло за собой изменение референциального значения, путем использования приближенного перевода, при подсчете учиты-

валось именно использование функциональной замены как основополагающего приема перевода.

Способы перевода «обстоятельственных» глагольных словосочетаний

«Обстоятельственные» словосочетания чаще всего вызывали трудности при переводе с китайского языка на русский. Всего нами было выделено 61 словосочетание данного типа, также все они были поделены на подгруппы. Эти подгруппы были выделены нами самими для удобства дальнейшего анализа исследуемого материала. Каждая из этих подгрупп в дальнейшем будет рассмотрена отдельно. Результаты подсчетов представлены в таблице 15.

Таблица 15 – Классификация «обстоятельственных» словосочетаний

Виды «обстоятельственных» словосочетаний	Количество (в абс. ед.)	Количество (в %)
Глагольное словосочетание с обстоятельством образа действия, оформленное частицей 地	39	63.93
Глагольное словосочетание с обстоятельством образа действия, оформленное частицей 得	10	16.39
Глагольное словосочетание с обстоятельством образа действия, не оформленным грамматически	8	13.11
Глагольное словосочетание с обстоятельством места	4	6.56

Способы перевода глагольных словосочетаний с обстоятельством образа действия, оформленным частицей 地

Прежде чем приступить к анализу материала, необходимо рассмотреть непосредственно саму частицу 地 / de и её функции. Частица 地 / de является структурной частицей, которая вводит обстоятельство, относящееся к глаголу, данная частица оформляет обстоятельство, стоящее перед сказуемым [Берёза, 2022]. Это обстоятельство в большинстве случаев выражено прилага-

тельным, иногда глаголом в случае, если обстоятельство выражено наречием, частица 地 / de опускается [Septevany, Liu, Qin, Lu, 2021].

Для перевода данного вида словосочетаний использовались приемы функциональной замены, семантического стяжения и правила семантического согласования. В большинстве случаев эти приёмы пересекались с приближенным и описательным переводом, а также лексико-семантическими трансформациями. Встречались также случаи, когда словосочетания данной группы передавались только с помощью способов, подразумевающих изменение референциальных значений лексических единиц. Результаты подсчетов представлены в таблице 16.

Таблица 16 – Способы перевода глагольных словосочетаний с обстоятельством образа действия, оформленным частицей 地

Способы перевода	Количество (в абс. ед.)	Количество (в %)
Функциональная замена	23	58.97
Семантическое стяжение	9	23.08
Правило семантического согласования	7	17.95

Чаще всего для перевода глагольных словосочетаний с обстоятельством образа действия, оформленным частицей 地, использовалась функциональная замена. Например:

(1) 他居然在那天晚上，波拉的男朋友揍阿曼达时，挺身而出地将这暗藏很深的喜爱暴露出来。

Очевидно, что в тот вечер, когда парень Болар избил Аманду, а он **смело выступил вперёд и защитил** ее, его любовь, прятавшаяся глубоко внутри, проявилась.

Рассмотрим буквальный перевод выделенного словосочетания. Лексическая единица 挺身而出 имеет значение *смело выступить, бесстрашно выступить вперед*, а 将 – *поддерживать, защищать, помогать*, т.е. данное словосочетание дословно переводится как *защитить, бесстрашно выступив вперед*. Однако использование буквального перевода исказило бы авторский замысел. Здесь автор подразумевал, что герой выступил из толпы и единственный бросился на защиту, но дословный перевод для русскоязычного читателя будет значить, что он загородил героиню собой от опасности. Для того чтобы максимально приблизить перевод фразы к тому смыслу, который вложил в неё автор, возможно использовать функциональную замену и превратить сказанное, оформленное обстоятельством образа действия, в два однородных сказуемых, которые будут показывать действия, происходившие последовательно, т.е. сначала герой вышел вперед, а потом уже защитил героиню.

В большинстве случаев использование функциональной замены влекло за собой использование таких приемов как описательный или приближенный перевод, либо лексико-семантические трансформации (см. Приложение 1, прим. № 25, 26). В некоторых случаях использование функциональной замены пересекалось с применением лексико-семантических трансформаций (см. Приложение 1, прим. № 27). Встречались также случаи, когда функциональная замена пересекалась не только с приемами, подразумевающими изменение референциальных значений лексических единиц, но и с приемами, связанными с изменениями прагматических значений (см. Приложение 1, прим. № 28).

Для передачи словосочетаний данного типа также использовался прием семантического стяжения. Например:

(2) 排长冲他背影叹息地轻哼：“个狗日的！”

«Этот сукин сын!» – **выдохнул** командир ему в спину.

Чтобы понять смысл выделенного словосочетания необходимо разобрать его по компонентам. Лексическая единица 叹息 буквально переводится как *вздыхать; охать; сетовать*, 轻 - *легкий; легко*, а 声 – является многозначным глаголом, имеющим такие значения как *стонать, охать, кряхтеть; ворчать, фыркнуть, буркнуть, хмыкнуть; бормотать, мурлыкать*. В данном примере используются два обстоятельства образа действия, одно из которых оформляется частицей 地, так как оно является двусложным глаголом, второе же присоединяется напрямую к глаголу, так как является односложным прилагательным. Дословный перевод словосочетания будет звучать как *вздохнув, слегка фыркнул*. Использовать данный перевод не представляется возможным, во-первых, потому что он противоречит нормам русского языка, во-вторых, искажает изначальный смысл, заложенный автором. Здесь он подразумевал, что персонаж профырчал эту фразу, одновременно вздохнув, но буквальный перевод показывает, что он сначала вздохнул, а потом уже фыркнул. Поэтому в данном случае, чтобы сохранить семантику и в то же время адаптировать перевод к нормам русского языка, возможно использовать семантическое стяжение и передать исходное словосочетание как *выдохнуть*.

Использование семантического стяжения часто пересекалось с таким приемом как приближенный перевод (см. Приложение 1, прим. № 29).

Следует также рассмотреть случаи, когда обстоятельство образа действия выражалось звукоподражанием. В таких случаях для их передачи на русский язык использовалось семантическое стяжение. Например:

(3) 搜查厨房的日本兵还在翻箱倒柜，唧里哇啦地说着什么。

Обыскивавшие кухню солдаты все еще рылись там, что-то **бормоча**.

В данном примере обстоятельство образа действия выражено звукоподражанием 唧啦, которое подразумевает по собой галдеж, непонятную

речь, оно относится к глаголу 说 – говорить. Буквально передать это словосочетание на русский язык невозможно, можно лишь понять его смысл. Здесь подразумевается, что девушки говорили что-то невнятное, бубнили что-то себе под нос. Чтобы передать это значение на русский язык, возможно использовать семантическое стяжение и заменить исходное словосочетание на глагол *бормотать*, имеющий то же значение.

Для перевода данного вида словосочетаний использовалось и такое грамматическое свойство языка как семантическое согласование. Например:

(4) 一般我们中总有个把人在这类场合没出息地尖叫。

Обычно среди нас всегда находился кто-то, кто в такой момент мог **глупо завизжать**.

Обстоятельство образа действия 没出息 переводится как *без стремлений, бесполезный, ни на что не годный, никчемный, размазня*, оно относится к глаголу 尖叫 *визжать, звонко кричать*. В данном примере нет трудностей при передаче грамматической составляющей, однако имеются трудности при передаче значения, в русском языке нет такого выражения как *бесполезно завизжать*, поэтому здесь необходимо прибегнуть к правилу семантического согласования и заменить исходную языковую единицу на русскоязычное *глупо*.

В некоторых случаях использование правила семантического согласования пересекалось с приемом описательного перевода (см. Приложение 1, прим. 30).

Способы перевода глагольных словосочетаний с обстоятельством образа действия, оформленным частицей 得

Грамматическая частица 得 / de присоединяет к глаголу постпозитивное обстоятельство. Она может вводить как качественную характеристику действия или процесса, так и указывать на их оценку. Обстоятельство такого

типа всегда следует непосредственно за сказуемым, которое выражено глаголом либо прилагательным [Берёза, 2022]. При подсчете учитывались и те словосочетания, ядром которых являлось прилагательное, так как в этих случаях оно выполняло роль сказуемого и приобретало при этом некоторые свойства глагола.

Для перевода данного вида словосочетаний использовалась функциональная замена, а также правило семантического согласования. Результаты подсчетов представлены в таблице 17.

Таблица 17 – Способы перевода глагольных словосочетаний с обстоятельством образа действия, оформленное частицей 得

Способы перевода	Количество (в абс. ед.)	Количество (в %)
Функциональная замена	7	70
Правило семантического согласования	3	30

Чаще всего для передачи данного вида словосочетаний применялась функциональная замена. Например:

(1) 一只没有梳妆台的梳妆凳, 粉红夹银花纹的缎面, 温柔得不够正派。

Гримерный пух без туалетного столика из розового сатина с серебристым узором, был **настолько нежным, что мог считаться пошловатым**.

Выделенное словосочетание нельзя перевести дословно, можно лишь понять его смысл, исходя из значений отдельных его элементов. Ядром словосочетания является прилагательное **温柔**, которое переводится как **ласковый, нежный, мягкий**, обстоятельство образа действия **不够正派** буквально переводится как **недостаточно праведный**. Т.е. здесь имеется в виду, что гримерный пухфик был настолько нежного окраса, что его нельзя было

назвать приличным. Чтобы передать значение данного словосочетания использовалась функциональная замена совместно с описательным и антонимичным переводом, что проистекает из невозможности передать словосочетание дословно.

Использование функциональной замены пересекалось и с применением других лексико-семантических трансформаций (см. Приложение 1, прим. № 31).

Также для перевода словосочетаний данного типа использовалось правило семантического согласования. Например:

(2) 杨志斌听见韩淼在楼梯上叫他，嗓音显得教养十足。

Ян Чжибинь услышал, как с лестницы его зовёт Хань Мяо, голос которой звучал довольно **строго**.

Ядром данного словосочетаний является языковая единица 显, которая буквально переводится как *проявляться, показываться*, но так как подлежащим является слово 嗓音 *голос*, его необходимо заменить на глагол *звучать*. В то же время обстоятельство образа действия 教养 имеет значение *воспитывать, воспитание, воспитанность, образованность*, однако использование буквального перевода невозможно, так как он не только не соответствует нормам русского языка, но и искажает смысл, заложенный автором. Поэтому нам необходимо прибегнуть к правилу семантического согласования и подобрать такую лексическую единицу русского языка, которая подходила бы по всем критериям, например, *звучать строго*.

Отдельно следует отметить случаи, когда использование правила семантического согласования пересекалось с заменой нейтральной лексики на фразеологизм (см. Приложение 1, прим. № 32).

Способы перевода глагольных словосочетаний с обстоятельством образа действия, не оформленным грамматически

Трудности при передаче с китайского языка на русский вызывали и «обстоятельственные» словосочетания, не оформленные грамматически, т.е. такие, в которых частица 地 отсутствует. Отсутствует она обычно тогда, когда обстоятельство выражено односложным прилагательным, и используется факультативно, если обстоятельство выражено односложным либо двусложным прилагательным в форме повтора или субъектно-предикативными словосочетаниями и звукоподражаниями. Однако односложные звукоподражания всегда оформляются частицей 地 [Берёза, 2022].

Для передачи данного вида словосочетаний применялись такие приемы как функциональная замена, семантическое стяжение и перестановка семантических компонентов. Результаты подсчета представлены в таблице 17.

Таблица 17 – Способы перевода глагольных словосочетаний с обстоятельством образа действия, не оформленным грамматически

Способы перевода	Количество (в абс. ед.)	Количество (в %)
Функциональная замена	5	62.5
Семантическое стяжение	3	37.5

Чаще всего для перевода данного вида словосочетаний использовалась функциональная замена, которая в большинстве случаев пересекалась с переводческими приемами, подразумевающими изменение референциальных значений лексических единиц. Например:

(1) 人满满插了一池子，男女无别。

Бассейн был под завязку заполнен людьми, и мужчинами, и женщинами.

Ядром выделенного словосочетания является глагол 插, который переводится как *вставлять, втыкать; втискивать; вводить; вонзать; ставить*, а обстоятельство выражено прилагательным 满 *полный, наполненный* в удвоенной форме. Дословно перевести фразу можно как «Люди полностью заполнили бассейн...». Однако такой перевод не передает смысл, вложенный автором. В буквальном переводе русскоязычному читателю покажется, что люди заполнили бассейн, например, водой, но здесь подразумевается, что бассейн был заполнен людьми. Поэтому необходимо прибегнуть к функциональной замене, чтобы передать это значение; также здесь возможно заменить нейтральную лексику *полностью* на фразеологизм *под завязку*, который не только сделает перевод более понятным, но и добавит тексту выразительности.

Для передачи рассматриваемого вида словосочетаний использовался и такой приём как семантическое стяжение. Например:

(2) 所以你就在这里瞎指！

Ты только что все это **выдумал**!

Ядром выделенного словосочетания является глагол 指 *указывать*, он оформлен обстоятельством образа действия 瞎 *вслепую, наобум; случайно*. Буквальный перевод фразы *указать наобум* возможно использовать в русском языке, однако в данном случае она противоречит широкому контексту, согласно которому один из персонажей клевещет на другого, обвиняя его в том, что он не делал, т.е. указывает на него наобум, чтобы спасти свою жизнь. Чтобы как можно более четко выразить в тексте перевода этот смысл, необходимо заменить исходную лексическую единицу такой, которая соответствовала бы семантически. Например, использовать семантическое стяжение совместно с лексико-семантической трансформацией и заменить исходную

языковую единицу на глагол *выдумывать*, который не только соответствует перечисленным выше условиям, но и широкому контексту.

Способы перевода глагольных словосочетаний с обстоятельством места

Ядром рассматриваемого вида словосочетаний также является глагол, однако относящееся к нему обстоятельство отвечает на вопрос «где?». Этот вид словосочетаний также вызывал трудности при переводе на русский язык. Для их передачи использовались такие приёмы как семантическое стяжение и правило семантического согласования. Результаты подсчетов представлены в таблице 18.

Таблица 18 – Способы перевода глагольных словосочетаний с обстоятельством места

Способы перевода	Количество (в абс. ед.)	Количество (в %)
Правило семантического согласования	3	75
Семантическое стяжение	1	25

Чаще всего при переводе словосочетаний данного вида мы прибегали к правилу семантического согласования. Например:

(1) 这时他发现自己也做不了美国人，他觉得跟美国亲戚们热络寒暄的是一个假法比，真法比瑟缩在内心，数着分秒盼望这场历史性血缘大会晤尽早结束。

Теперь он понял, что и истинным американцем быть не может. Он почувствовал, что это не настоящий Фабий тепло приветствует свою американскую родню, а истинная его сущность **спряталась глубоко в его душе**, считая минуты и секунды в надежде, что эта «историческая» встреча «родной крови» закончится как можно скорее.

В данном словосочетании главным словом является глагол 翘缩, который переводится как *сжаться, съежиться; дрожать*, т.е. буквально выделенное словосочетание переводится как *съежиться в душе*, однако этот перевод противоречит правилам семантического согласования русского языка. Поэтому его необходимо изменить таким образом, чтобы оно соответствовало нормам русского языка, но при этом не противоречило контексту, например, *спрятаться в душе*.

Для перевода словосочетаний данного типа использовалось семантическое стяжение:

(2) 这是个发育过剩、弹性十足的女性身体了，只是小姑娘对它的觉悟还远远落在后面。

У нее было развитое упругое женское тело, но сознание девочки за ним совершенно **не поспевало**.

Дословно выделенное словосочетание переводится как *остаться позади*, но в данном случае использование буквального перевода невозможно, так как он нарушает узус русского языка. Поэтому здесь вполне возможно использовать семантическое стяжение совместно с приемом антонимического перевода – *не поспевать*.

Таким образом, для передачи «обстоятельственных» словосочетаний, оформленных частицей 地 чаще всего, использовалась функциональная замена, так как буквальный перевод зачастую противоречил нормам русского языка, а иногда и контексту, из чего вытекало и изменение референциальных значений лексических единиц. Семантическое стяжение для перевода данного вида словосочетаний использовалось в тех случаях, когда применение буквального перевода возможно с грамматической точки зрения, однако невозможно с семантической, т.е. дословный перевод не соответствовал значению, заложенному автором. К правилу семантического согласования при пе-

редаче «обстоятельственных» словосочетаний, оформленных частицей 地, мы обращались в тех случаях, когда смысл буквального перевода понятен, но противоречит правилам семантического согласования русского языка.

Для перевода «обстоятельственных» словосочетаний, оформленных частицей 得, чаще всего использовалась функциональная замена. Она применялась в тех случаях, когда словосочетания данного типа невозможно было перевести буквально либо их дословный перевод не соответствовал нормам русского языка. Правило семантического согласования использовалось для передачи словосочетаний данного типа в тех случаях, когда буквальный перевод не соответствовал нормам русского языка.

Функциональная замена для передачи «обстоятельственных» словосочетаний, не оформленных грамматически, использовалась в тех случаях, когда буквальный перевод не отражал смысл, заложенный автором, либо не соответствовал контексту. Семантическое стяжение для передачи словосочетаний данного типа использовалось, когда буквальный перевод не соответствовал нормам русского языка.

Для передачи «обстоятельственных» словосочетаний с обстоятельством места, чаще всего использовалось семантическое согласование. Обычно это происходило в тех случаях, когда дословный перевод словосочетания был бы понятен русскоязычному читателю, но соответствовал правилам семантического согласования русского языка. Семантическое стяжение при переводе словосочетаний данного типа использовалось в тех случаях, когда буквальный перевод не соответствовал контексту.

Способы перевода предикативно-объектных словосочетаний

Предикативно-объектные словосочетания также часто вызывали трудности при переводе с китайского языка на русский. Словосочетания такого типа строятся на основе предикативно-объектных отношений, то есть первый элемент словосочетания является глаголом, второй – существительным или предикативом. Всего нами было выделено 38 словосочетаний, относящихся к

этой группе. Для их передачи использовались переводческие приемы, подразумевающие грамматические трансформации лексических единиц, из применения которых вытекало и изменение референциальных значений. Результаты подсчётов представлены в таблице 19.

Таблица 19 – Способы перевода предикативно-объектных словосочетаний

Способы перевода	Количество (в абс. ед.)	Количество (в %)
Семантическое стяжение	15	39.47
Метонимический перевод	12	31.58
Функциональная замена	5	13.16
Описательный перевод	4	10.53
Правило семантического согласования	2	5.26

Чаще всего для перевода словосочетаний данного типа использовался такой прием как семантическое стяжение. Например:

(1) 他肉体深处被吊起的馋欲使他大受煎熬。

Желание, зародившееся в глубине его тела, **съедало** его.

Буквально словосочетание **受煎熬** переводится как *подвергаться страданиям*, т.е. здесь автор подразумевает, что желание, которое испытывал герой, «заставляло его подвергаться страданиям». Такой перевод использовать невозможно, так как он противоречит нормам русского языка. В данном случае возможно прибегнуть к семантическому стяжению и заменить исходное словосочетание на глагол *съедать*, который является его синонимом и также подразумевает под собой страдания, которые приносят человеку чувства, испытываемые им.

Семантическое стяжение также пересекалось с приближенным переводом, а также использованием других лексико-семантических трансформаций (см. Приложение 1, прим. № 33). Например:

(2) 他心里警告自己，这是最后一句话，说完这句，再也不准另起一行。

Он **решил**, что это будет последнее, что он ей скажет и больше никогда не заговорит с ней.

Выделенное словосочетание дословно переводится как *предостеречь самого себя*. Однако использовать буквальный перевод мы не можем, так как он противоречит нормам русского языка и к тому же искажает смысл оригинальной фразы. Поэтому здесь также необходимо использовать семантическое стяжение и заменить исходную лексическую единицу на глагол, который бы являлся частичным либо контекстуальным синонимом исходного словосочетания, например, *решать*.

Для перевода предикативно-объектных словосочетаний использовался также метонимический перевод. Суть этого приёма заключается в смежности понятий ИЯ и ПЯ, т.е. при переводе вместо названия одного предмета или явления употребляется название другого, связанного с первым постоянной внутренней или внешней связью. Например:

(3) 怎样才能弥补我们之间的裂痕呢？

А иначе как мы сможем **уладить все разногласия** между нами?

В данном случае словосочетание *弥补裂痕* буквально переводится как *восполнять трещину*. Исходя из контекста можно сказать, что это словосочетание имеет переносное значение. Однако использовать дословный перевод здесь невозможно, так как он нарушает узус русского языка, не согласуется семантически с другими членами предложения, а также искажает авторский замысел. Поэтому здесь необходимо обратиться к метонимическому переводу и передать исходное словосочетание русскоязычным *уладить разногласия*, которое соответствует контексту и в то же время отражает заложенный автором смысл.

Для перевода данного типа словосочетаний использовалась также функциональная замена. Она сочеталась с переводческими приемами, подразумевающими изменение референциальных значений лексических единиц. Например:

(4) 寡妇阿婆何尝没有私心，想留住法比？

Она ведь вдова **с добрым сердцем**. Не хочет ли она оставить Фабия у себя?

Словосочетание **没有私心** дословно переводится как *не иметь эгоизма*, но в данном случае использование буквального перевода невозможно, так как он противоречит нормам русского языка и не согласуется семантически с другими членами предложения. Поэтому нам необходимо заменить исходную лексическую единицу на такую, которая соответствовала бы грамматическому строю русского языка и в то же время неискажала смысл, заложенный автором. Здесь возможно привлечь функциональную замену в сочетании с антонимическим и приближенным переводом.

Описательный перевод также использовался для передачи данного вида словосочетаний. Например:

(5) 胆大一点的同学在这种情况下就成了胆小女孩的长辈。

В таких ситуациях более смелые девочки обычно **брали под свое покровительство** более трусливых.

Словосочетание **成了长辈** дословно переводится как *стать старшим*. Здесь под «старшим» имеется в виду человек более опытный в какой-либо области. В русском языке такого понятия не существует, поэтому в данном случае необходимо использовать описательный перевод и передать исходное

словосочетание как *брать под покровительство*. Такой перевод отражает основной смысл словосочетания и соответствует контексту.

Следует также рассмотреть использование правила семантического согласования. Например:

(6) 书娟离开那个透气孔时，发现自己眼里也有泪。

Когда Шуцзюань отошла от воздушного отверстия, она заметила, что у нее в глазах тоже **стоят слезы**.

Словосочетание 有泪 буквально переводится как *иметь слезы*, т.е. дословный перевод фразы будет звучать: «...ее глаза имели слезы». Однако подобный перевод является буквализмом и не может использоваться в русскоязычном тексте. Поэтому здесь необходимо прибегнуть к правилу семантического согласования и заменить исходную языковую единицу на коллокацию *стоят слезы*.

Способы перевода словосочетаний с результативным дополнением

Словосочетания с результативным дополнением – вид словосочетаний, присущий только китайскому языку. В словосочетаниях такого типа ядром является глагол или прилагательное, а вторым компонентом выступают особые морфемы, имеющие значения результата, направления, степени, продолжительности действия, возможности и т.д. В большинстве случаев такие словосочетания переводятся на русский язык одной лексемой, так как подразумевают действия с определенным результатом, выражаемые в русском языке аффиксальным способом – при помощи суффиксов и приставок. Всего было выделено 21 словосочетание данного вида. Для их перевода использовались такие приёмы как функциональная замена, метонимичный и описательный перевод. Результаты подсчетов представлены в таблице 20.

Таблица 20 – Способы перевода словосочетаний
с результативным дополнением

Способы перевода	Количество (в абс. ед.)	Количество (в %)
Метонимический перевод	13	61.9
Функциональная замена	4	19.05
Описательный перевод	4	19.05

Чаще всего для перевода словосочетаний с результативным дополнением использовался метонимический перевод, что обуславливалось в основном контекстом. Например:

(1) 男人虽瘦小却匀称，将波拉这样的女人拎起来再甩出去是不在话下的。

Мужчина был худощавым, но стройным. Ему не составило бы труда привлечь такую женщину, как Болар, а потом бросить.

Буквально словосочетание *拎起来* переводится как *тащить, поднимать, подобрать (с земли)*. Однако использовать дословный перевод здесь не представляется возможным, так как он противоречит контексту. Исходя из того же контекста видно, что автор под этим словосочетанием подразумевал способность мужчины влюбить в себя такую женщину как героиня Болар. Поэтому здесь необходимо использовать метонимический перевод и передать исходную языковую единицу русскоязычным глаголом *привлекать*, который соответствует контексту и отражает смысл, заложенный автором.

Часто для перевода данного вида словосочетаний использовалась и функциональная замена. Например:

(2) 豆蔻两只眼立刻鼓起来：“有种站出来骂！”

«А ругаться в открытую смелости хватит?» – выпучила глаза Доукоу.

Дословно словосочетание 站出来 переводится как *смело выступить вперёд*, т.е. буквально фраза будет переводиться как «Сможете смело выступить вперёд, чтобы ругаться?». Однако данный перевод делает текст громоздким и неестественным. Поэтому здесь необходимо применить функциональную замену совместно с приемом перестановки семантических компонентов и приближенного перевода и передать исходную фразу как «А ругаться в открытую смелости хватит?».

Описательный перевод использовался наравне с функциональной заменой. Например:

(3) 法比听出英格曼来火了。

Фабий по голосу понял, что он зол.

Словосочетание 听出 буквально можно перевести как *услышать*, т.е. «Фабий услышал, что он зол». Однако использование буквального перевода здесь невозможно, так как он не в полной мере отражает смысл, заложенный автором. Поэтому здесь возможно использовать описательный перевод, чтобы как можно более подробно раскрыть смысл фразы, т.е. ее возможно передать как «...по голосу понял...». Такой перевод соответствует контексту, а также наиболее полно отражает авторский замысел.

Способы перевода словосочетаний типа «глагол + глагол»

Словосочетания данного типа состоят из двух или более глаголов, в смысловом отношении не зависящих друг от друга. Нами было выделено всего 4 таких словосочетания, для их перевода были использованы приемы семантического стяжения и метонимический перевод. Результаты подсчетов представлены в таблице 21.

Таблица 21 – Способы перевода словосочетаний типа «глагол + глагол»

Способы перевода	Количество (в абс. ед.)	Количество (в %)
Метонимический перевод	2	50
Семантическое стяжение	2	50

Рассмотрим использование метонимического перевода:

(1) “娃子，现在咱弄了个水饥饿，再抽一袋烟，精神就提上来了，咱就开路逃生去。”

«Ну вот малыш, мы попили, покурили, настроение у нас поднялось. Теперь можно **дать деру**».

Словосочетание *开路逃生去* дословно переводится как *освобождать дорогу и спасаться бегством*. Однако использовать буквальный перевод не представляется возможным, так как он слишком труден для восприятия и в то же время не до конца отражает смысл, заложенный автором. Чтобы исправить эти недостатки, возможно использовать метонимический перевод и заменить исходную языковую единицу на русскоязычное *дать деру*, которое не только отражает авторский замысел, но и соответствует характеру персонажа, который эту фразу произносит, так как является просторечием. Т.е. использование подобной замены также придает тексту определенную выразительность.

Для перевода словосочетаний данного типа также использовался такой переводческий прием как семантическое стяжение. Например:

(2) 英国人、法国人，还有美国人的租界不会打仗。

Английские, французские и американские концессии **нейтральны**.

Словосочетание 不会打仗 дословно переводится как *не мочь воевать*.

В данном случае использование буквального перевода невозможно, так как он не соответствует контексту и не отображает заложенный в исходное словосочетание смысл. «Не мочь воевать» может подразумевать под собой как невозможность войны из-за отсутствия ресурсов, так и из-за политических взглядов либо положения. Широкий контекст и исторические справки говорят о том, что английские, французские и американские концессии во время китайско-японской войны не могли участвовать в военных действиях и обязаны были занимать нейтральную позицию. Поэтому здесь возможна замена исходной лексической единицы на *нейтральны*, т.е. использование семантического стяжения, из чего вытекает и использование функциональной замены и антонимического перевода.

Способы перевода словосочетаний с сочинительной связью

В китайском языке данный вид словосочетаний определяется как словосочетания, которые состоят из нескольких равноправных элементов. В русском же языке данная категория отсутствует, так как в нем однородные члены предложения словосочетанием не являются. В ходе исследования нами было выделено всего 4 словосочетания данного типа. Для их передачи использовался прием лексического свертывания, представляющий собой превращение развернутого словосочетания в словосочетание более компактной структуры. Например:

(1) 我需要时间劝说她们，说你们不杀人，不放火，不抢不奸，对吧？

Мне нужно время, чтобы убедить их, объяснить, что вы **не причините им вреда**, понимаете?

В данном примере выделенное словосочетание буквально переводится как *не будете убивать, жечь и насиловать* и по факту представляет собой группу однородных сказуемых. Однако в данном случае дословный перевод

использовать невозможно, так как русскоязычному читателю будет сложно его воспринять, в связи с его чрезмерной конкретностью и большим объемом. Чтобы это исправить, возможно использовать лексическое свертывание и передать исходное словосочетание с сочинительной связью с помощью более компактного предикативно-объектного словосочетания *не причинять вреда*.

Таким образом, для перевода предикативно-объектных словосочетаний семантическое стяжение использовалось в тех случаях, когда буквальный перевод противоречил нормам русского языка и в то же время искажал смысл всей фразы. Метонимический перевод использовался в тех случаях, когда дословный перевод словосочетания не соответствовал смыслу, заложенному автором. К использованию функциональной замены мы прибегали в тех случаях, когда буквальный перевод противоречил нормам русского языка, что обуславливалось разницей в грамматических строях русского и китайского языков. Описательный перевод использовался в ситуациях, когда буквально перевести словосочетание невозможно в силу отсутствия в русском языке некоторых понятий либо состояний. Правило семантического согласования для перевода словосочетаний данного вида использовалось тогда, когда дословный перевод полностью понятен, но не соответствует правилам семантического согласования русского языка.

Чаще всего для перевода глагольных словосочетаний с результативным дополнением применялся метонимический перевод, так как буквальный перевод большинства таких словосочетаний не соответствовал смыслу, заложенному автором, и русскоязычным терминам, подразумевающим действия, на которые указывает данное словосочетание. Описательный перевод использовался в тех случаях, когда буквальный перевод словосочетания не полностью отражал его смысл и авторскую задумку.

Для перевода словосочетаний типа «глагол + глагол» чаще всего использовался метонимический перевод, так как буквальный перевод большинства таких словосочетаний не только не до конца отражает смысл исходной лексической единицы, но и слишком труден для восприятия. Семантическое

стяжение для перевода словосочетаний данного типа применялось в тех случаях, когда дословный перевод не отражал заложенный автором смысл, так как не соответствовал широкому контексту.

Для перевода словосочетаний с сочинительной связью использовалось лексическое свёртывание, так как буквальный перевод подобных словосочетаний русскоязычному читателю было бы сложно воспринять из-за его излишней конкретики и объема.

2.2.6 Способы достижения эквивалентности при передаче коллокаций

Всего нами было выделено 34 коллокации, которые вызвали трудности при переводе с китайского на русский. Все они были разделены на группы в соответствии с классификацией, основанной на семантических значениях устойчивых словосочетаний. Результаты подсчетов даны в таблице 22.

Таблица 22 – Виды коллокаций

Виды коллокаций	Количество (в абс. ед.)	Количество (в %)
Традиционные	19	55.88
Экспрессивные	8	23.53
Терминологические	7	20.59

Для перевода устойчивых словосочетаний с китайского языка на русский использовались приёмы, связанные в основном с изменением референциальных значений лексических единиц, использование которых, в свою очередь, влекло за собой грамматические трансформации, в отличие от словосочетаний, оформленных особыми грамматическими элементами, перевод которых основывался именно на грамматических трансформациях, влекущих за собой изменение семантики.

Способы перевода традиционных коллокаций

Под традиционными коллокациями понимаются стандартные общеизвестные словосочетания, которые используются в основном в разговорной речи, публицистических и официально-деловых стилях [Палийчук, 2022]. Именно данный вид коллокаций наиболее часто вызывал трудности при передаче на русский язык. Для их перевода применялись такие приемы как приближенный, описательный и трансформационный перевод. Результаты подсчетов представлены в таблице 23.

Таблица 23 – Способы перевода традиционных коллокаций

Способы перевода	Количество (в абс. ед.)	Количество (в %)
Приближенный перевод	14	73.68
Трансформации	3	15.79
Описательный перевод	2	10.53

Чаще всего для перевода традиционных коллокаций использовался приближенный перевод, который в большинстве случаев сочетался либо с грамматическими трансформациями лексических единиц, либо с изменениями их pragматических значений. Например:

(1) 晨祷时枪声响了，似乎城市某处又开辟出一片战场，枪声响得又密又急。

Во время утренней молитвы отчетливо слышались звуки выстрелов, частые и стремительные, как будто где-то в городе снова **начался бой**.

Коллокация **开辟战场** буквально переводится как *открыть новый фронт*. Однако дословный перевод словосочетания не может быть использован, так как не соответствует узкому контексту. Здесь автор имел в виду не само открытие фронта, а непосредственно возобновление боевых действий –

выстрелы, взрывы и т.д. Чтобы отразить в переводе заложенный автором смысл, необходимо использовать приближенный перевод, однако обойтись только им невозможно из-за разницы в грамматических строях китайского и русского языков. Поэтому в данном случае необходима также и грамматическая трансформация – функциональная замена, т.е. исходная коллокация, которая в предложении является сказуемым и дополнением, становится грамматической основой одной из частей предложения – *начался бой*.

Как было сказано выше, приближенный перевод часто пересекался с приемами, подразумевающими изменения прагматических значений лексических единиц (см. Приложение 1, прим. № 34).

Для перевода традиционных коллокаций использовались также лексико-семантические и грамматические трансформации. Например:

(2) 杨志斌站定在屋中央，恐惧地想，他对阿曼达从一开始的另眼相待便是出自于喜爱。

Ян Чжибинь остановился посреди комнаты, с ужасом думая, что его **особое отношение** к Аманде было вызвано любовью.

Коллокация *另眼相待* дословно переводится как *взглянуть на человека другими глазами* (*напр., когда человека никто не ценит, а здесь к нему относятся с уважением*). Следует обратить внимание на то, что в данном предложении рассматриваемая коллокация играет роль дополнения. При передаче текста на русский язык буквальный перевод коллокации использовать невозможно в основном потому, что он не отображает авторский замысел и нарушает правила семантического согласования русского языка. Поэтому исходное словосочетание необходимо заменить на подходящее по значению с помощью лексико-семантической трансформации – *особое отношение*.

Следует также обратить внимание на случаи, когда одна и та же коллокация в разных предложениях переводилась разными способами, с помощью разных единиц переводящего языка (см. Приложение 1, прим. № 35).

Наименее часто для перевода традиционных коллокаций использовался описательный перевод. Например:

(3) 英格曼神父说，安全区的生活条件比教堂更糟，过分拥挤，粪便满地，流行病不断发生，难民们也时而为衣食住行冲突…

Рассказал Энгельман и о том, что условия жизни в Зоне безопасности ещё хуже, чем в церкви: **места на всех не хватает**, повсюду испражнения, распространяются заразные болезни, а беженцы борются за предметы первой необходимости…

Коллокация **过分拥挤** буквально переводится как *переполненность* (*чрезмерно забитый*). Буквальный перевод здесь возможен, но звучит он неестественно, следовательно русскоязычному читателю будет трудно его воспринять, поэтому исходную лексическую единицу необходимо заменить на такую, которая соответствовала бы нормам русского языка, и в то же время отражала смысл, заложенный автором. Здесь возможно использовать описательный перевод и передать исходную коллокацию как *места на всех не хватает*.

Способы перевода экспрессивных коллокаций

Под экспрессивными коллокациями понимаются «комбинаторно обусловленные сочетания слов с выраженной коннотативной составляющей (эмотивность, экспрессивность, оценочность и т.п.)» [Влавацкая, 2019]. В ходе исследования нами было выявлено всего 8 коллокаций данного типа, которые вызывали трудности при передаче на русский язык. Результаты подсчётов даны в таблице 24.

Таблица 24 – Способы перевода экспрессивных коллокаций

Способы перевода	Количество (в абс. ед.)	Количество (в %)
Приближенный перевод	3	37.5
Описательный перевод	3	37.5
Трансформации	2	25

Чаще всего для передачи данного вида коллокаций использовался приближенный перевод. Как и в случае традиционных коллокаций, данный прием пересекался с переводческими приёмами, подразумевающими грамматические трансформации. Например:

(1) 一袋烟的时间在这个死人滩上就是大半辈子…

Несколько минут казались **вечностью** на этом пляже мертвецов…

Коллокация 大半辈子 буквально переводится как *большая часть жизни*, при этом именно в данном случае она употребляется в переносном значении, т.е. здесь она является не традиционной, а именно экспрессивной коллокацией. Однако использование буквального перевода здесь невозможно, так как он не только противоречит нормам русского языка, но и не до конца отражает эмоциональную окраску, которую несет оригинал. Поэтому в данном контексте необходимо использовать приближенный перевод совместно с семантическим стяжением и передать исходное словосочетание как *вечность*.

Для перевода данного вида коллокаций использовался также описательный перевод. Например:

(2) 基本训练从不偷懒的戴涛在此刻尝到了甜头…

Дай Тао, который никогда не отлынивал от тренировок, теперь **чувствовал, что это было не зря**.

Коллокация 尝到甜头 буквально переводится как *попробовать что-то хорошее, вкусить сладость (чего-то)*. Однако перевести данное словосочетание дословно не представляется возможным, так как в русском языке отсутствуют контекстуальные синонимы исходной единицы. Поэтому здесь необходимо использовать описательный перевод, чтобы донести до читателя авторский замысел в полном объеме.

Наименее часто для передачи экспрессивных коллокаций использовались лексико-семантические трансформации. Например:

(3) “那你为什么拼死拒绝？”

“反正我们总是可以迟一会儿去拼死，迟一个多小时……现在你走开吧。”

«Так почему же вы не отказывали **до самого конца?**»

«Мы в любом случае можем **встретить конец** позже – через час с небольшим... А сейчас уйди».

Дословно коннотация 拼死 переводится как *не щадя жизни, рискуя жизнью*. Следует также отметить, что при переводе данного примера возникла необходимость сохранить не только референциальное, но и внутрилингвистическое значение фразы, основанное на данной коллокации. Буквальный перевод словосочетания использовать невозможно, так как он не соответствует правилам семантического согласования русского языка. Поэтому, чтобы сохранить и референциальное и внутрилингвистическое значения возможно использовать лексико-семантическую трансформацию и обыграть рассматриваемую коллокацию через русскоязычное «конец» – *отказывать до самого конца, встретить конец*.

Способы перевода терминологических коллокаций

Некоторые исследователи также называют данный тип коллокаций неоднословными терминами, терминоподобными словосочетаниями и т.д. [Онал, 2019]. В ходе исследования нами было выделено 6 терминологических

словосочетаний, которые вызвали трудности при переводе. Для их передачи были использован приближенный перевод. В некоторых случаях он пересекался с переводческими приёмами, подразумевающими грамматические трансформации исходных единиц. Данные коллокации хотя и являются терминологическими, в то же время используются в художественном тексте, из чего можно сделать вывод, что некоторая вольность при их переводе вполне возможна. Например:

(1) 书娟明白，一定是谁死了，包着毛毯的琴音是为了把丧歌拢在最小范围内。

Шуцзюань поняла, что кто-то должно быть умер, а в одеяла инструмент укутали, чтобы звуки похоронного марша раздавались **как можно тише**.

Коллокация **最小范围** буквально переводится как *минимальный радиус*. Т.е. дословный перевод фразы будет звучать как «...чтобы звуки похоронного марша раздавались на минимальном радиусе», однако такой перевод использовать невозможно. Поэтому здесь необходимо прибегнуть к таким приемам как приближенный перевод и функциональная замена и заменить исходную языковую единицу на контекстуальный синоним *как можно тише*.

Приближенный перевод пересекался и с таким приемом как генерализация (см. Приложение 1, прим. № 36).

Частотность коллокаций в корпусе

В ходе исследования был проведен анализ частотности вербализации выделенных нами лексических единиц в различных жанрах речи, а именно литературном, публицистическом, разговорном, а также в древнекитайских текстах. Исследование проводилось с помощью корпуса китайского языка ВСС, объем которого насчитывает 15 млрд. иероглифов, в том числе языковой материал газет (2 млрд.), художественной литературы (3 млрд.), социальной сети Weibo (3 млрд.), науки и техники (3 млрд.), общекитайского языка

(1 млрд.), древнекитайского языка (2 млрд.) и других сфер. Представленность в различных жанрах речи означает высокую востребованность изучаемых номинаций как для переводчиков, так и для методики преподавания китайского языка. Данные по употреблениям отобранных номинаций в абсолютных единицах представлены в таблице 25.

В круглых скобках указан ранг частотности (порядковый номер кол-ва вхождений в данной выборке) и символ, показывающий, как ранг из данного корпуса соотносится с рангом литературного корпуса, условно взятого за эталон. Знак равенства (=) означает полную тождественность (назовем это частотностью употребления в разных процессах письменной и речевой деятельности), знак примерного равенства ($\approx$) используется при расхождении на 1–2 единицы, знаки меньше / больше (</>) – при расхождении 3–5 единиц, много меньше / больше (<</>>) – от 6 до десяти единиц, намного меньше / больше (<<</>>>) – свыше 10 единиц.

Таблица 23 – Частотность вербализаций коллокаций
(корпусные данные)

№	Коллокация	Перевод	Лит ранг	Пресса ранг	Разг. ранг	древнекит.ранг
1	最大限度地	по максимуму, в максимальной степени	63 (11 =)	8058 (2 <<)	0 (19 >>)	0 (17 >>)
2	扭作一团	бороться друг с другом	16 (17 =)	11 (26 >>)	0 (19 $\approx$)	19 (9 <<)
3	过分拥挤	переполненность (тюрем)	0 (22 =)	49 (18 <)	0 (19 <)	0 (17 <<)
4	想出办法	выйти из затруднения в результате; выходить из затруднения в результате; изобрести способ	88 (10 =)	328 (12 $\approx$)	12 (14 >)	6 (11 $\approx$)
5	拼死	не щадя жизни, рискуя жизнью	236 (4 =)	390 (11 >>)	0 (19 >>>)	242 (3 $\approx$)
6	顺利进行	успешно продвигаться (в выполнении работы, осуществлении задачи)	61 (12 =)	12176 (1 <<<)	44 (9 <)	0 (17 >)
7	开辟战场	открыть новый фронт	0 (22 =)	10 (27 >)	0 (19 <)	0 (17 <<)
8	几十倍	в несколько десятков раз	23 (14 =)	1401 (5 <<)	33 (10 <)	101 (5 <<)
9	两秒钟	две секунды	100 (9 =)	139 (14 >)	142 (3 <<)	3 (13 >)
10	尝到甜头	попробовать (что-то хорошее), вкусить сладость (радость, пре-	8 (20 =)	570 (8 <<<)	25 (11 <<)	0 (17 <)

		лесть) (чего-то)				
11	你能相信吗?	Ты можешь в это поверить?	18 (15 =)	0 (28 >>)	0 (19 >)	0 (17 ≈)
12	最小范围	минимальный радиус	0 (22 =)	37 (22 =)	0 (19 <)	0 (17 <<)
13	上帝保佑你	Бог с тобой!	258 (3 =)	14 (25 >>>)	159 (2 ≈)	0 (17 >>>)
14	在...的带领下	под руководством (кого-то)	145 (7 =)	6382 (3 <)	120 (5 ≈)	4 (12 >)
15	早知道	давно знать, знать раньше	570 (1 =)	745 (6 >)	11039 (1 =)	382 (2 ≈)
16	出乱子	доставить неприятности	136 (8 =)	438 (10 ≈)	20 (13 >)	114 (4 <)
17	浑身大汗	весь в поту, покрыться потом	36 (13 =)	22 (24 >>>)	0 (19 >>)	10 (10 <)
18	大半辈子	большая часть жизни	85 (10 =)	604 (7 <)	110 (6 <)	1 (14 >)
19	大声叫喊	разинуть глотку; распустить кадык; разинуть кадык	207 (6 =)	116 (15 >>)	0 (19 >>>)	31 (7 ≈)
20	精神腐烂	распад психики	0 (22 =)	0 (28 >>)	0 (19 <)	1 (14 <<)
21	梳洗打扮	причёсываться, умываться, краситься и наряжаться; совершать туалет	46 (12 =)	43 (21 >>)	50 (8 <)	39 (6 <<)
22	背景材料	сведения по истории вопроса; предварительные сведения; обзорная информация	17 (16 =)	180 (13 <)	0 (19 >)	0 (17 ≈)
23	安全测试	испытания на безопасность	0 (22 =)	34 (23 ≈)	1 (16 <<)	0 (17 <<)
24	人身侮辱	унижать человеческое достоинство, оскорблять личность	7 (21 =)	52 (17 <)	1 (16 <<)	0 (17 <)
25	造成麻烦	создавать проблемы, доставлять беспокойство, приносить неприятности	10 (19 =)	47 (20 ≈)	9 (15 <)	0 (17 ≈)
26	活动半径	радиус действия, радиус активности	0 (22 =)	48 (19 <)	24 (12 <<<)	0 (17 <<)
27	前后左右	на все стороны, во всех направлениях	216 (5 =)	456 (9 >)	127 (4 ≈)	2033 (1 <)
28	远远超过	намного превышать	320 (2 =)	4163 (4 ≈)	77 (7 >)	1 (14 >>>)
29	另眼相待	взглянуть на человека другими глазами	13 (18 =)	54 (16 ≈)	1 (16 ≈)	30 (8 <<<)

Самое большое общее количество номинаций представлено в подкорпусе публицистических текстов, так как коллокации в принципе характерны для данного жанра и являются его неотъемлемой частью. Использование коллокаций в публицистических текстах обеспечивает связность текста, выражение эмотивно-экспрессивного значения, а также передачу лингвокультурологической информации. В данном подкорпусе самой частотной является

номинация «успешно продвигаться (в выполнении работы, осуществлении задачи)» (№ 6). Это обуславливается возможностью ее использования в публицистических текстах различной направленности: экономических, политических, социальных и т.д. Некоторые коллокации встречались только в прессе, не появляясь ни в каких других подкорпусах, например, №№ 3, 7, 12.

Большинство коллокаций совершенно не встречались в древнекитайских текстах, что обусловлено их референциальным значением, которое напрямую связано с реалиями современного мира и отсутствием подобных понятий в Древнем Китае. Чаще всего в данном подкорпусе встречалась номинация «давно знать, знать раньше» (№15), которая также является самой частотной в подкорпусах разговорной речи и художественной литературы.

Исходя из вышеизложенного, можно заключить, что для передачи традиционных коллокаций чаще всего использовался приближенный перевод, который также пересекался с переводческими приемами, подразумевающими грамматические трансформации либо изменения pragматических значений исходных лексических единиц. Он использовался в тех случаях, когда исходная языковая единица не соответствовала контексту или не до конца отражала заложенный автором смысл. Применение лексико-семантических трансформаций для передачи традиционных коллокаций обуславливалось невозможностью подобрать частичный либо контекстуальный синоним исходной лексической единицы в русском языке. Наименее часто для передачи традиционных коллокаций использовался описательный перевод. Данный прием актуален в тех случаях, когда дословный перевод возможен, но представляет собой буквализм, и русскоязычному читателю сложно его воспринять.

Для передачи экспрессивных коллокаций чаще всего использовался приближенный перевод, так как буквальный перевод в таких случаях не до конца отражал эмоциональную окраску оригинального текста, а иногда и не соответствовал контексту. Описательный перевод для передачи данного вида коллокаций привлекался в тех случаях, когда невозможно было подобрать частичный либо контекстуальный синоним в русском языке. Наименее часто

для передачи экспрессивных коллокаций использовались лексико-семантические трансформации. Они действовались в тех случаях, когда буквальный перевод не отражал авторскую задумку и в то же время противоречил правилам семантического согласования русского языка.

Для передачи терминологических коллокаций использовался исключительно приближенный перевод, что обуславливалось излишним объемом дословного перевода и его чрезмерной конкретикой, которые затрудняют восприятие буквального перевода русскоязычным читателем.

2.2.7 Способы достижения эквивалентности при передаче синтаксических особенностей текста

Всего нами было выделено 249 узких контекстов в китайских текстах, которые вызвали трудности перевода на русский язык по причине их синтаксических особенностей. Следует отметить, что в некоторых случаях для их перевода независимо друг от друга использовалось несколько переводческих приемов одновременно, в остальных же случаях использование одних приемов вытекало из использования других. Также многие приемы, связанные с грамматическими трансформациями, использовались совместно с переводческими приемами, подразумевающими изменения референциальных значений исходных лексических единиц, причём в некоторых случаях не просто отдельных слов или словосочетаний, а частей сложных предложений и их грамматических основ. В общей сложности в данных 249 узких контекстах насчитывается 269 переводческих трансформаций. Результаты подсчетов представлены в таблице 26.

Таблица 26 – Способы перевода предложений

Способы перевода	Количество (в абс. ед.)	Количество (в %)
Функциональная замена	174	64.68
Добавление	38	14.13
Антонимический перевод	28	10.41

Опущение	14	5.2
Перестановка	8	2.97
Стяжение	4	1.49
Распространение	3	1.12

Использование функциональной замены

Чаще всего для передачи предложений, вызывающих трудности при переводе с китайского языка, использовался такой прием как функциональная замена, которая подразумевает под собой замену одних грамматических конструкций другими при сохранении общего смысла фразы. Например:

(1) 上士的方言把他的部队番号都告诉他了。

Он определил номер дивизии старшего сержанта по его диалекту.

Данное предложение буквально переводится как «Диалект старшего сержанта сказал ему номер его дивизии». Дословный перевод рассматриваемой лексической единицы является буквализмом и строится по грамматическим правилам китайского языка. В русском языке в данном контексте лексическая единица *方言* *диалект* подлежащим быть не может. Из этого следует, что хотя буквальный перевод предложения может использоваться в русскоязычном тексте, он будет выдавать язык оригинала, а также усложнять восприятие текста читателем. Поэтому в рассматриваемом случае необходимо использовать прием функциональной замены, превратив подлежащее в дополнение и заменив сказуемое. В таком случае изменится только сама конструкция предложения, смысл же останется прежним.

Зачастую функциональная замена использовалась совместно с приемами, подразумевающими изменение референциальных значений лексических единиц. Т.е. менялась не только грамматическая, но и семантическая составляющая предложений (см. Приложение 1, прим. № 37, 38).

Изменение конструкции и смысла фразы зачастую зависело от перевода конкретных составляющих предложения, например, если подлежащее или

сказуемое являлись ядрами субстантивного либо глагольного словосочетания, которое вызвало трудности при переводе. Т.е. от перевода таких словосочетаний зависела семантика всего предложения в целом (см. Приложение 1, прим. № 39). Отдельно следует отметить случаи, когда использование функциональной замены влекло за собой использование других переводческих приёмов, подразумевающих грамматические трансформации (см. Приложение 1, прим. № 40). В некоторых случаях применение функциональной замены сопровождалось также изменениями прагматических значений исходных лексических единиц (см. Приложение 1, прим. № 41).

Использование добавления

На втором месте по частоте использования находится такой переводческий прием как добавление. Он подразумевает использование в переводном тексте лексических единиц, которые отсутствуют в тексте оригинала. Например:

(2) ...眼睛却近一步张大了：这个妖精是怎么了？死在阿顾怀里了！

... Но вдруг ее глаза расширились **от возмущения**: да что не так с этой чертовкой? Она что, померла прямо на А-гу?

В данном случае при переводе исходной лексической единицы необходимо использовать прием добавления и уточнить в тексте перевода, что глаза у героини расширились именно от возмущения, а не, например, от страха. Использование данной переводческой техники обусловлено наличием определенного смысла, который виден только в тексте оригинала и который перевод отразить не сможет. Следовательно, здесь необходимо прибегнуть к восстановлению формально невыраженного в тексте элемента, иначе отсутствие уточняющего добавления затруднит понимание описываемой автором ситуации русскоязычным читателем.

Зачастую использование приема добавления, а следовательно изменение структуры фразы, зависело от трудностей при переводе конкретных лексических единиц, например, сказуемого (см. Приложение 1, прим. № 42).

Использование антонимического перевода

Для передачи узких контекстов, вызывающих трудности при переводе, использовался также антонимический перевод. Этот прием подразумевает использование лексических единиц, имеющих значение противоположное исходным. Например:

(3) 她从来没有不公道过啊。

Она всегда была справедливой.

Буквальный перевод исходного предложения звучит как «Она никогда не была несправедливой». Использование такого варианта в переводном тексте невозможно, так как это буквализм, построенный по грамматическим правилам китайского языка, противоречащий логическим характеристикам исходного сказуемого. Поэтому здесь необходимо использовать антонимический перевод, чтобы добиться наиболее адекватного и понятного для русскоязычного читателя варианта передачи исходного текста.

Использование опущения

Для передачи узких контекстов, вызывавших трудности при переводе с китайского на русский, использовался также такой приём как опущение, т.е. «удаление» из переводного текста лишней информации. Например:

(4) 断墙那边，一注池水在早上八点的天光中闪亮。

За проломом виднелся пруд, блестевший под утренним солнцем.

Дословный перевод данной фразы звучит как «За проломом виднелся пруд, блестевший под утренним восьмичасовым солнцем», т.е. здесь автор

уточняет, что в тот момент было именно восемь часов утра. Однако для русскоязычного читателя эта информация является излишней и неважной, а также затрудняет понимание читателем текста, поэтому ее вполне возможно опустить.

Использование перестановки

Перестановка – это прием, который подразумевает модификацию последовательности лингвистических единиц в переведном тексте относительно исходного текста. Перестановке могут подвергаться лексические единицы на разных уровнях, от отдельного слова до самостоятельных предложений в строем текста.

(5) 因为没有风琴手——风琴手和学校其他师生陆续离开了南京，法比此刻只能充一充数。

Так как органиста не было – органист вместе с остальными учениками и учителями уехал из Нанкина – играть мог только Фабий.

В данном случае имеет место применение перестановки в третьей части сложного предложения. Вызвавший проблему участок буквально будет переводиться как «...только Фабий мог играть», однако, исходя из контекста, видно, что данный перевод не может быть использован. В приведенном случае в тексте необходимо выделить информацию о том, что Фабий единственный, кто мог играть на органе, – она является здесь самой важной. Для этого необходимо использовать перестановку, так как в русском предложении коммуникативно значимые компоненты, несущие новую информацию, тяготеют к концу фразы, иногда вплоть до расщепления именного сказуемого. В китайском же языке существует четкий порядок слов, который нельзя нарушать, а рема может выражаться другими способами, которые не требуют ее помещения в конце фразы.

Использование стяжения

Под стяжением понимается объединение нескольких частей предложения в одно или нескольких простых предложений в одно более сложное. Например:

(6) 汉奸继续说：“只是为了万无一失，不出乱子，请大家千万别误会！”

«Это просто чтобы все **прошло без сучка, без задоринки**. Не поймите неправильно!» – сказал переводчик.

В данном примере две части предложения были объединены в одну, и так как одна из них представляет собой фразеологизм, они были заменены на русскоязычную идиому с синонимичным значением. Дословно перевод фразы звучит как «...чтобы не было ни одного промаха из десяти тысяч, не случилось неприятностей...». Поскольку на русском языке подобная дробность предложения выходит за рамки требований выразительности, т.е. ничем не оправдана, необходимо использовать стяжение для придания тексту стилистических и синтаксических особенностей именно русского языка.

Использование распространения

Такой прием как распространение для передачи предложений, вызвавших трудности при переводе, использовался наименее часто. Он подразумевает превращение единичного члена предложения в группу или в целое придаточное предложение. Например:

(7) 法比·阿多那多刚趁着浓重的酒意昏睡过去，此刻又趁着酒意破口大喊：“亵渎！

Перед тем как быть вызванным к святому отцу, Фабий Адонато спал алкогольным сном, и теперь, еще не протрезвев, начал ругаться: «Святотатство!»

В данном примере слово 刚, которое буквально переводится как *только что; как раз; только-только*, с помощью распространения было превращено в распространенное обстоятельство времени. Это обусловлено тем, что дословный перевод не сможет донести до русскоязычного читателя определенную конкретику, необходимую для понимания сюжета, так как данное предложение отделено от контекста большим количеством фраз, к нему не относящихся. Подобный разрыв является помехой для восприятия текста русскоязычным читателем.

Равноправное использование нескольких переводческих приемов

В ходе исследования часто встречались случаи, когда при переводе предложений использовалось несколько равноправных приемов грамматических трансформаций. Например:

(8) 现在以四缺一的肢体行动的李全有方便多了。

Теперь, когда он мог шевелить тремя из четырех конечностей, ему было намного легче передвигаться.

Дословный перевод данного предложения звучит как «Теперь Ли Цюанью было намного легче двигать телом, в котором не хватало одной конечности». Для его перевода использовались перестановка и антонимический перевод. Здесь необходимо выделить именно то, что герою стало легче передвигаться, именно эта информация является ремой предложения. А так как в русском предложении коммуникативно значимые компоненты, несущие новую информацию, тяготеют к концу фразы, нам необходимо использовать перестановку. В то же время в данном случае необходимо использовать антонимический перевод, так как логические характеристики исходной лексической единицы при использовании буквального перевода не будут соответствовать заложенному автором смыслу, отображенном в широком контексте.

Таким образом, чаще всего для передачи целых предложений использовалась функциональная замена. Она использовалась в тех случаях, когда структурно-семантические свойства языковой единицы в исходном и перево-дящем языках не совпадали. Использование функциональной замены часто влекло за собой применение других переводческих приёмов, подразумевающих грамматические трансформации, в тех случаях, когда замена только од-ного члена предложения по каким-либо причинам не представляется воз-можной. Применение функциональной замены также иногда приводило к за-действованию переводческих приемов, подразумевающих изменение рефе-ренциальных значений лексических единиц, в тех случаях, когда это обу-славливается разницей в грамматических строях китайского и русского язы-ков, в частности правилами семантического согласования.

Добавление применялось в случае наличия в предложении определен-ного смысла, который значительно влиял на общее содержание текста и дол-жен был быть отражен в тексте перевода для лучшего понимания читателем русскоязычного текста и заложенной в нем авторской задумки. Опущение же использовалось при наличии в исходном тексте излишней информации, ко-торая не важна для понимания читателем содержания и в то же время пре-пятствует его восприятию русскоязычным читателем.

Антонимический перевод применялся в случае несовпадения логиче-ских характеристик исходной языковой единицы и ее общего смысла в языке перевода.

Перестановка использовалась в тех случаях, когда традиции актуально-го членения предложения китайского языка из-за своих особенностей значи-тельно искажают общий смысл текста на русском языке.

Стяжение применяется в том случае, когда уровень сложности исход-ного предложения выше, чем позволяют возможности русского языка для данного контекста, из-за грамматических либо синтаксических различий ИЯ и ПЯ.

Распространение используется тогда, когда уровень сложности предложения в китайском языке ниже, чем требуется для данного контекста в русском языке, либо необходимо для передачи определенного члена предложения, который в русском языке не имеет эквивалента.

2.3 Способы достижения эквивалентности при передаче pragматических значений

В ходе исследования нами было выделено 30 сегментов, содержащих лексические единицы, передача pragматических значений которых вызвала трудности при их переводе с китайского языка на русский. Следует отметить, что метафоры и фразеологизмы, вызвавшие трудности при их передаче в ПЯ, будут в дальнейшем проанализированы отдельно. Результаты подсчетов представлены в таблице 27.

Таблица 27 – Виды лексических единиц, вызвавших трудности при переводе

Виды лексических единиц	Количество (в абр. ед.)	Количество (в %)
Звукоподражание	12	40
Сниженная лексика	11	36.67
Возможная лексика	7	23.33

2.3.1 Способы достижения эквивалентности при передаче звукоподражаний

В словаре О. С. Ахмановой приводится следующее определение термина «звукоподражание»:

1. Условное воспроизведение звуков природы и звучаний, сопровождающих некоторые процессы (дрожь, смех, свист и т.п.), а также криков животных.
2. Создание слов, звуковые оболочки которых в той или иной степени напоминают называемые (обозначаемые) предметы и явления [Ахманова, 2004].

Д. Кристал определяет «звукоподражание» как термин, используемый в семиотике и лингвистике для обозначения прямой связи между формой и значением языка, когда используемые звуки отражают свойства внешнего мира [Crystal, 2008]. Таким образом, звукоподражание включает в себя слова, возникшие на основе фонетического уподобления неречевым звукокомплексом. Такие слова часто обозначают различные движения, световые явления, форму, величину, эмоциональное состояние человека или животного [Алиева, 2014].

В оригинальном тексте автор чаще всего использовал звукоподражания, имитирующие звуки неживого окружающего мира и человеческой деятельности, реже – звукоподражания, имитирующие звуки природы и голоса животных. Всего нами было выделено 12 сегментов, содержащих звукоподражания. При этом следует отметить, что все слова, относящиеся к данному типу, являлись частями субстантивных либо глагольных словосочетаний, в основном «обстоятельственных». Вследствие этого перевод звукоподражаний сопровождался также грамматическими трансформациями. Для их передачи использовались такие приемы как описательный перевод и использование лексико-семантических трансформаций, которые применялись параллельно с функциональной заменой и семантическим стяжением. Результаты подсчетов представлены в таблице 28.

Таблица 28 – Способы перевода звукоподражаний

Способы перевода	Количество (в абс. ед.)	Количество (в %)
Трансформации	8	66.67
Описательный перевод	4	33.33

Чаще всего для передачи звукоподражаний использовались лексико-семантические трансформации в совокупности с грамматическими преобразованиями. Например:

(1) 几分钟之后，他那条露天的腿就被一个日本兵盯上了，**扑通**一声，刺刀进入了他大腿上那块厚实的肌肉。

Несколько минут спустя японский солдат увидел его ногу, и штык его орудия **с глухим звуком** вошел в толстую мышцу его бедра.

В данном случае лексическая единица **扑通** является звукоподражанием падению и буквально может быть передана как «плюх, булых, шлеп», т.е. дословно фразу можно перевести как «...штык со звуком плюх вошел в толстую мышцу его бедра». Однако правила русского языка препятствуют использованию такого перевода, следовательно здесь необходимо заменить исходную лексическую единицу таким образом, чтобы перевод передавал авторский замысел и в то же время не противоречил нормам русского языка. В данном случае возможно использовать лексико-семантическую трансформацию совместно с функциональной заменой и заменить звукоподражание прилагательным – «... с глухим звуком...».

Часто выявленные нами звукоподражания являются частью глагольного «обстоятельственного» словосочетания. Например:

(2) 杨志斌竟听不懂他呱呱地在叫什么，满心都是阿曼达那束目光给他
的酸楚。

Ян Чжибинь не смог понять, что он **проквакал**, его сердце наполнилось той же тоской, какую излучали глаза Аманды.

В данном примере звукоподражание **呱呱** является обстоятельством образа действия, относящемся к глаголу **叫** *кричать, воскликнуть*. Сама же лексическая единица **呱呱** является звукоподражанием кваканью, кряканью, птичьему гоготанью, т.е. словосочетание **呱呱地叫** буквально перевести невозможно, только в том случае если использовать лексико-семантическую трансформацию совместно с функциональной заменой – *квакая крикнул*. Од-

нако использовать данный перевод также не представляется возможным, исходя из грамматических правил русского языка, следовательно здесь необходимо использовать также семантическое стяжение, превратив глагольное словосочетание в глагол *проквакал*.

Также для перевода звукоподражаний использовался описательный перевод. Например:

(3) 只听一阵稀里哗啦的响声，包袱下雹子了，下了一场骨牌雹子。

Вдруг послышался странный шум, будто капли дождя застучали об пол. Это игральные кости градом посыпались из узелка.

В данном случае звукоподражание является определением к существительному 响声 звук. Сама же лексическая единица 稀里哗啦 – звукоподражание стуку капель дождя либо падению предметов. Однако так как дословно рассматриваемое словосочетание перевести невозможно, а использование лексико-семантических и грамматических трансформаций также исключается из-за отсутствия в русском языке необходимых эквивалентов, наиболее целесообразным представляется использовать описательный перевод, который сопровождается распространением всего предложения и добавлением ещё одной грамматической основы, которая в исходном тексте отсутствует.

2.3.2 Способы достижения эквивалентности при передаче сниженной лексики

В лингвистике общепризнано, что к сниженной лексике относятся разговорный язык, просторечие, жаргоны, диалекты, обсценная и нецензурная лексика. Важно отметить, что разговорная лексика является частью литературного языка, в то время как остальные перечисленные типы речи находятся за его пределами. Несмотря на это, все они активно взаимодействуют, выполняя схожие коммуникативные функции, что и обуславливает их объединение под общим понятием «сниженная лексика» [Павленко и др., 2018].

В ходе исследования нами было выделено 11 узких контекстов, содержащих сниженную лексику, которая вызывала трудности при переводе с китайского языка на русский. Данная лексика относилась к классам обсценной и обиходно-разговорной. Результаты подсчётов представлены в таблице 29.

Таблица 29 – Виды сниженной лексики

Виды сниженной лексики	Количество (в абс. ед.)	Количество (в %)
Обсценная лексика	8	72.73
Обиходно-разговорная лексика	3	27.27

Способы перевода обсценной лексики

Т. В. Матвеева в своем словаре лингвистических терминов под обсценной лексикой понимает «лексику непристойную, бранную, запрещаемую нравственными установлениями социума» [Матвеева, 2010].

Для перевода данного вида лексики с китайского языка на русский в ходе исследования использовались приближенный перевод и лексико-семантические трансформации, т.е. pragматические значения таких лексических единиц полностью сохранялись при частичном либо полном изменении смысла, который для русскоязычного читателя не имеет особого значения. Результаты подсчетов представлены в таблице 30.

Таблица 30 – Способы перевода обсценной лексики

Способы перевода	Количество (в абс. ед.)	Количество (в %)
Приближенный перевод	5	62.5
Трансформации	3	37.5

Чаще всего для передачи обсценной лексики использовался приближенный перевод. Например:

(1) "他说的顶屁用！这里又没有码头，船怎么停？"

«Все это **херня**! Здесь нет пристани, так как же они подплывут?»

В данном примере лексическая единица 顶屁用 является грубым, бранным словом со значением *совершенно бесполезный*, т.е. здесь говорится о том, что слова одного из персонажей, сказанные другому абсолютно бессмысленны, причем в довольно грубой форме. Чтобы передать и референциальное, и прагматическое значение, вполне возможно заменить исходную языковую единицу на синонимичную языковую единицу *херня*.

В некоторых случаях при переводе обсценной лексики использовались также лексико-семантические трансформации. Например:

(2) 一个满不在乎的声音说：“日他祖宗！来找快活的时候，姐姐妹个个都是香香肉！”

«**Да пошел он к чертовой матери!** – перебила ее другая, – А как развлекаться к нам приходил, так все мы ему были "милашки" да "красавицы!"»

В данном случае буквальный перевод фразы 日他祖宗 подразумевает проклятие пращуров одного из персонажей, подобные высказывания в китайском языке являются довольно грубыми ругательствами, однако русскоязычному читателю их буквальный перевод будет непонятен. Здесь для него будет важен не смысл фразы, а именно прагматическое значение, которое она в себе несет, поэтому в данном случае необходимо заменить исходную языковую единицу на такую, которая несла бы в себе схожее прагматическое значение, а также соответствовала контексту и коммуникативной ситуации, например, «Пошел он к чертовой матери!». Эта фраза, по сути, также является проклятием и несет в себе схожую эмоциональную окраску, но более привычна русскоязычному читателю.

Способы перевода обиходно-разговорной лексики

Обиходно-разговорная лексика представляет собой словарный запас, используемый в неформальном устном общении. Такие слова соответствуют нормам разговорной речи, но обладают сниженным стилистическим статусом и характеризуются наличием дополнительных смысловых оттенков, таких как неодобрение, шутливость, ирония или фамильярность.

В ходе исследования нами было выявлено всего 3 лексических единицы данного вида, которые вызвали трудности при переводе. Для передачи обиходно-разговорной лексики нами использовался приближенный перевод. Однако в некоторых случаях прагматическое значение сохранить не удалось, оно либо менялось, либо полностью исчезало. Например:

(1) “安全区都给日本人搜出好几十黄花丫头来了！”红菱幸灾乐祸地欢唿。

«Японцы обыскали зону безопасности и забрали несколько десятков **целок**», – весело злорадствовала Хунлин.

В данном примере лексическая единица **丫头**, относящаяся к классу обиходно-разговорной лексики, является ядром субстантивного словосочетания и буквально переводится как *девчонка*. В качестве определения к ней выступает существительное **黄花**, которое имеет значение *девственник(-ца), человек без сексуального опыта*, т.е. здесь под этим словосочетанием подразумеваются девочки девственницы. В данном случае можно было бы пренебречь прагматическим значением ради сохранения референциального, однако эти слова являются прямой речью персонажа, которые отражают его внутренний мир, следовательно прагматическое значение необходимо сохранить, пусть и в изменённом виде. Здесь вполне возможно использовать приближенный перевод совместно с приёмом семантического стяжения, т.е. превратить субстантивное словосочетание в одно слово *целка*. Однако в этом случае

прагматическое значение лексической единицы также меняется, и из обиходно-разговорной лексики она превращается в обсценную.

2.3.3 Способы достижения эквивалентности при передаче возвышенной лексики

Под возвышенной лексикой обычно понимается так называемая книжная лексика, характерная для современных развитых национальных языков [Минин, 2011]. В лингвистической среде существует мнение, что к возвышенной лексике относятся слова и выражения, несущие в себе оттенок торжественности и приподнятости, выступая в качестве стилистических синонимов для нейтральных слов. Более обоснованным является взгляд, согласно которому слова, несущие в себе возвышенный смысл, закрепились в языковом сознании благодаря текстам, посвященным выражению чувств, соответствующих значимым для общества явлениям, превосходящим рамки повседневности. Лексика таких текстов пропиталась присущим им торжественным и возвышенным тоном, который сохраняется за ее пределами. В этом кроется, по мнению Е. В. Плисова, причина тесной связи между книжной и возвышенной лексикой [Плисов, Лукшин, 2020].

В ходе данного исследования нами было выявлено 7 узких контекстов, содержащих возвышенную лексику, которая вызвала трудности при переводе с китайского языка на русский. Для ее передачи была использована замена исходной языковой единицы на фразеологизм либо на нейтральную лексику, т.е. потеря прагматического значения. Результаты подсчетов даны в таблице 31.

Таблица 31 – Способы передачи возвышенной лексики

Способы перевода	Количество (в абр. ед.)	Количество (в %)
Замена на фразеологизм	4	57.14
Замена на нейтральную лексику	3	42.86

При переводе с китайского языка на русский возвышенной лексики, которая вызывала затруднения, в некоторых случаях исходные языковые единицы теряли свое прагматическое значение, что обуславливалось отсутствием в русском языке необходимых эквивалентов либо несоответствием русских эквивалентов грамматическим правилам русского языка при их использовании в определенных ситуациях. В других же случаях исходные единицы заменялись синонимичными фразеологизмами в тех случаях, когда русскоязычные эквиваленты не могли передать прагматические значения в полной мере, и когда возможность такой трансформации подкреплялась наличием необходимого синонима. Например:

(1) 老头打听过杨志斌流落美国的缘由。

Однажды стариk спросил, зачем Ян Чжибинь **живет** в США.

В данном примере глагол 流落 на русский язык невозможно перевести одним словом, буквально он переводится как *скитаться без пристанища, бродить меж двор, бедствовать на чужбине*. Однако использование дословного перевода невозможно, так как на русском мы не можем сказать «...зачем Ян Чжибинь скитаются без пристанища в США», так как это противоречит контексту, или «...зачем Ян Чжибинь бедствует на чужбине в США», так как это противоречит не только контексту, но и правилам русского языка. Следовательно, сохранить прагматическое значение исходной лексической единицы также не представляется возможным, им необходимо пожертвовать для сохранения семантики и грамматической целостности фразы, поэтому исходную языковую единицу необходимо заменить на нейтральный глагол *жить*.

В тех случаях, когда это было возможно, возвышенная лексика заменялась на синонимичные русскоязычные фразеологизмы. Например:

(2) 他连一枪都没有捞到放，因为长官说子弹太金贵，都留到战场上去了放吧。

Он даже ни разу не стрелял, ведь командир сказал, что патроны **на вес золота** и лучше их оставить на поле боя.

В данном случае лексическая единица 金贵 буквально переводится как *драгоценный; любимый, возлюбленный*. Здесь использование дословного перевода возможно – «...патроны слишком драгоценны / цены...». Однако, чтобы в некоторой степени сохранить подразумеваемую автором pragmatику, также возможно заменить исходную языковую единицу синонимичным фразеологизмом *на вес золота*.

Таким образом, для перевода звукоподражаний чаще всего использовались лексико-семантические трансформации, так как чаще всего звукоподражания являлись частью субстантивных либо «обстоятельственных» слово-сочетаний. В таких случаях буквальный перевод противоречит правилам русского языка, следовательно для передачи звукоподражаний используются лексико-семантические трансформации совместно с приемами, подразумевающими грамматические трансформации лексических единиц. Описательный перевод использовался для передачи звукоподражаний в тех случаях, когда в русском языке отсутствовал не только полный, но и частичный эквивалент, т.е. использование лексико-семантических трансформаций было невозможно.

Для перевода обсценной лексики чаще всего использовался приближенный перевод для сохранения и референции и pragmatики, так как лексика данного вида использовалась автором в основном в прямой речи персонажей. В тех случаях, когда для перевода обсценной лексики использовать приближенный перевод не представлялось возможным, использовались лексико-семантические трансформации, так как для русскоязычного читателя важно

не буквальное значение обсценной лексики, а pragmaticеское значение, которое она в себе несёт.

Для обиходно-разговорной лексики использовался приближенный перевод, однако pragmaticеское значение лексических единиц менялось либо пропадало вовсе. В случаях, когда обиходно-разговорная лексика являлась прямой речью персонажа, pragmatику необходимо сохранить, когда авторской речью, pragmatикой возможно пожертвовать для сохранения референции.

При переводе возвышенной лексики чаще всего исходные лексические единицы менялись на синонимичный фразеологизм для частичного сохранения pragmaticеского значения. В тех случаях, когда замена на фразеологизм невозможна, возвышенная лексика менялась на нейтральную из-за отсутствия в русском языке необходимого эквивалента либо невозможности использования эквивалента в силу грамматических особенностей русского языка.

Частотность pragmatически маркированной лексики в корпусе

Данные по частотности употреблений отобранных номинаций в абсолютных единицах представлены в таблице 32. Согласно таблице, в среднем ранги каждого типа pragmatически маркированной лексики в разных подкорпусах схожи (см. = или $\approx$), однако ранги номинаций некоторых отдельных лексических единиц значительно варьируют. Обратим внимание, что некоторые номинации являются многозначными словами, а следовательно pragmatически маркированной лексикой выступают только в определенном контексте.

Таблица 32 – Частотность вербализаций
прагматически маркированной лексики (корпусные данные)

№	Лексическая единица	Перевод	Лит ранг	Пресса ранг	Разг. ранг	древнекит.ранг
		Бранная лексика	1505 (3 =)	373 (4 ≈)	36 (4 ≈)	553 (4 ≈)
1	顶屁用	груб. совершенно бесполезный	1 (24 =)	5 (23 ≈)	36 (19 <<)	0 (22 ≈)
2	狗日	ёбаный, грёбаный, чёртов	192 (11 =)	184 (13 ≈)	0 (20 >>)	33 (14 >)
3	臭婊子	сука	92 (14 =)	2 (24 >>)	0 (20 >>)	2 (20 >>)
4	婊子	шлюха, шалава, блядь	1055 (5 =)	51 (21 >>>)	0 (20 >>>)	506 (9 >)
5	狗日的	ёбаный, грёбаный, чёртов	165 (12 =)	131 (16 >)	0 (20 >>)	12 (17 >)
		Обиходно-разговорная лексика	6440 (2 =)	4278 (3 ≈)	6178 (2 =)	14898 (1 ≈)
6	丫头	разг. девчонка	1940 (3 =)	1008 (5 ≈)	5950 (3 =)	13723 (1 ≈)
7	土包子	деревенщина, провинциал	75 (16 =)	220 (12 <)	228 (13 <)	1 (21 >)
8	屁股	зад, задница, попа	4425 (2 =)	3050 (2 =)	0 (20 >>>)	1174 (5 >)
		Возвышенная лексика	982 (4 =)	15061 (1 <)	1439 (3 ≈)	10843 (3 ≈)
9	富态	вежл. полный; раздобреть, поправиться	49 (22 =)	52 (20 ≈)	617 (8 <<<)	17 (16 <<)
10	金贵	драгоценный; любимый, возлюбленный	63 (18 =)	562 (7 <<<)	165 (15 <)	856 (7 <<<)
11	到目前为止	до сих пор, теперь, вплоть до сегодняшнего дня	540 (8 =)	12652 (1 <<)	317 (11 >)	0 (22 >>>)
12	流落	скитаться без пристанища, бродить меж двор, бедствовать на чужбине	321 (10 =)	1781 (4 <<)	279 (12 ≈)	9924 (2 <<)
13	愧不敢当	не смею претендовать на такую честь, где уж мне, куда там, что вы что вы	9 (23 =)	14 (22 ≈)	61 (17 <<)	46 (13 <<<)
		Звукоподражание	8497 (1 =)	6023 (2 ≈)	2030094 (1 =)	11719 (2 ≈)
14	稀里哗啦	звукоподражанию каплям дождя	51 (21 =)	79 (17 <)	1353 (4 <<<)	0 (22 ≈)
15	嘎嘎	звукоподражание хохоту, гоготу	812 (6 =)	294 (11 >)	9509 (2 <)	121 (12 >>)
16	登登	звукоподражание стуку, грохоту	52 (20 =)	67 (19 ≈)	210 (14 <<)	1063 (6 <<<)
17	咯咯	звукоподражание хихиканья; звукоподражание хрусту	1271 (4 =)	439 (10 >>)	715 (6 ≈)	173 (10 >>)
18	扑通	бултых; плюх	577 (7 =)	550 (8 ≈)	675 (7 =)	596 (8 ≈)
19	哇啦	звукоподражание галдежду, непонятной (напр. иностранной) речи; звукоподражание крику ребёнка	153 (13 =)	153 (15 ≈)	494 (9 <)	10 (19 >>)
20	哈哈	звукоподражание смеху	4953 (1 =)	2892 (3 ≈)	2015628 (1 =)	8206 (3 ≈)
21	唰唰	звукоподражание шуршанию, шелесту	68 (17 =)	170 (14 <)	150 (16 ≈)	19 (15 ≈)

22	呱呱	звукоподражание кваканью, кряканью, птичьему гоготанью и т. п.	420 (9 =)	836 (6 <)	901 (5 <)	1398 (4 <<)
23	叮咚	дин-дон	86 (15 =)	467 (9 <<)	414 (10 <<)	122 (11 <)
24	嘟嘟	тук-тук	54 (19 =)	76 (18 ≈)	45 (18 ≈)	11 (18 ≈)

Самое большое количество номинаций представлено в подкорпусе разговорной речи, что является ожидаемым результатом, так как pragматически маркированная лексика чаще всего используется людьми именно в повседневной жизни на бытовом уровне.

Ранги частотности отдельных номинаций pragматически маркированной лексики значительно варьируют. В разговорной речи чаще всего встречаются обиходно разговорная лексика (№6) и звукоподражания (№20). Следует отметить, что номинация №6 является также самой частотной и в подкорпусе древнекитайских текстов. Возвышенная лексика чаще всего появляется в публицистических текстах, что обуславливается необходимостью придать речи торжественность либо создать иронию.

Есть номинации, крайне редко встречающиеся в определенных видах текстов или не встречающиеся вообще. Например, бранная лексика совершенно не встречается в разговорной речи (№№ 2, 3, 4, 5), однако при этом появляется как в публицистических, так и в древнекитайских текстах.

В подкорпусе разговорной речи самой частотной номинацией является «звукоподражание смеху» (№ 20), что не удивительно, так как данное звукоподражание может выразить целый спектр человеческих эмоций. Это может быть веселый смех, горький, саркастический и т.д. Использование подобной лексической единицы придаёт разговорной речи эмоциональность и живость, которые призваны донести до адресата сообщения настроение говорящего.

2.3.4 Способы достижения эквивалентности при передаче имен собственных

Как было сказано выше, для передачи говорящих и аллюзивных имён нами использовался приём транслитерации совместно с переводческим комментарием. Например:

(1) 豆蔻进一步厚起脸皮，拿起长柄铜勺。

Доукоу поморщилась и взяла медную ложку с длинной ручкой.

В данном случае прозвище девушки 豆蔻 / *Доукоу* является аллюзивным, его также можно считать определенного вида метафорой, которых в китайском языке огромное множество. Лексическая единица 豆蔻 буквально переводится как *амомум ребристый* либо *кардамон* и в понимании носителей китайского языка ассоциируется с *красивой девочкой-подростком, многообещающей красавицей*. Исходя из контекста, становится понятно, что большинство героинь повести, женщин определенной профессии, жили и работали под псевдонимами, которые в большинстве своем отображали их внешнюю или внутреннюю суть, либо бросающуюся в глаза особенность. Из контекста видно, что девушка с прозвищем 豆蔻 является молодой красавицей пятнадцати-шестнадцати лет, откуда и пошло это прозвище. По сути, данную лексическую единицу можно было бы перевести буквально, а затем использовать переводческий комментарий. Однако так как личные имена в китайском языке не переводятся буквально, а записываются с помощью транслита, подобные прозвища могли слишком сильно выделяться в переведенном тексте. Поэтому для передачи данной лексической единицы мы использовали прием транслитерации совместно с переводческим комментарием. Еще одной причиной такого решения стала незначительность буквального перевода имени для русскоязычного читателя, так как в его сознании он не

связан ни с каким словом из фольклорных, литературных либо фразеологических источников.

Отдельно следует отметить и перевод говорящих имен. Например:

(2) “**呢喃！你让我打一圈吧？**”豆蔻说。**呢喃**用涂蔻丹的手指扒拉一下右眼的下眼皮。

«**Нинань!** Дай и мне разок сыграть», – сказала Доукоу. **Нинань** в ответ лишь оттянула наманикюренным пальчиком правое нижнее веко.

В данном примере лексическая единица **呢喃** является говорящим именем, прозвищем девушки, которое буквально переводится как *щебетать*, *шептать*, *бормотать*. Скорее всего это прозвище отображает отличительную особенность девушки – привычку быстро и много говорить, манеру речи похожую на птичий щебет. Согласно контексту, эта девушка была веселой, шумной и любила пошутить. Возможно, эти ее качества также повлияли на появление прозвища. Для передачи данной лексической единицы также необходимо использовать транслитерацию, а для объяснения семантического значения – переводческий комментарий.

Таким образом, исходя из результатов исследования, можно сказать, что наилучшим способом для передачи говорящих имен с китайского языка на русский является транслитерация, использованная совместно с переводческим комментарием.

2.3.5 Способы достижения эквивалентности при передаче случайных лакун

В ходе исследования было выделено 29 сегментов, содержащих случайные лакуны, 2 из которых являются грамматическими, 5 – этнографическими, 5 – лексическими лакунами, 17 – особыми местоимениями и обращениями. Результаты подсчетов представлены в таблице 33.

Таблица 33 – Виды лакун

Виды	Количество (в абс. ед.)	Количество (в %)
Грамматические	2	6.9
Этнографические	5	17.24
Лексические	5	17.24
Особые местоимения и обращения	17	58.62

При переводе данных лакун были использованы такие приемы как приближенный перевод, калькирование, описательный перевод, а также различные виды трансформаций (лексико-семантические и грамматические). Даные приемы передачи референциальных значений часто пересекались с приемами генерализации и компенсации.

Способы перевода грамматических лакун

Как уже было сказано выше, грамматические лакуны – это лексические единицы, не имеющие эквивалента в ПЯ, что обусловлено грамматическими особенностями ИЯ. При переводе исходного текста с китайского языка на русский трудности вызвали лакуны, связанные с особенностями словообразования в китайском языке. Для их передачи использовался исключительно приближенный перевод. Например:

(1) 她享受着被孤立者的自由。

Теперь она могла наслаждаться той свободой, которая бывает только у отверженных.

Лексическая единица 孤立者 не имеет буквального перевода – она является отглагольным существительным, образованным от глагола 孤立 / быть отрезанным от всех, быть одиноким. Это существительное, образованное с помощью суффикса существительных 者, обозначающего лиц, принадлежащих к той или иной профессии или категории. Таким образом, рас-

сматриваемое слово подразумевает под собой человека по каким-то причинам обособленного, изолированного от общества. Следовательно, в данном случае возможно применить приближенный перевод и использовать существительное «отверженный», которое обозначает человека, изгнанного из общества, всеми презираемого, избегаемого. Оно не является полным синонимом исходной лексической единицы, но является наилучшим вариантом для ее передачи.

Способы перевода этнографических лакун

Под термином «этнографические лакуны» понимаются национально-маркированные реалии, относящиеся к безэквивалентной лексике. Этот тип лакун большинство исследователей считают разновидностью культурологических лакун, существование которых обусловлено отсутствием реалий, характерных для одной культуры, в другой культуре [Марковина, Сорокин, с. 38]. Подобные лакуны могут вызвать значительные трудности при переводе текста с китайского языка на русский, что обуславливается различиями в культуре и менталитете носителей. Для их передачи использовались такие приемы как калькирование, описательный перевод и различные трансформации. Результаты представлены в таблице 34.

Таблица 34 – Способы перевода этнографических лакун

Способы перевода	Количество (в абс. ед.)	Количество (в %)
Калькирование	4	80
Трансформации	1	20

Чаще всего для передачи этнографических лакун использовалось калькирование. Например:

(1) 仓库已经不是仓库了，是一条地下花船，到处铺着她们的红绿被褥，狐皮貂皮，原先挂香肠火腿的钩子空了，上面包上了香烟盒的锡纸，挂上了

五彩缤纷的绿中、纱巾、乳罩、肚兜……四个女人围着一个酒桶站着，上面放着一块厨房的大案板，稀里哗啦地搓麻将。

Подвал перестал быть обычным подвалом, он превратился в одну из прогулочных лодок, что плавали по реке Циньхуай: повсюду были разложены **красные и зеленые** тюфяки и одеяла, развешаны соболиные и лисьи меха. Крюки, на которых обычно висели сосиски и окорока, были обмотаны сигаретной фольгой и заполнены разноцветными газовыми платками, бюстгальтерами, дудоу ... Четыре женщины, стояли у винной бочки, поверх которой лежала разделочная доска, и оживленно играли в маджонг.

Лакуна 红绿 означает «красный и зеленый цвета» – цвета мужской и женской сил природы ян и инь, именно это образное значение является в рассматриваемом примере основным. Согласно контексту, женщины работают в доме терпимости, и постельное белье, которое описывается лексической единицей 红绿, используется для определенных целей. Однако передать средствами русского языка значение, которое несет эта лакуна, не представляется возможным. Следовательно, в данном случае необходимо использовать калькирование и с помощью переводческого комментария пояснить значение, которое в переведённом тексте передать не получилось.

Отдельно необходимо отметить случаи, в которых одна и та же этнографическая лакуна имеет разный перевод в зависимости от ее языкового контекста (см. Приложение 1, прим. № 43, 44).

Способы перевода лексических лакун

Под лексическими лакунами подразумеваются те языковые единицы, которые не имеют эквивалента в ПЯ. Для их передачи использовались такие приемы как приближенный и описательный перевод, а также различные трансформации. Результаты подсчетов представлены в таблице 35.

Таблица 35 – Способы перевода лексических лакун

Способы перевода	Количество (в абс. ед.)	Количество (в %)
Приближенный перевод	4	80
Трансформации	1	20

Для передачи лексических лакун чаще всего использовался приближенный перевод. Например:

(1) 学生们早上听到的那阵长达半小时的射击，安全区的国际委员们怀疑是日本军队在枪决凌晨投降的中国军人。

Из-за получасовой стрельбы, которую девочки слышали утром, члены Международного комитета безопасной зоны Нанкина решили, что японцы расстреляли китайских солдат, которые сдались им **ранним утром**.

Языковая единица **凌晨** обозначает часть суток с полуночи до рассвета. В русском языке не существует слова, определяющего данный временной интервал. Следовательно, в рассматриваемом примере необходимо использовать приближенный перевод и использовать частичный синоним «раннее утро».

При работе с исходным текстом отмечались такие лексические лакуны, перевод семантических значений которых на русский язык оказался невозможным, и они были переданы с помощью сохранения их прагматической направленности. Для этого был применён приём компенсации совместно с трансформацией. Рассмотрим пример:

(2) “这个骚人动手动脚！”她指着推她的阿顾说。

阿顾吼道：“哪个动你了？！”

“就你个挡炮子的动老娘了！”她把胸脯拍得直哆嗦。

阿顾反口道：“动了又怎样？别人动得我动不得？”

«Эта сволочь меня лапает!» – кричала она, показывая на А-гу.

«Да когда это я тебя лапал?!» – завопил А-гу в ответ.

«Ты же **нагло обжимаешь меня!**» – продолжала она, стуча себя в грудь.

«Ну тронул я тебя, и что? – огрызнулся в ответ А-гу, – Другим можно, а мне нельзя?»

Лексическая единица 挡炮子 является бранным словом, означающим использование человека на поле боя в роли пушечного мяса. У этой лексической единицы нет буквального перевода, и в данном случае оно подразумевает, что женщину трогает нечто настолько же противное как пушечное мясо. Однако передать референциальное значение данного выражения невозможно, так как в русском языке не существует ни полного, ни частичного синонима данному образному выражению. Но так как оно является сниженной, бранной лексикой, в тексте перевода его можно и нужно отразить с помощью приёма компенсации, чтобы сохранить прагматическое значение, т. е. использовать сниженную лексику в других частях предложения – «нагло обжимаешь меня».

Способы передачи особых местоимений и обращений

В настоящем исследовании выделена отдельная группа лакун – особые местоимения и обращения. К данному виду лакун мы относим лексические единицы китайского языка, не имеющие эквивалента в русском, указывающие на человека и имеющие особое прагматическое либо добавочное референциальное значение. Для их передачи использовались такие приёмы как калькирование, приближенный и описательный перевод. Результаты подсчётов представлены в таблице 36.

Таблица 36 – Способы перевода особых местоимений и обращений

Способы перевода	Количество (в абс. ед.)	Количество (в %)
Приближенный перевод	10	58.82
Калькирование	6	35.29
Описательный перевод	1	5.88

Чаще всего для передачи данного типа лакун использовался приближенный перевод. Например:

(1) 呢喃，你那个开宰鸭场的吴老板呢？

Нинань, а как же этот твой **господин** У, который уток разделывает?

Слово **老板** буквально переводится как босс, хозяин, владелец лавки или магазина. В данном контексте подразумевается хозяин мясной лавки по фамилии У. Передать референциальное значение данной лексической единицы средствами русского языка вполне возможно, например, «босс У» или «хозяин У», однако в рамках рассматриваемого произведения такое сочетание слов будет звучать странно и неуместно. В данном случае возможно использовать приближенный перевод и заменить буквальное значение частичным синонимом «господин», а в остальном положиться на контекст, из которого читатель и сможет понять, что человек, о котором идет речь, владеет мясной лавкой.

В ходе анализа исходного текста были отмечены случаи, когда при переводе подобных лакун приближенный перевод пересекался с приемом генерализации (см. Приложение 1, прим № 45).

При переводе многих лакун данного типа возникали проблемы, связанные не только с передачей референциального, но и прагматического значения. Наличие специфического прагматического значения либо добавочного референциального является основной особенностью данного класса лакун. Для их

перевода использовалось калькирование совместно с приемом компенсации. Например:

(2) 戴少校一问他，他便说：“提它呢？娘那逼，老子可没那么窝囊过！”或者说：“啥也不记得了！”

Когда майор спрашивал его, он отвечал: «Хотите знать? Эти гады! Никогда я **ещё** не чувствовал себя таким **никчемным!**» или «Ниче не помню!».

Слово **老子** имеет значение «я», однако обычно используется в разговорной речи, когда человек говорит о себе гневно или шутливо. Референциальное значение возможно передать с помощью буквального перевода, т. е. калькирования, прагматическое – с помощью приема компенсации. Здесь необходимо показать гневное настроение персонажа, которому принадлежит прямая речь. Для этого можно использовать разговорный эквивалент прилагательного **窝囊 / никудышный, трусливый, тряпка** – «никчемный».

На третьем месте по частоте использования находится описательный перевод. Например:

(3) 他还看到她这二十五岁错过的千万个做女教师、女秘书、**少奶奶**、贵妇人的可能性。

Эта двадцатипятилетняя женщина легко могла бы стать учительницей, секретарем, **невесткой в уважаемой семье** или дамой из высшего света.

Лексическую единицу **少奶奶** можно перевести как «молодая госпожа», однако в представленном контексте она подразумевает сноху главы знатной или богатой семьи. Чтобы передать значение лакуны, в данном случае уместно использовать описательный перевод, выбор которого обусловлен контекстом и призван объяснить читателю понятие, подразумеваемое лакуной **少奶奶**.

Встречались также случаи, когда одно и то же особое обращение переводилась по-разному в зависимости от контекста (см. Приложение 1, прим. № 46, 47).

Частотность случайных лакун в корпусе

Данные по частотности употреблений отобранных номинаций в абсолютных единицах представлены в таблице 37.

Всего было выделено 28 лакун, однако некоторые из них являются диалектизмами, некоторые – многозначными словами, лакунарное значение которых зависит от контекста. Согласно таблице, лишь по четырем номинациям лакун ранги в разных подкорпусах схожи (см. = или ≈). В остальных случаях расхождения рангов значительные.

Таблица 37 – Частотность вербализаций случайных лакун
(корпусные данные)

№	Лакуна	Перевод	Лит ранг	Пресса ранг	Разг. ранг	древнекит. ранг
1	凌晨	ночью, перед рассветом (с полуночи до рассвета)	982 (6 =)	16573 (1 <<)	12351 (4 ≈)	2277 (4 ≈)
2	花姑娘 –	уничижительно о женщинах во время китайско-японской войны	32 (12 =)	272 (12 =)	28 (12 =)	95 (12 =)
3	西方人	выходцы из стран Европы и Америки, человек с запада	301 (9 =)	2717 (5 <)	68 (11 ≈)	230 (11 ≈)
4	孤立者	изолированный человек	0 (15 =)	7 (15 =)	0 (13 ≈)	50 (13 ≈)
5	高贵者	благородный, возвышенный человек	12 (13 =)	386 (8 <<)	0 (13 =)	8 (15 ≈)
6	陪读	сопровождать во время учебы	6 (14 =)	310 (10 <)	174 (10 <)	9 (14 =)
7	阿婆	матушка (почтительное обращение к старшей по годам женщине)	91 (11 =)	686 (7 <)	846 (7 <)	1667 (7 <)
8	弟兄	братьцы, братва	2465 (3 =)	5210 (4 ≈)	348 (9 >>)	19011 (1 ≈)
9	老哥	ты, вы (в обращении к другу)	313 (8 =)	318 (9 ≈)	8031 (5 <)	2207 (5 <)
10	老弟	Вы (к младшему по возрасту или в обращении учителя к ученику); дружище, приятель	893 (7 =)	294 (11 >)	2522 (6 ≈)	1979 (6 ≈)
11	你老	Вы, уважаемый, почтенный	2011 (4 =)	1010 (6 ≈)	34164 (3 ≈)	7751 (3 ≈)
12	少奶奶	молодая госпожа (вежливое обращение при-	1262 (5 =)	41 (14 >>)	798 (8 >)	868 (9 >)

		слуги к снохе хозяина в семье)				
13	老板	хозяин, владелец (лавки, магазина), босс	9310 (1 =)	15594 (2 ≈)	48560 (1 =)	1143 (8 >>)
14	丘八	солдат (прозвище, основанное на расщеплении иероглифа 兵 на 丘 и 八)	93 (10 =)	61 (13 >)	0 (13 >)	356 (10 =)
15	老婆	разг. жена	7727 (2 =)	6691 (3 ≈)	44904 (2 =)	10390 (2 =)

Самое большое количество номинаций представлено в подкорпусе разговорной речи, что обуславливается использованием лакун в повседневной жизни для описания окружающей действительности. Самое малое общее число номинаций обнаружено в подкорпусе публицистических текстов.

Самой частотной номинацией в подкорпусе разговорной речи является «хозяин, владелец (лавки, магазина), босс» (№ 13), она же чаще всего встречается в прессе и художественных текстах. Данная лакуна используется как обозначение или обращение к владельцу лавки, магазина, хозяину бизнеса и часто используется в повседневной жизни. Грамматические лакуны совсем не встречались в некоторых подкорпусах текстов, номинация № 5 в разговорной речи, а номинация № 4 в разговорной речи и художественной литературе.

Подкорпус древней литературы находится на втором месте по содержанию случайных лакун, что определяется временем их возникновения в китайском языке – большинство лакун появились еще в Древнем Китае и сохранились до наших дней. Наиболее частотной номинацией в данном подкорпусе является «братьцы, братва» (№ 8), лакуна, которая используется для обозначения кровных братьев либо близких друзей. Следует отметить, что в ходе исследования она была отнесена к разряду особых местоимений и обращений.

Таким образом, при переводе исходного текста с китайского языка на русский трудности вызвали грамматические лакуны, связанные с особенностями словообразования в китайском языке. Для передачи данного вида лакун использовались такие приемы как приближенный и описательный пере-

вод, так как в русском языке отсутствуют лексические единицы синонимичные исходным.

При переводе этнографических лакун чаще всего использовалось калькирование, что обусловлено в основном различиями в культуре носителей ИЯ и ПЯ. Так же в подобных случаях возможно применение переводческого комментария, так как при использовании этого приема значение всего лексического образования в целом может остаться нераскрытым. И многие из подобных лексических единиц мало что скажут неподготовленному читателю без развернутых пояснений.

Для передачи лексических лакун чаще всего использовался приближенный перевод, т.е. замена исходной лексической единицы на частичный синоним, а также компенсация при отсутствии у лакуны хотя бы частичного синонима в ПЯ.

Особые местоимения и обращения передавались в основном с помощью перекрёстного использования таких приемов как калькирование и компенсация, так как большинство лакун данного вида имеют добавочные референциальные или прагматические значения. Встречались также случаи, когда одна и та же лакуна передавалась разными способами в зависимости от контекста. Чаще всего такое происходило при переводе этнографических лакун либо особых местоимений и обращений.

Чаще всего для передачи лакун использовался приближенный перевод. С его помощью передавались в основном особые местоимения и обращения, грамматические и лексические лакуны. На втором месте по частоте использования оказалось калькирование, которое также часто применялось для передачи особых местоимений и обращений, а также этнографических лакун. При переводе лакун наименее часто использовались разного рода трансформации и описательный перевод. Во многих случаях данные приёмы пересекались с компенсацией – она использовалася в тех случаях, когда при передаче безэквивалентных единиц необходимо было заполнить не только семантическую, но и стилистическую пустоту.

2.3.6 Способы достижения эквивалентности при передаче реалий

В рамках исследования было выделено 27 сегментов, содержащих культурные реалии. Все эти реалии относятся к классу этнографических, что обусловлено в основном жанром и содержанием, переводимого текста.

При переводе данных лакун были использованы такие приёмы как приближенный перевод, калькирование, трансформационный и описательный виды перевода. Данные методы передачи референциальных значений часто пересекались с приемами генерализации и функциональной замены. Результаты подсчётов представлены в таблице 38.

Таблица 38 – Переводческие трансформации
при передаче культурных реалий

Способ перевода	Количество (в абс. ед.)	Количество (в %)
Транслитерация	11	40.74
Описательный перевод	5	18.52
Трансформационный перевод	5	18.52
Приближенный перевод	3	11.11
Калькирование	2	7.41
Замена на фразеологизм	1	3.7

Как видно из данных, представленных в таблице, чаще всего для передачи культурных реалий с китайского языка на русский использовалась транслитерация. В качестве примера можно привести следующий сегмент:

(1) 一个女人要做状元，她的男人做书童，搭个伴，或者也有壮胆、解闷、哄慰等功用。

Если женщина хочет стать **чжуанъюанем**, ее муж должен быть служкой и составлять ей компанию? Или должен подбадривать ее, развлекать да успокаивать?

Лексическая единица 状元 является реалией, присущей исключительно китайской культуре и подразумевает под собой «первого из сильнейших, победителя на столичных экзаменах, первого кандидата на высокую должность». Ее происхождение восходит ко временам Древнего и Средневекового Китая, когда была распространена практика проведения государственных экзаменов *кэцзюй*.

Экзаменационная система *кэцзюй* представляет собой экзамен для получения чиновниччьего звания в императорском Китае. Эта система существовала с 605 по 1905 гг. [Шогенова, 2020]. Чжуанъюанем называли того, кто занимал первое место на последнем этапе экзамена, который проводился в столице империи. В русском языке не существует полного соответствия для данной реалии, так как такого явления как *кэцзюй* в российской истории не было. Следовательно, в данном случае необходимо применить транслитерацию, так как метод описательного перевода исключается контекстом и самой структурой предложения. Также здесь необходимо применить переводческий комментарий, чтобы объяснить русскоязычному читателю суть понятия *чжуанъюань*.

Второе место по частоте использования при передаче реалий занимает метод описательного перевода. Например:

(2) 仓库已经不是仓库了，是一条地下花船，到处铺着她们的红绿被褥，狐皮貂皮，原先挂香肠火腿的钩子空了，上面包上了香烟盒的锡纸，挂上了五彩缤纷的绿中、纱巾、乳罩、肚兜……四个女人围着一个酒桶站着，上面放着一块厨房的大案板，稀里哗啦地搓麻将。

Подвал перестал быть обычным подвалом, он превратился в **прогулочную лодку, что плавали по реке Циньхуай**: повсюду были разложены красные и зеленые постельные принадлежности, развешаны соболиные и лисьи меха, а крюки, на которых обычно висели сосиски и окорока были пусты и обмотаны сигаретной фольгой, на них висели разноцветные газовые платки,

бюстгальтеры, дудоу ... Четыре женщины, стоя вокруг винной бочки, на которой лежала разделочная доска, шумно играли в маджонг.

В данном сегменте текста используются две реалии. Первая – 肚兜 передается с помощью транслитерации дудоу и подразумевает под собой традиционное китайское нижнее белье, квадратный кусок ткани с усечённым верхним краем и завязками на спине. В конфуцианском Китае женская фигура должна была обладать прямыми линиями, а большой бюст являлся признаком простолюдинки, поэтому его тщательно бинтовали с помощью такого белья. В наше время дудоу используется как часть спального комплекта. В русском языке обозначения для подобного предмета гардероба нет, поэтому здесь необходимо использовать транслитерацию и переводческий комментарий.

Однако в данном случае нас сильнее интересует вторая реалия – 花船. Данная лексическая единица подразумевает под собой разукрашенную прогулочную лодку, галеру для прогулок, приемов и развлечения (также для завлечения посетителей в веселый дом), на которой девушки легкого поведения развлекали гостей. Так как в русском языке полного эквивалента данной реалии не существует, для ее передачи необходимо использовать метод описательного перевода, который также обусловлен контекстом.

Также следует обратить внимание на случаи, в которых метод описательного перевода пересекается с таким переводческим приемом как генерализация (см. Приложение 1, прим. № 48).

Третье место по частоте использования при передаче реалий занимает метод трансформационного перевода. Например:

(3) 日本兵们对这如花少女不止是施暴和凌迟，还把她钉在永恒的耻辱柱上。

Японцы не только изнасиловали и **линчевали** эту нежную как цветок девушку, но и пригвоздили ее к позорному столбу.

Лексическая единица *凌迟* не имеет единого перевода. На русский язык ее можно передать как с помощью транслитерации *линчи*, так и с помощью описательного перевода *казнь «тысячи порезов»; совершать линчи; совершасть казнь «тысячи порезов»*. *Линчи* – это вид жестокой казни, существовавший в Китае со средних веков до 1905 г. Во время *линчи* от тела преступника отрезали куски плоти, продолжалось такое наказание довольно долгий промежуток времени. Этот вид казни применяли в отношении преступников, совершивших тяжкие преступления, например, государственную измену либо отцеубийство. Совершалась данная казнь в основном для устрашения на глазах у толпы.

В рассматриваемом сегменте текста указывается, что японцы убили девушку, совершив над ней казнь линчи, однако структура русскоязычного предложения не позволяет использовать транслитерацию либо описательный перевод, следовательно в данном случае возможно использование метода трансформационного перевода, замена реалии глаголом со схожим значением и даже звучанием – *линчевать*. В то же время для того, чтобы объяснить русскоязычному читателю авторский замысел необходимо использовать переводческий комментарий.

В ходе исследования также встречались случаи, когда метод трансформационного перевода сочетался с грамматическими трансформациями, которые использовались для наиболее адекватной передачи реалий с китайского языка на русский (см. Приложение 1, прим. № 49).

Далее рассмотрим использование метода приближенного перевода, который занимает четвертое место по частоте использования. Показательным является следующий пример:

(4) “没见过你这么傻个瓜，你跟他去了，现在就是鸭贵妃了！”

«Не думала я, что ты такая идиотка! Если бы ты ушла к нему, то была бы сейчас уткой-наложницей!»

Лексическая единица 贵妃 – реалия, берущая начало в Средневековом Китае и являющаяся довольно высоким титулом, который император даровал женщинам в своем гареме. Буквально он переводится как *драгоценная супруга*, используя же метод описательного перевода данный титул можно перевести как *государева супруга второго класса*, в некоторых случаях, когда данный титул используется как обращение, его можно передать с помощью транслитерации – *гуйфей*. Именно такое использование данной лексической единицы подразумевалось автором в данном случае. Согласно контексту, девушка определенной профессии хотела уйти второй женой к состоятельному мяснику, который торгует утиным мясом, и другие девушки, ругая ее за это, дразнили тем, что тогда она будет носить титул *гуйфей* в его доме, т. е. будет всего лишь второй женой. Однако передать авторский замысел на русский язык в полном объеме не представляется возможным. Следовательно, необходимо выбрать такой вариант перевода, который бы наиболее полно и адекватно передал данную реалию на русский язык. В данном случае возможно использовать метод приближенного перевода и передать реалию 贵妃 как *наложница*.

Метод калькирования занимает пятое место по частоте использования. Показательным является следующий пример:

(5) 那时杨志斌刚进入“伴读”角色...

В то время Ян Чжибинь был для нее лишь «товарищем по учебе» ...

Реалия 伴读 также зародилась в Средневековом Китае и связана с тогдашней системой образования. В те времена данная лексическая единица

обозначала официальную должность, которая подразумевала под собой необходимость проходить обучение, составляя компанию какой-либо высо-чайшей особе во времена династий Сун – Мин. Таким образом реализовался один из принципов образования, сформированных еще в Древнем Китае, принцип необходимости обучения с товарищами, поскольку «у того, кто учится один, кругозор ограничен, а познания скучны». Эта должность была очень почетной, многие знатные семьи хотели сделать своих детей *компаньонами по учёбе* принца или принцессы, или другой высокопоставленной осо-бы, так как это позволяло наладить полезные связи и обучаться у лучших преподавателей.

В российской истории подобной должности не существовало, следова-тельно необходимо найти такой способ перевода, который позволил бы наиболее адекватно передать данную реалию на русский язык. В данном слу-чае возможно использовать прием калькирования и перевести реалию буквально – одним словом каждый отдельный иероглиф. Иероглиф 伴 имеет значения *товарищ*, *компаньон*, *партнер*; *спутник*, *попутчик*, в то время как 读 - *изучать*; *заучивать*; *учиться*. В итоге получается буквальный перевод реалии – *товарищ по учебе* либо *компаньон по учебе*.

Следует обратить внимание на те случаи, когда метод калькирования пересекался с грамматическими трансформациями для наиболее адекватной передачи реалии (см. Приложение 1, прим. № 50).

Также необходимо отметить случаи замены реалии на фразеологизм, при этом референциальное значение исходной лексической единицы не было потеряно:

(6) 我拿不准他们是不是在跟我唱红脸，白脸。

Я не могла понять они **волки в овечьей шкуре** или все же нет.

Реалия 唱红脸 пришла из пекинской оперы. Буквально она переводится как *петь в красной маске* (в пекинской опере лица положительных героев раскрашены в красный цвет). Ее также можно использовать в образном значении *прикидываться добрым человеком*. Реалия 白脸 также относится к пекинской опере и буквально переводится как *белая маска* (грим отрицательных персонажей). Буквальный перевод данного сегмента звучит как: «Я не могла понять поют они в красной маске или же в белой». Но русскоязычный читатель, не знакомый с китайскими театральными реалиями, не сможет понять смысл этой фразы. Однако в русском языке существует фразеологизм схожий с ней по значению – *волк в овечьей шкуре*. В данном случае его использование вполне оправдано, так как с его помощью возможно передать семантическое значение данных реалий, а буквальный перевод для русскоязычного читателя не имеет особого значения.

Частотность реалий в корпусе

Данные по употреблениям отобранных номинаций в абсолютных единицах представлены в таблице 39.

Самое большое общее количество номинаций представлено в подкорпусе древнекитайских текстов, и это неудивительно, ведь все они появились в древности и сохранились до наших дней. Самое малое общее число номинаций обнаружено в подкорпусе художественной литературы. Общее количество номинаций в разговорной речи и прессе оказалось очень схожим, но, учитывая значительно меньшее число иероглифов в подкорпусе разговорной речи, доля этих номинаций намного выше. Представленность в различных жанрах речи означает высокую востребованность изучаемых номинаций как для переводчиков, так и для методики преподавания китайского языка.

Таблица 39 – Частотность вербализаций культурных реалий
(корпусные данные)

№	Реалия	Перевод	Древнетайские тексты	Лит-ра	Пресса	Разговорная речь
1	袍子	платье (длинное), халат	501 (15<<<)	739 (1=)	146 (15<<<)	210 (12<<<)
2	二字	два иероглифа	84178 (1≈)	677 (2=)	5021 (1≈)	1551 (3≈)
3	里弄	проулок, переулок; лилун	458 (16<<<)	399 (3=)	2334 (5≈)	749 (9<<)
4	琵琶	пипа (род лютни)	20858 (4=)	379 (4=)	3015 (4=)	925 (6≈)
5	圣贤	совершенномуздрый (мудрец) и талантливый (гений)	51353 (2>)	279 (5=)	741 (12<<)	172 (13<<)
6	状元	чжуаньюань, первый из сильнейших (победитель на столичных экзаменах, первый кандидат на высокую должность)	21098 (3>)	274 (6=)	3813 (3>)	1167 (5≈)
7	炮台	паотай («камнеметная терраса» – площадка, иногда возвышение на крепостной стене для размещения камнеметов)	8071 (8≈)	257 (7=)	1269 (8≈)	170 (14<<)
8	馄饨	вонтоны, хунтунь	967 (13<)	246 (8=)	757 (11<)	3557 (2>>)
9	苦力	кули, чернорабочий, носильщик	677 (14<)	211 (9=)	803 (10≈)	1318 (4>)
10	月饼	юэбин, лунный пряник	271 (18<<)	199 (10=)	4696 (2>>)	13112 (1>>)
11	一担	один дань	1686 (12≈)	198 (11=)	2292 (6>)	60 (17<<)
12	三更	третья ночная стража	16572 (6>>)	196 (12=)	400 (14≈)	918 (7>)
13	虎口	пространство (часть ладони) между большим и указательным пальцем	5349 (9>)	137 (13=)	1376 (7>>)	0 (22<<)
14	宣纸	сюаньчэнская бумага, сюаньчжи	116 (19<)	107 (14=)	1259 (9>)	142 (15≈)
15	凌迟	линчи (казнь «тысячи надрезов»)	3965 (10>)	73 (15=)	54 (19<)	115 (16≈)
16	贵妃	стар. государева супруга второго класса	18742 (5>>>)	68 (16=)	604 (13>)	891 (8>>)
17	过家家	играть в семью (детская игра)	8 (22<)	45 (17=)	59 (18≈)	303 (11>>)
18	下九流	представители "низких" профессий	15 (21<)	25 (18=)	36 (20≈)	13 (19≈)
19	肚兜	дудоу (традиционное женское белье)	46 (20≈)	21 (19=)	103 (16>)	327 (10>>)
20	玉楼	ящмовый терем; место сбора небожителей	8365 (7>>>)	7 (20=)	34 (21≈)	5 (20=)

21	伴读	компаньон по учёбе (высочайшей особы)	1748 (11>>>)	5 (21=)	31 (22≈)	31 (18>)
22	花船	разукрашенная прогулочная лодка	297 (17>)	4 (22=)	77 (17>)	4 (21≈)

Ранги частотности отдельных номинаций реалий в разных подкорпусах значительно варьируют. В публицистических текстах чаще всего встречаются меры веса или длины либо реалии, описывающие явления современной действительности. В остальных случаях они выполняют функцию средства выразительности, которое придает тексту дополнительную яркость и экспрессию. Есть номинации, крайне редко встречающиеся, например, в художественной литературе и разговорной речи (особенно №№20, 22), номинация № 13 вообще не встретилась в разговорной речи, но сравнительно часто появлялась в прессе. Интересно, что номинация № 17 крайне редко появлялась в древнекитайских текстах, но ее частота употребления оказалась значительно больше в разговорной речи. Номинация № 2 – самая частотная в древнекитайских текстах – является таковой и в прессе, а разговорной речи она третья по частотности после номинаций № 10 и № 8. В подкорпусе разговорной речи самой частотной номинацией является «лунный пряник» (№ 10), символизирующий романтическую культурную традицию, зародившуюся в древности. Это была трагическая история молодого и сильного стрелка Хоу (потомка императора), получившего за свой подвиг от богини эликсир бессмертия, и его красавицы-жены Чанъэ, которая в минуту тоски от одиночества в отсутствие супруга выпила эликсир в одиночку, стала бессмертной и, покинув мужа, улетела на луну. Каждый год, в день, когда луна становится особенно яркой и полной, разлучённые влюблённые могут видеть друг друга и Чанъэ вспоминает о своей любви и об оставленных родных. Праздник Луны в Китае практически равен по статусу Новому году. Промышленное производство лунных пряников в День Луны (15 числа 8 месяца по китайскому лунному календарю) сейчас в Китае носит широкомасштабный характер, а коробка таких пряников в День Луны – традиционный подарок родным и

друзьям. Т.е. самая высокая частотность данной номинации именно в разговорной речи очевидна.

Таким образом, в ходе настоящего исследования было выделено и проанализировано двадцать семь узких контекстов, содержащих культурные реалии, которые были отнесены нами к разряду этнографических.

Чаще всего для передачи реалий с китайского языка на русский использовался метод транслитерации. Его использование обуславливалось, в основном, различиями в грамматических строях двух языков, а также невозможностью использования других методов перевода, по причине культурных различий в сознании носителей китайского и русского языков.

На втором месте по частоте использования находятся методы описательного и трансформационного перевода. Их использование обусловлено соответствием русскоязычного перевода широкому контексту и сходством китайских реалий с реалиями русской действительности.

Метод приближенного перевода и замены реалий на фразеологизмы использовались в тех случаях, когда китайские реалии по своему значению были максимально близки к русским. Однако большое значение для их использования имел узкий контекст.

Метод калькирования применялся в основном для передачи тех реалий, которым невозможно подобрать даже частичного эквивалента и семантическое значение, которых завязано на иероглифах, реалию составляющую.

Возможны также случаи, когда возникает необходимость использования данных методов перевода совместно с приёмами, подразумевающими грамматические трансформации. Например, метод трансформационного перевода с изменениями согласно правилам семантического согласования, калькирования с методом семантического стяжения. Подобные трансформации обусловлены в основном разницей в грамматической структуре двух языков.

2.3.7 Способы достижения эквивалентности при передаче метафор и фразеологизмов

В ходе исследования нами было выделено 116 узких контекстов, содержащих фразеологизмы, метафоры и пословицы, которые вызвали трудности при переводе с китайского языка на русский. Результаты подсчетов представлены в таблице 40.

Таблица 40 – Виды лексических единиц, вызвавшие трудности при переводе

Виды лексических единиц	Количество (в абс. ед.)	Количество (в %)
Фразеологизмы	74	63.79
Метафоры	37	31.9
Пословицы	5	4.31

Как было сказано выше, для перевода данных лексических единиц использовались способы перевода метафор, предложенные Раймондом ван де Бруком: перевод «*sensu stricto*», замещение и перефраз. Перевод «*sensu stricto*» подразумевает полный перевод и содержания, и средства передачи смысла ИЯ в ПЯ (используя терминологию Л. С. Бархударова данный метод можно назвать калькированием), замещение – замену исходной лексической единицы близкой по значению единицей ПЯ (приближенный перевод), перефраз – описательную передачу смысла исходного выражения или отдельного слова (в данном случае замену исходного фразеологизма либо метафоры полным русскоязычным синонимом) [van den Broeck, 1981].

Способы перевода фразеологизмов

Всего нами было выделено 74 фразеологизма, вызвавших трудности при переводе с китайского на русский. Результаты подсчетов представлены в таблице 41.

Таблица 41 – Способы перевода фразеологизмов

Способы перевода	Количество (в абс. ед.)	Количество (в %)
Замещение	51	68.92
Перефраз	16	21.62
Калькирование	7	9.46

Чаще всего для передачи фразеологизмов в китайского языка на русский использовалось замещение. При этом pragматические значения исходных лексических единиц утрачивались. Например:

(1) 隔着地板，她能听见地下室的声音：打麻将、弹琵琶、打情骂俏。

Из-под пола до нее доносились звуки, идущие из подвала: игра в маджонг, лютня, **заигрывания**.

В данном примере фразеологизм 打情骂俏 является чэньюем, который имеет значение *заигрывать, приставать; кокетничать*. Сохранить pragматическое значение исходной лексической единицы невозможно, что обуславливается отсутствием в русском языке синонимичного фразеологизма. Следовательно, в переводе фразеологизм возможно заменить нейтральной лексикой со схожим значением, так как в данном случае референциальное значение для русскоязычного читателя более важно, чем pragматическое.

Следует отметить, что иногда фразеологизмы являлись частью субстантивного либо «обстоятельственного» словосочетания. В этих случаях названные выше способы перевода пересекались с переводческими приемами, подразумевающими грамматические трансформации (см. Приложение 1, пример № 51).

Для передачи фразеологизмов использовался также перефраз, который подразумевает замену исходной лексической единицы на синонимичную единицу русского языка. Например:

(2) “一担面粉这么多人？两天就喝西北风去！”法比发着小脾气对陈乔治说，怎么办呢？

«Всего один дань муки и так много людей! Этого хватит только на два дня, а потом что? **Святым духом питаться?**» – сказал Фабий Джорджу Ченю слегка раздраженно.

В данном случае фразеологизм 喝西北风 буквально переводится *питаться северо-западным ветром*, используется образно в значении *жить в нужде, жить впроголодь*. В русском языке существует полный синоним данному фразеологизму – *питаться святым духом*, следовательно мы используем перефразирование, сохраняя и референциальное, и прагматическое значение, которое здесь необходимо передать, так как исходная лексическая единица является частью прямой речи конкретного персонажа.

Наименее часто для передачи фразеологизмов использовался прием калькирования. Например:

(3) 像七十三师这样的精锐师，蒋介石有三个，是他的掌上明珠。

У Чан Кайши включая семьдесят третью дивизию было всего три элитных подразделения, три «**жемчужины на его ладони**».

Фразеологизм 掌上明珠 буквально переводится как *жемчужина на ладони*, в китайском языке так обычно говорят о горячо любимом ребенке. В русском языке не существует синонимичной лексической единицы, следовательно прагматическое значение при переводе не может быть сохранено. Приём замещения также не может быть использован, так как добавочное референциальное значение (горячо любимый ребёнок) должно быть сохранено. Здесь автор имеет ввиду, что Чан Кайши относился к солдатам как своим детям и заботился о них. Следовательно, здесь необходимо использовать каль-

кирование и переводческий комментарий, чтобы передать в первую очередь референциальное значение исходной лексической единицы.

Способы перевода метафор

Для перевода метафор использовались те же приемы, что и для передачи фразеологизмов, однако для передачи метафор чаще применялось перефразирование. Результаты подсчетов представлены в таблице 42.

Таблица 42 – Способы перевода метафор

Способы перевода	Количество (в абс. Ед.)	Количество (в %)
Перефразирование	22	59.46
Замещение	13	35.14
Калькирование	2	5.41

Как было сказано выше, чаще всего для передачи метафор использовалось перефразирование, при этом исходная метафора заменялась на синонимичную русскоязычную метафору или фразеологизм. Например:

(1)她这个轻如红尘的女人，一旦消失，就像从来没投胎到这世上似的。

Как только эта женщина, лёгкая как багровая пыль, исчезнет, от нее не останется и следа в этом мире.

В данном примере выделенный фрагмент является метафорой, построенной на основе буддийского термина 投胎, который буквально переводится как *перейти в следующее воплощение; переродиться; перевоплотиться в человеческом образе (о демоне или духе)*. Т.е. исходная метафора буквально переводится как «будто она и не перерождалась в этом мире» и означает, что человека как будто никогда не существовало. Однако русскоязычные читатели далеки от буддизма и его терминологии, поэтому исходную лексическую

единицу возможно заменить на синонимичную метафору – *не останется и следа в этом мире.*

При переводе текста метафоры также заменялись на синонимичные фразеологизмы. Например:

(2) 一个是十七八岁的窑姐抢着报告：“安全区连坐的地盘都不够，就是挤进去，也要当人秧子直直地插着！”

Другая девушка семнадцати или восемнадцати лет поспешила добавить: «В Зоне безопасности нет места даже присесть, а если и втиснешься, то **сидеть придется как селедке в бочке!**»

Лексическая единица **当人秧子直直地插** имеет буквальный перевод *быть как рассада в земле.* Данная метафора здесь употребляется в значении «сидеть в большом количестве и в тесноте», однако буквальный перевод здесь невозможен, так как в сознании носителей русского языка теснота не ассоциируется с ростками в земле. При переводе мы можем заменить данную метафору фразеологизмом *как селедка в бочке*, который имеет то же значение, что и метафора *как рассада в земле.*

Для перевода метафор использовалось также замещение, когда исходная метафора заменялась на синонимичную коллокацию либо нейтральную лексику со схожим значением, т.е. сохранялось только референциальное значение, а pragmaticическое утрачивалось. Например:

(3) 苏菲蚊子似的说：“小愚，你不是说，也叫你爸带我走吗？”

«Сяо-юй, разве ты не обещала, что попросишь отца и меня взять с собой?» – **пропищала Софи.**

В данном случае метафора **蚊子似的说** буквально переводится как *сказать как комар.* Использование дословного перевода здесь возможно, но

русскоязычному читателю будет трудно его воспринять, так как исходная метафора для него непривычна и не совсем понятна. Следовательно, её необходимо заменить на такую языковую единицу, которая была бы понятна русскоязычному читателю и при этом полностью передавала референциальное значение исходной, например, глагол *пищать*. Он не только отражает смысл метафоры, но и сохраняет определенную часть образности, которую она несёт. Ведь понимании русскоязычного читателя комар именно пищит.

В некоторых случаях метафоры заменялись на коллокации. Например:

(4) 之后她了解到，这叫“**褂头牌的**”。

Позже она узнала, что это называется быть «**ведущей актрисой**».

В данном примере китайское выражение **褂头牌的** буквально переводится как *повесивший актерскую табличку*. В представленном контексте оно используется в значении «быть лидером, лучшим среди кого-то». Данное выражение появилось благодаря традиции вывешивать табличку с именем ведущего актера на дверях традиционного театра. В русском языке нет эквивалента рассматриваемой лексической единице, но его вполне можно заменить коллокацией *ведущая актриса*.

Наименее часто для перевода метафор использовалось калькирование. Например:

(5) 趁这个空当，墙头上的女人们都像雨前田鸡一样纷纷起跳，落进院内。

Воспользовавшись этой заминкой, остальные **спрыгнули** со стены во двор, ловко **как лягушки**.

В данном примере выражение **像雨前田鸡一样纷纷起跳** имеет буквальный перевод *прыгать как лягушки после дождя*. В русском языке также

существует подобное выражение, связанное с лягушками, в значении «высоко или далеко прыгать» – *прыгать как лягушка*. Следовательно, буквальный перевод здесь вполне возможен, однако уточнение «после дождя» следует опустить. Действительно, считается, что во время и после дождя лягушки выпрыгивают из своих убежищ на открытые места и становятся более активными, но для русскоязычного читателя данное уточнение излишне.

Способы перевода пословиц

В ходе исследования было выделено 5 пословиц, которые вызвали трудности при переводе с китайского языка на русский. Для их передачи использовалось перефразирование, и исходные лексические единицы заменялись на синонимичные пословицы и фразеологизмы. Например:

(6) 陈乔治胸无大志, 坚信好死不如赖活着, 最近和红菱相好, 觉得赖活着竟也有千般滋味。

Джордж не был амбициозен, он считал, что **живая собака лучше мертвого льва**. Особенно теперь, когда они с Хунлин так хорошо ладили, распутная жизнь, казалось, сулила бесчисленные удовольствия.

В данном случае пословица *好死不如赖活* буквально переводится как *лучше плохо жить, чем хорошо умереть*. В этом случае исходную языковую единицу можно заменить на синонимичный фразеологизм, так как для русскоязычного читателя важен не буквальный перевод, а переносный смысл, который пословица несет.

Замена нейтральной лексики на фразеологизм

В ходе исследования было выделено 37 случаев, когда нейтральная лексика заменялась на фразеологизм или коллокацию, что обуславливалось трудностью восприятия буквального перевода русскоязычным читателем. Например:

(1) 罪过原来是有魅力的，她们不敢想不能干的罪过事物似乎可以让这些做替身的去干。

Запретный плод сладок, и девочки, не осмеливаясь съесть этот плод, к которому они не осмеливались даже тянуться, будто бы позволяли другим сделать это вместо них.

При работе с данным примером все предложение целиком было передано с помощью метафоры, основанной на устойчивом выражении русского языка *запретный плод сладок*. Буквальный перевод предложения выглядит следующим образом: «Грехи были привлекательны, но они не осмеливались думать о грехах, которые к тому же не могли совершить, казалось, что они позволяли другим совершать грехи за них». Буквальный перевод в данном случае неуместен, так как русскоязычному читателю будет сложно его воспринять, следовательно здесь необходимо максимально адаптировать перевод к нормам русского языка. Лучшим способом этого достичь является построение предложения обыгрывая выражение *запретный плод сладок*.

Таким образом, для передачи фразеологизмов чаще всего использовался приём замещения, в тех случаях, когда синоним исходной лексической единицы в русском языке отсутствовал. При этом сохранение референциального значения важнее, чем pragматического. Использование перефразирования для передачи фразеологизмов обуславливалось наличием в русском языке синонимичной лексической единицы. Калькирование для передачи фразеологизмов использовался в тех случаях, когда синоним исходной лексической единицы в русском языке отсутствовал, однако фразеологизм имел также особое добавочное референциальное значение.

Для передачи метафор чаще всего использовалось перефразирование, при этом исходные лексические единицы заменялись на синонимичные русскоязычные метафоры либо фразеологизмы. Замещение для передачи метафор использовался в тех случаях, когда исходная лексическая единица не

имела синонима в русском языке, а буквальные переводы были бы не понятены русскоязычному читателю. Использование калькирования для передачи метафор обуславливалось полным совпадением исходной метафоры с русскоязычным эквивалентом и возможностью ее понимания русскоязычным читателем.

Для передачи пословиц использовалось перефразирование, что обуславливалось наличием в русском языке синонимичных лексических единиц со схожим значением.

Замена нейтральной лексики на фразеологизмы происходила в тех случаях, когда буквальный перевод лексической единицы либо целой фразы был труден для восприятия русскоязычным читателем из-за культурных, либо грамматических различий двух языков.

Частотность фразеологизмов в корпусе

Данные по употреблениям отобранных номинаций в абсолютных единицах представлены в таблице 43.

Следует обратить внимание на то, что некоторые фразеологизмы являются многозначными и могут использоваться в речи в буквальном значении либо иметь несколько образных значений. Некоторые сочетания иероглифов, хотя и являются устойчивыми (фразеологизмами либо коллокаций), в корпусе не отражаются, некоторые также являются диалектизмами.

**Таблица 43 – Частотность вербализаций фразеологизмов
(корпусные данные)**

№	Фразеологизм	Перевод	Лит ранг	Пресса ранг	Разг. ранг	древне-кит.ранг
1.	动手动脚	пустить в ход руки и ноги (обр. в знач.: а) шутить, баловаться; б) распускать руки, лапать, заигрывать с женщинами)	118 (20 =)	101 (40 >>>)	211 (15 <<)	175 (21 ≈)
2.	喝西北风	питаться северо-западным ветром	47 (38 =)	143 (37 ≈)	784 (4 <<<)	10 (44 >>)
3.	吃里爬外	передавать чужим сведения о своих	17 (47 =)	12 (52 >)	10 (48 ≈)	0 (54 >>)

4.	翻箱倒柜	опрокинуть сундуки и перевернуть шкафы (перевернуть вверх дном)	86 (27 =)	333 (28 ≈)	143 (24 <)	7 (46 >>>)
5.	给脸不要脸	отказаться от предоставленной возможности сохранить лицо	8 (50 =)	1 (56 >>)	108 (30 <<<<)	2 (50 =)
6.	闷头闷脑	глупо, тупо	2 (55 =)	1 (56 ≈)	0 (52 <)	0 (54 ≈)
7.	打情骂俏	заигрывать, кокетничать	59 (35 =)	41 (48 >>>)	515 (7 <<<<)	12 (43 >>)
8.	掌上明珠	жемчужина на ладони (о горячо любимом ребёнке)	87 (26 =)	183 (35 >>)	0 (52 >>>>)	140 (24 ≈)
9.	溃不成军	перестать существовать как войско (как армия), разбежаться, развалиться, распасться	50 (37 =)	292 (29 <<)	118 (29 <<)	4 (49 >>>)
10.	血肉之躯	плоть и кровь, тело, телесная оболочка; смертный	135 (15 =)	573 (21 >>)	24 (40 >>>>)	209 (19 >)
11.	大胆妄为	распояться, обнаглеть, наглый	18 (45 =)	20 (51 >>)	0 (52 >>)	6 (47 ≈)
12.	一见如故	встретиться впервые, но как со старым знакомым	73 (32 =)	453 (25 <<)	241 (12 <<<<)	285 (15 <<<)
13.	撒手不管	пустить на самотёк, умыть руки	78 (30 =)	599 (20 <<<<)	23 (41 >>>)	2 (50 >>>)
14.	生死攸关	вопрос жизни и смерти	86 (27 =)	540 (22 <<)	0 (52 >>>>)	48 (32 >)
15.	针锋相对	находиться в резком противоречии	157 (13 =)	6267 (1 <<<<)	71 (35 >>>>)	73 (28 >>>)
16.	剿尽杀绝	истребить без остатка	0 (59 =)	2 (54 <<)	0 (52 <<)	0 (54 <<)
17.	凶吉未卜	нельзя предугадать несчастье или удачу	0 (59 =)	5 (53 <<)	0 (52 <<)	1 (52 <<)
18.	钻牛角尖	зацикливатся; философствовать на пустом месте	38 (39 =)	142 (38 ≈)	637 (5 <<<<)	0 (54 >>>)
19.	万无一失	ни одного промаха из десяти тысяч; абсолютно надёжный, безупречный	314 (5 =)	1377 (7 ≈)	175 (22 >>>)	804 (6 ≈)
20.	守株待兔	сторожить пень в ожидании зайца	19 (44 =)	211 (32 <<<)	176 (20 <<<<)	230 (18 <<<<)
21.	彻头彻尾	с головы до ног; с начала до конца; стопроцентный	286 (7 =)	2926 (3 <)	130 (26 >>>)	323 (12 >)
22.	心甘情愿	охотно идти (на что-л.); испытывать готовность; с готовностью, добровольно	646 (1 =)	1442 (5 >)	1223 (1 =)	25 (37 >>>>)
23.	看西洋镜	влезать в чужие секреты	1 (57 =)	1 (56 ≈)	2 (49 <<)	5 (48 <<)
24.	绣花枕头	внешне красивый, а на деле никчёмный	23 (43 =)	48 (47 >)	23 (41 ≈)	10 (44 ≈)
25.	去粗取精	отделить зерна от плевел, отделять дурное от хорошего, отсортировать, выбрать хорошее	4 (52 =)	636 (19 <<<<)	1 (51 ≈)	0 (54 ≈)
26.	仙风道骨	манеры бессмертного и тело (облик) даоса (обр. в знач.: незаурядный человек)	11 (48 =)	51 (46 ≈)	72 (34 <<<)	501 (8 <<<<)
27.	难舍难分	никак не бросить (не расстаться); любезный сердцу, милый; неотлучный, неразлучимый	64 (33 =)	236 (31 ≈)	103 (31 ≈)	52 (31 ≈)

28.	东逛西逛	бродить по востоку, бродить по западу (слоняться без дела)	2 (55 =)	1 (56 ≈)	2 (49 <<)	0 (54 ≈)
29.	青面獠牙	синяя морда, торчащие клыки; злобный, свирепый, жуткий, кошмарный, чудовищный	18 (45 =)	73 (43 ≈)	11 (46 ≈)	125 (25 <<<)
30.	肆无忌惮	бездобразничать, бесчинствовать; беззастенчивый, бесцеремонный, развязный	445 (3 =)	3479 (2 ≈)	1115 (3 =)	909 (3 =)
31.	痴心妄想	бредовые мечты, бредни, несбыточные надежды, маниловщина; строить (создавать) себе иллюзии	132 (16 =)	1085 (9 <<)	216 (13 <)	180 (20 >)
32.	自问自答	самостоятельно ответить на собственный вопрос, самому ответить на собственный вопрос	78 (30 =)	89 (42 >>>)	259 (11 <<<)	41 (34 >)
33.	相依为命	жить, помогая друг другу; жить, поддерживая друг друга; быть друг для друга опорой	173 (11 =)	724 (15 >)	576 (6 <<)	348 (11 =)
34.	露水夫妻	супруги на миг, мимолётная интимная связь; любовники; сожители	6 (51 =)	0 (60 >>)	11 (46 <<)	65 (29 <<<<)
35.	四海为家	повсюду (в любом месте) находить себе дом; везде чувствовать себя как дома; между небом и землёй жить	32 (42 =)	207 (33 <<)	324 (9 <<<<)	887 (5 <<<<)
36.	倾国倾城	завоёвывать страны и покорять города, обр. несравненная красота, красавица	35 (41 =)	24 (50 >>)	417 (8 <<<<)	379 (10 <<<<)
37.	粗茶淡饭	плохо заваренный чай и жидкая каша; обр. скромно питаться, жить экономно; неприхотливая еда	64 (33 =)	243 (30 <)	157 (23 <<<)	125 (25 <<)
38.	横七竖八	семь вдоль, восемь поперёк (обр. в знач.: в полном беспорядке, вповалку, вдоль и поперёк, вскинь и вкося, кое-как)	238 (10 =)	398 (26 >>>)	22 (43 >>>>)	111 (27 >>>)
39.	出人头地	превосходить всех по способностям; выделяться; обр. быть на голову выше других	294 (6 =)	360 (27 >>>>)	176 (20 >>>)	173 (22 >>>)
40.	乳臭未干	молоко на губах не обсохло; молокосос	88 (25 =)	34 (49 >>>>)	0 (52 >>>>)	18 (40 >>>)
41.	似是而非	похожий на истину, но ложный; правдоподобный	126 (18 =)	732 (14 <)	27 (39 >>>>)	1418 (1 <<<)
42.	死心塌地	решительно и бесповоротно, неизменно, непоколебимо	167 (12 =)	776 (12 =)	0 (52 >>>>)	282 (16 >)
43.	魂飞魄散	душа разума улетела, а душа тела рассеялась (обр. в знач.: страшно перепугаться)	126 (18 =)	90 (41 >>>>)	64 (36 >>>)	599 (7 <<<)
44.	饥寒交迫	обр. жить в голоде и холода; жить в крайней нужде	90 (24 =)	1042 (10 <<<)	199 (17 <<)	153 (23 ≈)
45.	蓬头垢面	нечёсаный и неумытый; замурзанный, зачуханный	137 (14 =)	190 (34 >>>)	318 (10 <)	304 (14 =)
46.	胆战心惊	обр. мороз по коже прошёл, душа в пятки ушла, дрожать от страха, смертельно перепугаться, прийти в ужас	384 (4 =)	953 (11 >>)	216 (13 >>)	308 (13 >>)

47.	心甘情愿	охотно идти (на что-л.); испытывать готовность; с готовностью, добровольно, с удовольствием, охотно, обр. по доброй воле, по собственному желанию	646 (1 =)	1442 (5 >)	1223 (1 =)	25 (37 >>>)
48.	苦口婆心	«на словах резок, в душе добр» (обр. в знач.: резко, но справедливо критиковать; говорить горькую правду с добрыми намерениями)	96 (23 =)	736 (13 <<<)	178 (19 <)	45 (33 >>)
49.	火烧火燎	сгорать (от беспокойства), гореть (от гнева, стыда и т. п.)	105 (21 =)	123 (39 >>>)	31 (38 >>>)	0 (54 >>>)
50.	节外生枝	создавать дополнительные трудности (в каком-либо деле); усложняться, запутываться; усложнение	85 (29 =)	472 (24 <<)	12 (44 >>>)	266 (17 <<<)
51.	闻所未闻	неслыханный; в жизни не слышал, слыхом не слыхал	280 (8 =)	497 (23 >>>)	60 (37 >>>>)	906 (4 <)
52.	举头望明月	Я голову поднимаю гляжу на луну в окошко (из стихотворения Ли Бо «Думы тихой ночи»)	4 (52 =)	71 (45 <<)	211 (15 <<<<)	18 (40 <<<)
53.	低头思故乡	Я голову опускаю и родину вспоминаю (из стихотворения Ли Бо «Думы тихой ночи»)	3 (54 =)	72 (44 <<<)	119 (28 <<<<)	30 (35 <<<)
54.	煞有介事	совершенно серьёзно, убеждённо, на полном серьёзе; с нарочито озабоченным (деловым) видом	241 (9 =)	698 (16 >>)	12 (44 >>>>)	21 (39 >>>)
55.	偷工减料	халтурить; делать работу кое-как, экономя на материале	38 (39 =)	1851 (4 <<<<)	135 (25 <<<)	58 (30 <<)
56.	没老没少	быть непочтительным к старшим; не уважать старших, грубить старшим	1 (57 =)	2 (54 <)	0 (52 <<)	1 (52 <<)
57.	鼻青脸肿	синий нос и опухшее лицо (об избитой физиономии в синяках и кровоподтёках)	58 (36 =)	179 (36 =)	87 (33 <)	13 (42 >>)
58.	顶天立地	головой подпирать небо, ногами стоять на земле (обр. в знач.: великий и могучий, гигантский, могущественный, гигант, исполин; сильный, крепкий)	100 (22 =)	1277 (8 <<<)	128 (27 >)	451 (9 <<<)
59.	拾金不昧	возвратить потерянное имущество владельцу, вернуть находку	11 (48 =)	691 (17 <<<<)	98 (32 <<<)	28 (36 <<<)
60.	痛心疾首	душа болит, ненавидеть, горько сожалеть	131 (17 =)	658 (18 ≈)	188 (18 ≈)	964 (2 <<<)

Самое большое общее количество номинаций представлено в подкорпусе публицистических текстов. Китайский язык сам по себе отличается образностью и иносказательностью, и фразеологизмы часто используются в прессе, так как выполняют функцию средства выразительности, которое придаёт тексту дополнительную яркость и экспрессию, а также помогают кратко

выразить сущность сложных явлений. Самой частотной номинацией в данном подкорпусе является номинация «находиться в резком противоречии» (№ 15), при этом в других подкорпусах она встречается довольно редко. Есть номинации, которые вообще не встречались в некоторых подкорпусах. Например, №№ 16, 17 не появлялись ни в художественной литературе, ни в разговорной речи.

Общее количество номинаций в разговорной речи и древнекитайских текстах оказалось очень схожим, но, учитывая значительно меньшее число иероглифов в подкорпусе разговорной речи, доля этих номинаций намного выше. Самой частотной номинацией в данном подкорпусе является «охотно идти (на что-л.)» (№ 22), при этом почти столько же ее употреблений приходится на подкорпус публицистических текстов.

2.4 Способы достижения эквивалентности при передаче внутрилингвистических значений

В ходе исследования нами было выделено 19 сегментов, содержащих внутрилингвистические значения, которые вызвали трудности при переводе с китайского языка на русский. Все они были разделены на группы согласно классификации Л. С. Бархударова (см. Глава 1, с. 96). Также нами был выделен отдельный вид внутрилингвистических значений, характерных для китайского языка – внутрилингвистические значения, построенные на многозначности слов. Результаты подсчетов представлены в таблице 44.

Таблица 44 – Виды внутрилингвистических значений

Виды внутрилингвистических значений	Количество (в абс. ед.)	Количество (в %)
Отношения сходства морфемной структуры	7	36.84
Отношения сочетаемости слов в строении предложения	7	36.84
Отношения семантического сходства	4	21.05
Построенные на многозначности слов	2	10.53

Как было сказано выше, для преодоления трудностей при переводе нами использовалось три приема, а именно передача смысла, но отказ от использования игры слов; сохранение внутрилингвистического значения и замена образа с искажением точного значения; воспроизведение исключительно внутрилингвистического значения и пренебрежение содержанием; буквальный перевод лексической единицы.

2.4.1 Способы передачи внутрилингвистических значений, построенных на отношениях сходства морфемной структуры

Чаще всего проблемы при переводе вызывали внутрилингвистические значения, ядром которых являются отношения сходства морфемной структуры. Прежде чем перейти к анализу результатов исследования, необходимо рассмотреть сущность морфемы в китайском языке.

Китайское слово обладает звуковой формой, семантическим содержанием, фиксированной структурой и функционирует как базовая единица для построения предложений [Ge, 2017]. В рамках китайского языка деление слова ограничивается уровнем слога [Задоенко, Хуан, 2010].

Китайский язык характеризуется морфемной структурой, где морфемы представлены иероглифами. Лексика китайского языка делится на простые и сложные слова. Простые слова являются односложными и формируют базовый лексический фонд языка [Семенас, 2005]. Сложные слова представляют собой комбинации нескольких морфем.

Морфема – это минимальная грамматическая единица, обладающая целостностью звучания и значения, служащая основой для образования других грамматических единиц. Морфемы подразделяются на свободные и связанные. Свободные морфемы эквивалентны простым словам и могут использоваться в словообразовании. Связанные морфемы включают корни и аффиксы [Солнцев, 1995].

Всего нами было выделено 7 лексических единиц, внутрилингвистические значения которых были построены на основе отношений сходства морфемной структуры. Результаты подсчётов представлены в таблице 45.

Таблица 45 – Способы перевода лексических единиц с отношениями сходства морфемной структуры

Способы перевода	Количество (в абс. ед.)	Количество (в %)
Сохранение внутрилингвистического значения и замена образа с искажением точного значения	4	57.14
Буквальный перевод лексической единицы	2	28.57
Передача смысла, но отказ от использования игры слов	1	14.29

При их передаче само внутрилингвистическое значение обычно сохранялось, однако происходила замена исходного образа. Например:

(1) 玛雅的东西一般碰碰就会碰出后果来。

Если постоянно трогать вещи Майи, то обязательно дотрогаешься до последствий.

В данном случае основой игры слов является лексическая единица 碰, которая буквально переводится как *наскакивать на...*; *сталкиваться с...*; *встречаться с...* В первом случае происходит удвоение глагола, которое выражает кратковременность действия, во втором – к глаголу добавляется морфема 出来, которая указывает на направление действия изнутри наружу и в сторону говорящего лица. Здесь внутрилингвистическое значение зависит от грамматических особенностей языка, которые, в свою очередь, влияют на референциальное значение исходных языковых единиц. Широкий контекст указывает на то, что внутрилингвистическое значение должно быть сохранено, так как автор ведёт рассказ от первого лица и используемая здесь игра

слов является средством выразительности речи и показывает характер рассказчика. Поэтому в данном случае с помощью средств русского языка внутрилингвистическое значение сохраняется, однако семантика высказывания при этом немного меняется.

Встречались также и случаи, когда внутрилингвистическое значение передавалось с помощью калькирования. Например:

(2) 门是堵住了, 但豆蔻清脆的脏话却堵不住...

Дверь была закрыта, но закрыть грязный рот Доукоу было **невозможно**...

Здесь внутрилингвистическое значение передается с помощью калькирования, т.е. в русскоязычном тексте при буквальном переводе оно сохраняется совместно с референциальным значением. Лексическая единица 堵住 буквально переводится как *закрывать*, *закладывать*, *затыкать*, во втором случае к ней добавляется морфема 不 / не, которая при использовании в такой позиции указывает на невозможность совершения действия. В данном случае средства русского языка позволяют дословно передать и внутрилингвистическое и референциальное значения.

Всего в одном случае внутрилингвистическое значение было утрачено для сохранения референциального:

(3) 臭女人的臭肉在这里卖不出钱, 换洋山芋吃都行。

Эти **отвратительные шлюхи** не могли продать здесь свои **гнилые тела** за деньги, так они продали их за картошку.

Здесь ядром внутрилингвистического значения является морфема 臭 / вонючий; отвратительный; дурной. Однако исходные лексические единицы 臭女人 и 臭肉 буквально переводятся как *отвратительная женщина* и *про-*

тухшее мясо соответственно. Средствами русского языка данную игру слов передать затруднительно, необходимости в этом также нет, так как основной целью высказывания является не насмешка либо ирония как в большинстве случаев, а отрицательная оценка одного персонажа другим. Исходя из этого, внутрилингвистическое значение теряется, но референциальное при этом остаётся неизменным.

2.4.2 Способы передачи внутрилингвистических значений, построенных на отношениях сочетаемости в структуре предложения

При переводе исходного текста с китайского языка на русский встречались также внутрилингвистические значения, ядром которых являются отношения сочетаемости языковых единиц в структуре предложения. В ходе исследования было выявлено 7 лексических единиц данного типа. Результаты подсчётов представлены в таблице 46.

Таблица 46 – Способы перевода лексических единиц с отношениями сочетаемости в структуре предложения

Способы перевода	Количество (в абс. ед.)	Количество (в %)
Приближенный перевод лексической единицы	4	57.14
Передача смысла, но отказ от использования игры слов	3	42.86

Чаще всего при передаче игры слов данного типа использовалось калькирование, т.е. и внутрилингвистическое значение, и референциальное сохранялись в полном объеме. Однако следует отметить, что исходные лексические единицы в некоторых случаях заменялись синонимичные. Например:

(1) “你们拿五个子玩不起来，我们缺五张牌也玩不起来。”红菱跟女孩们拉扯起生意来了。

«Вы не сможете играть без пяти шашек, а мы не можем играть без пяти костяшек» – продолжала Хунлин втягивать девочек в свою авантюру.

Здесь основой внутрилингвистического значения является лексическая единица 玩不起来 / не мочь играть, сама же игра слов строится на принципах сочетаемости исходной языковой единицы в составе предложения. Рассматриваемая фраза не является авторской речью, а принадлежит конкретному персонажу – в таком случае внутрилингвистическое значение необходимо сохранить. В данной ситуации средства русского языка позволяют сделать это в полном объеме, следовательно, и внутрилингвистическое и референциальное значения полностью сохраняются.

Как было сказано выше, при передаче лексических единиц данного типа исходные языковые единицы заменялись на синонимичные. Например:

(2) “国都亡了，你们还有心思玩？”“又不是我们玩亡的。”她说：“再说我们在这里不玩干什么？”

«Столице **конец**, а вы еще хотите играть?»

«Но это не значит, что нашим играм **конец**, – сказала она, – Почему бы нам не поиграть здесь?»

В данном примере внутрилингвистическое значение было сохранено, однако референциальное было утрачено, но лишь частично. Дословный перевод лексической единицы звучит как «Столица *погибла* <...> Но это не значит, что наши игры *погибли*...». Здесь сохранить внутрилингвистическое значение при переводе необходимо, так как исходная фраза является не авторской речью, а репликой персонажа, и ее внутрилингвистическое значение является не просто стилистическим приемом для добавления тексту выразительности, а показателем характера и внутреннего мира персонажа. Поэтому в данном случае внутрилингвистическое значение необходимо сохранить, а

исходную лексическую единицу заменить на контекстуальный синоним *ко-
нец*.

При передаче подобных языковых единиц также часто встречались случаи, когда внутрилингвистическое значение терялось в угоду референциальному. Например:

(3) 一路仍然挤满往江边跑的士兵和市民，一个士兵骂骂咧咧地在扒一个骂骂咧咧的市民的长衫，那市民穿着一身补丁摞补丁的单褂衣裤，赤着脚，冻得浑身冷噤，也不愿意穿上士兵“等价交换”给他的军棉衣。

Дорога все-еще была заполнена людьми – солдатами и горожанами, бегущими к берегу реки. Один из военных хватал за одежду местного жителя, ругаясь на него на чем свет стоит, а тот в свою очередь тоже не стеснялся **выбирать выражения**, отвечая на льющуюся на него брань. Горожанин был одет в латанные-перелатанные легкие куртку и брюки, был бос и дрожал от холода, но ни в какую не хотел надевать зимнее обмундирование, которое солдат предлагал ему "выменять".

В данном случае, буквальный перевод внутрилингвистического значения звучит как «солдат, ругаясь, хватал за халат *ругающегося* горожанина». Здесь игра слов строится именно на повторе одной и той же лексической единицы, которая в первом случае является обстоятельством образа действия, во втором – определением к дополнению. Подобный прием характерен для китайского языка, однако в русском языке применяться не может, так как будет являться тавтологией, т.е. стилистической ошибкой. По этой причине сохранение внутрилингвистического значения в данном случае невозможно, и исходные лексические единицы необходимо заменить на синонимичные. Хотя в таком случае внутрилингвистическое будет полностью потеряно, референциальное будет сохранено.

2.4.3 Способы передачи внутрилингвистических значений, построенных на отношениях семантического сходства

Наименее часто при передаче на русский язык трудности вызывали отношения семантического сходства. В ходе исследования было выявлено 3 сегмента, содержащих внутрилингвистические значения данного типа. Они передавались с помощью калькирования, при этом и внутрилингвистическое, и референциальное значения сохранялись в полной мере. Например:

(1) 大学时代，他是中文系的主角，她是外文系的龙套，韩淼占足上风却还拿出是“鸡不和狗斗”的风度，反而心爱她的弱小，渴望她的傍依。

Во время учебы в университете он был «главным героем» с факультета китайского языка, а она – «второстепенным» с факультета иностранных языков. Хань Мяо одерживала верх, но все равно вела себя как «курица, которая не желает драться с собакой». Ему, напротив, нравилась ее слабость, он жаждал ее близости.

В данном примере внутрилингвистическое значение исходной языковой единицы было передано буквально, так как его передача средствами русского языка не вызывала затруднений, смысл данной игры слов вполне понятен русскоязычному читателю, а также подтверждается широким контекстом. Т.е. здесь автор подразумевает, что герой в свое время являлся довольно популярным студентом факультета китайского языка, в то время как героиня с факультета иностранных языков популярностью не отличалась. И в русском, и в китайском языке такую ситуацию можно обозначить словами *главный герой /主角* и *статист /龙套*.

2.4.4 Способы передачи внутрилингвистических значений, построенных на многозначности слов

В ходе исследования нами был выделен особый вид внутрилингвистических значений, который часто встречался в исходном тексте – внутрилингвистические значения, построенные на основе многозначности слов. В китайском языке большинство слов многозначны, в некоторых случаях значение слов никак не связаны друг с другом. При передаче лексических единиц данного вида внутрилингвистическое значение полностью терялось, оставалось только референциальное. Например:

(1) 花一点不鲜, 玛雅从她上班的超级市场隔三差五地带回这类“老花”。

Эти цветы не были свежими. Майя часто приносила **старые цветы** из супермаркета, в котором работала.

В данном случае обыгрывается лексическая единица **老花**, которую можно перевести двояко, а ее перевод зависит от контекста. При этом автор делает акцент на взаимосвязи этих двух значений в данном узком контексте. Во-первых, эту языковую единицу можно перевести буквально, т.е. передать отдельные ее морфемы **老 / старый** и **花 / цветок**, т.е. дословно словосочетание будет переводиться как *старые цветы*. Во-вторых, данную лексическую единицу можно перевести, воспринимая ее как одно слово **老花 / пресбиопия, старческая дальтонокость**. Здесь автор взял это слово в кавычки, следовательно, он хочет показать взаимосвязь этих двух значений в конкретном контексте, т.е. он говорит о том, что цветы не отличаются свежестью и плохо выглядят, а значит вредны для глаз. Однако средствами русского языка данное внутрилингвистическое значение передать невозможно, поэтому оно теряется, и остается только основное референциальное значение – *старые цветы*.

Таким образом, в большинстве случаев при передаче внутрилингвистических значений, построенных на основе сходства морфемной структуры, сохранялось лишь внутрилингвистическое значение, в то время как референциальное было искажено. Это обуславливалось тем, что большинство фраз подобного типа являлись репликами персонажей, а следовательно, показателем их характеров и внутреннего мира. Буквальные переводы использовались для передачи данных лексических единиц в тех случаях, когда средства русского языка позволяли в полном объеме передать и внутрилингвистические и референциальные значения. При переводе лексических единиц данного типа наименее часто встречались ситуации, когда внутрилингвистическое значение утрачивалось в угоду референциальному. Это происходило в тех случаях, когда средствами русского языка внутрилингвистическое значение передать было бы затруднительно, но при этом его передача не являлась обусловленной контекстом необходимостью.

Для передачи внутрилингвистических значений, построенных на основе отношений сочетаемости лексических единиц в структуре предложения, наиболее часто использовался буквальный перевод, однако нередко исходные языковые единицы заменялись на синонимичные, что, однако, не искажало референциальное значение фразы. Лексические единицы данного типа в большинстве своем являлись репликами отдельных персонажей, чем и была обусловлена необходимость в сохранении внутрилингвистического значения. В остальных случаях при переводе подобных языковых единиц внутрилингвистическое значение было утрачено, в то время как референциальное – сохранено, так как большинство лексических единиц данного вида являлись авторской речью, и передача внутрилингвистического значения не требовалась. В то же время буквальный перевод подобной игры слов являлся бы тавтологией, т.е. стилистической ошибкой, так как подобные средства выразительности не характерны для русского языка.

При переводе внутрилингвистических значений, построенных на основе семантического сходства языковых единиц, использовался исключительно

буквальный перевод, и внутрилингвистические, и референциальные значения лексических единиц данного вида были переданы без искажений. Это обуславливалось возможностью их полной передачи средствами русского языка и ясностью их значений для русскоязычного читателя.

При передаче внутрилингвистических значений, построенных на основе многозначности языковых единиц, внутрилингвистические значения полностью утрачивались, и сохранялись только референциальные, так как передать подобные внутрилингвистические значения средствами русского языка не представляется возможным.

2.5 Выводы по главе 2

С опорой на основные положения теории художественного перевода, предполагающие эквивалентность, стилистическое воспроизведение, а также необходимость трансформации культурного фона в системе OmegaT был осуществлен перевод с китайского языка на русский произведений китайской писательницы Янь Гэлин / 严歌苓 – повесть «Тринадцать женщин Нанкина» / «金陵十三钗» и рассказы «Квадратный Юэбин» / «方月饼», «Женитьба американского дипломата» / «美国外交官的婚姻», «Слепая девушка, что продавала красные яблоки» / «卖红苹果的盲女子», «Аманда» / «阿曼达». Объем переведенного нами в OmegaT материала составил 123 623 иероглифа, в число которых входят 4 445 сегментов (8 890 пар предложений китайский → русский). Составленный автором глоссарий насчитывает 417 наименований, в число которых входят фразеологизмы, коллокации, имена собственные и другие лексические единицы, часто повторяющиеся в тексте оригинала. В процессе создания памяти перевода были приняты следующие переводческие решения:

1. Для передачи референциальных значений отдельных частей речи наиболее часто использовался трансформационный перевод (57,14% от всех случаев передачи референциальных значений отдельных частей речи), что обуславливается противоречием буквального перевода правилам семантиче-

ского согласования русского языка либо несоответствием буквального перевода или синонима узкому контексту. При этом из-за разницы в грамматической структуре китайского и русского языков в некоторых случаях одна и та же языковая единица ИЯ передавалась несколькими различными лексическими единицами ПЯ. По этой же причине различные виды лексико-семантических трансформаций использовались параллельно с переводческими приемами, подразумевающими трансформации грамматические, а также изменения прагматических значений лексических единиц в тех случаях, когда это возможно и необходимо.

2. Приближенный перевод для передачи референциальных значений использовался, когда буквальный перевод языковой единицы противоречил нормам русского языка, но при этом имелась возможность заменить ее на близкий по значению синоним (37,95% от всех случаев передачи референциальных значений отдельных частей речи). В некоторых случаях данный прием пересекался с переводческими техниками, подразумевающими изменения прагматических значений, что позволило построить предложения на русском языке так, чтобы не нарушились грамматические нормы, но в то же время сохранилось референциальное значение фразы.

3. Описательный перевод для передачи референциальных значений использовался, когда буквальный перевод не мог отобразить всю глубину авторского замысла (4,91% от всех случаев передачи референциальных значений отдельных частей речи). В таких случаях применялись также такие приемы как дополнение и распространение, чтобы добавить необходимую информацию, однако смысл фразы в целом данная информация не искала.

4. Для передачи лексических единиц уровня словосочетаний использовались грамматические трансформации, применение которых зачастую пересекалось с приемами, подразумевающими изменение референциальных и прагматических значений единиц ИЯ, что обуславливалось особенностями грамматического строя китайского языка. Чаще всего для передачи словосочетаний использовалась функциональная замена (36,36% от всех случаев пе-

редачи словосочетаний), которая, в свою очередь, пересекалась с другими грамматическими трансформациями.

5. Метод семантического стяжения применялся в тех случаях, когда буквальный перевод словосочетания читателю было бы трудно воспринять, так как чрезмерная детализация, которой он характеризуется, делает его слишком громоздким и из-за этого труднопонимаемым (13,64% от всех случаев передачи словосочетаний). То же можно сказать и о применении метонимического перевода (21,36% от всех случаев передачи словосочетаний) и лексического свертывания (3,64% от всех случаев передачи словосочетаний), однако их использование обусловлено также невозможностью выявления подходящей лексической единицы русского языка для осуществления буквального перевода либо его несоответствия контексту.

6. Трансформации согласно правилу семантического согласования применялись в тех случаях, когда семантический признак в китайском и русском языках был один и тот же, однако для его передачи необходимо было использовать разные слова (20,45% от всех случаев передачи словосочетаний).

7. Описательный перевод словосочетаний использовался тех случаях, когда применение буквального перевода было невозможно в силу отсутствия в русском языке некоторых понятий либо состояний (3,64% от всех случаев передачи словосочетаний).

8. Особым видом переводческой трансформации также является замена исходной лексической единицы на синонимичный фразеологизм (0,91% от всех случаев передачи словосочетаний), что обуславливается, в основном, трудностью восприятия русскоязычным читателем буквального перевода и главное возможностью использования такой замены без применения методов, подразумевающих грамматические трансформации лексики. Плюсом такого перевода является также возможность придания русскоязычному тексту некоторой выразительности без изменения референциальных значений исходных фраз.

9. Для передачи лексических единиц уровня предложения чаще всего использовалась функциональная замена (64,68% от всех случаев передачи синтаксических особенностей текста), что обуславливалось несовпадением структурно-семантических свойств языковой единицы в исходном и переведяшем языках. Применение функциональной замены часто влекло за собой использование других переводческих приемов, подразумевающих грамматические трансформации в тех случаях, когда замена только одного члена предложения по каким-либо причинам не представлялась возможной. Использование данного приема также иногда приводило к действованию переводческих техник, подразумевающих изменение референциальных значений лексических единиц в тех случаях, когда это обусловлено разницей в грамматическом строе китайского и русского языков, в частности правилами семантического согласования.

10. Такие приемы как добавление (14,13% от всех случаев передачи синтаксических особенностей текста) и распространение (1,12% от всех случаев передачи синтаксических особенностей текста) использовались в случае наличия в предложении определенного подтекста, который значительно влиял на общий смысл текста в целом; когда уровень сложности предложения в китайском языке ниже, чем требовалось для данного контекста в русском языке; при необходимости передачи определенного члена предложения, который в русском языке не имеет эквивалента.

11. Антонимичный перевод (10,41% от всех случаев передачи синтаксических особенностей текста) применялся в случаях несовпадения логических характеристик исходной языковой единицы и ее общего смысла в языке перевода.

12. Опущение (5,2% от всех случаев передачи синтаксических особенностей текста) и стяжение (1,49% от всех случаев передачи синтаксических особенностей текста) использовались при наличии в исходном тексте излишней информации, которая не была важна для понимания читателем текста и, в то же время, препятствовала его восприятию русскоязычным читателем,

или же в том случае, когда уровень сложности исходного предложения был выше, чем позволяли возможности русского языка для данного контекста, из-за грамматических либо синтаксических различий двух языков.

13. Выбор методов передачи прагматических значений напрямую зависел от контекста. В случаях, когда прагматически окрашенная лексика являлась прямой речью персонажа, прагматика сохранялась, когда – авторской речью, прагматика часто исключалась для сохранения референции. В тех ситуациях, когда применение приближенного перевода не представлялось возможным, использовались лексико-семантические трансформации, так как для русскоязычного читателя важно не буквальное значение обсценной лексики, а прагматическое значение, которое она в себе несет.

14. Звукоподражания в китайском языке часто используются в субстантивных либо «обстоятельственных» словосочетаниях. В таких случаях для их передачи использовались лексико-семантические трансформации совместно с приёмами, подразумевающими грамматические трансформации лексических единиц (66,67% от всех случаев передачи звукоподражаний). Если же в русском языке отсутствовал не только полный, но и частичный эквивалент, т.е. использование лексико-семантических трансформаций было невозможно, для их передачи использовался описательный перевод (33,33% от всех случаев передачи звукоподражаний).

15. Для передачи говорящих имен с китайского языка на русский в ста процентах случаев использовалась транслитерация совместно с переводческим комментарием, что обусловлено, в первую очередь, культурными различиями в сознаниях носителей китайского и русского языков.

16. Чаще всего при передаче случайных лакун использовались такие приемы как приближенный перевод (51,85% от всех случаев передачи случайных лакун) и калькирование (37,04% от всех случаев передачи случайных лакун), которые также часто применялись совместно с приемом компенсации, так как зачастую при передаче безэквивалентных единиц переводчику необходимо заполнить не только семантическую, но и стилистическую пустоту.

17. Для передачи реалий чаще всего использовался прием транслитерации (40,74% от всех случаев передачи реалий), применение которого обуславливалось в основном различиями в грамматическом строе китайского и русского языков, а также невозможностью использования других методов перевода, по причине культурных различий в сознаниях их носителей. Также в случаях сходства китайских реалий с реалиями русской действительности, допускалось использование описательного (18,52% от всех случаев передачи реалий) и трансформационного перевода (18,52% от всех случаев передачи реалий). В ситуациях, когда китайские реалии по своему значению были максимально близки к русским, использовались приближенный перевод (11,11% от всех случаев передачи реалий) либо замена реалий на фразеологизмы (3,7% от всех случаев передачи реалий). Если же было невозможно подобрать даже частичного эквивалента, применялся такой прием как калькирование (7,41% от всех случаев передачи реалий).

18. В тех случаях, когда исходную метафору либо фразеологизм возможно заменить на русскоязычный синоним, для их передачи использовалось перефразирование (37,07% от всех случаев передачи метафор и фразеологизмов). Если же подобная трансформация была невозможна, применялись такие приемы как калькирование (7,76% от всех случаев передачи метафор и фразеологизмов) либо замещение (55,17% от всех случаев передачи метафор и фразеологизмов).

19. Замена нейтральной лексики на фразеологизм осуществлялась в тех случаях, когда буквальный перевод лексической единицы либо целой фразы был труден для восприятия русскоязычным читателем из-за культурных различий в сознаниях носителей языков, либо их грамматических различий.

20. Внутрилингвистические значения, построенные на сходстве морфемной структуры, наиболее характерны для китайского языка. В большинстве случаев их передача на русский язык возможна, однако исходный образ, используемый автором, и точное значение искажаются (57,14 % от всех случаев передачи данного вида внутрилингвистических значений). Буквальный

перевод данных лексических единиц был возможен лишь в 28,57 % случаев, передача референции при потере игры слов насчитывает 14,29%.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Критический анализ литературных источников позволил выявить ряд особенностей китайской современной литературы и литературного китайского языка, а также выстроить терминологический аппарат и методологическую базу для исследования способов перевода китайской художественной литературы на русский язык. Современная китайская литература начала набирать популярность еще во времена СССР. Процесс ее перевода и издания периодически характеризовался спадами вследствие некоторых политических событий, однако в наше время наблюдается бум китайской литературы в России, особенно среди молодёжи. В то же время дружеские взаимоотношения между Россией и Китаем продолжают развиваться и укрепляться. Качественный перевод современной популярной китайской литературы позволяет глубже проникнуть в культуру Китая, лучше понять специфику этого дружественного нам народа, что, несомненно, способствует большей гармонизации взаимоотношений двух стран. Учитывая кардинальную разницу китайской и русской лингвокультур, поиск оптимальных способов перевода с китайского языка на русский художественных текстов, представляющих собой культурное наследие современного этапа развития страны, представляется абсолютно необходимым.

Китайский язык отличается образностью и иносказательностью, размытыми границами между лексическими структурами в предложении и отсутствием строгой морфологии, что влечет за собой трудности при передаче референциальных значений нарицательных частей речи (существительных, глаголов, прилагательных и т.д.), а также состоящих из них структур (словосочетаний и целых предложений). В зачастую одна и та же языковая единица китайского языка в разном лексическом и грамматическом контексте может переводиться абсолютно разными единицами русского языка или же привести к затруднениям, связанным сразу с несколькими видами семантических

значений, например, референциальным и прагматическим, прагматическим и внутрилингвистическим и т. д.

В ходе эксперимента была сформирована и наполнена модель памяти перевода «китайский → русский» в системе автоматизированного перевода OmegaT. Она была создана на основе перевода с китайского языка на русский произведений одной из самых известных и часто экранизируемых современных китайских писателей Янь Гэлин / 严歌苓, а именно одной повести и четырех рассказов. Поскольку на русском языке был издан только один, в нашем исследовании была продолжена работа по переводу её произведений и анализу переводческих трудностей и приемов перевода.

Объем переведенного в OmegaT материала составил 8 890 пар предложений китайский → русский, китайская часть составила 123 623 иероглифа. Составленный глоссарий насчитывает 417 наименований, в число которых входят фразеологизмы, коллокации, имена собственные и другие лексические единицы. Самая большая часть глоссария представлена фразеологизмами – всего 168 единиц. Одним из факторов, обуславливающих выбор лексических единиц для глоссария является их высокая частота встречаемости в тексте оригинала наряду с частотностью их появления в различных подкорпусах текстов. Постепенное заполнение памяти перевода имело большое значение для проведения дальнейшего эксперимента, так как наличие глоссария, четких и нечетких совпадений способствовало более быстрому переводу предложений оригинальных текстов. Нечеткие совпадения касались в основном схожих частей предложений, поэтому их было больше, чем четких совпадений. Количество четких совпадений (полных совпадений сегментов, за которые были приняты целых предложений) довольно мало, что объясняется свойствами речевого потока. Однаковые предложения в нашей речи встречаются достаточно редко, следовательно и четкие совпадения при наполнении памяти переводов оказались редкостью. Созданная память переводов может оказаться достаточной для автоматизации переводов других произведений писательницы (всего 24 романа, 8 повестей, 40 рассказов), поскольку

переведенные произведения отражают типичную для писательницы тематику и ее идиостиль.

В процессе создания памяти переводов было выявлено, что для передачи референциальных значений при переводе художественного текста с китайского языка на русский наиболее приемлемым приемом является трансформация (57,14%), которая подразумевает под собой не только изменение лексического значения языковой единицы, но и, в некоторых случаях, ее грамматическую трансформацию, а иногда и изменение прагматики. При этом из-за разницы в грамматическом строе китайского и русского языков в некоторых случаях необходимо передавать одну и ту же единицу китайского языка абсолютно разными единицами русского языка. Приближенный перевод (37,95%) для передачи референциальных значений наиболее приемлем в тех случаях, когда буквальный перевод языковой единицы противоречит нормам русского языка, но при этом есть возможность заменить ее на близкий синоним. Данный прием также может пересекаться с методами, подразумевающими изменения прагматических значений, что позволяет построить предложение на русском языке таким образом, чтобы не нарушались грамматические нормы, но в то же время сохранялось референциальное значение фразы в целом. Описательный перевод (4,91%) для передачи референциальных значений использовался в тех случаях, когда буквальный перевод не мог отобразить всю полноту авторской мысли.

Для передачи лексических единиц уровня словосочетаний наиболее целесообразно использование грамматических трансформаций, применение которых зачастую пересекается с приемами, подразумевающими изменения референциальных и прагматических значений языковых единиц, такие как функциональная замена, семантическое стяжение и т.д. Из всех приемов передачи словосочетаний функциональная замена использовалась чаще всего, процент ее применения составил 36,36%, второе место занял метонимичный перевод, доля которого составила – 21,36%, третье – перевод по правилам семантического согласования с долей 20,45%.

Особым видом переводческой трансформации также является замена исходного словосочетания на синонимичный фразеологизм (0,91%), что обуславливается в основном трудностью восприятия русскоязычным читателем буквального перевода и главное возможностью использования такой замены без применения методов, подразумевающих грамматические трансформации лексики. Плюсом такого перевода является также возможность придания русскоязычному тексту некоторой выразительности без изменения референциальных значений исходных фраз.

При передаче лексических единиц уровня предложения наиболее целесообразным является применение функциональной замены, доля использования которой от всех приемов передачи синтаксических особенностей исходного текста составила 64,68%. Данная ситуация обуславливается несовпадением структурно-семантических свойств языковой единицы в исходном и переводящем языках. Также использование функциональной замены часто влекло за собой применение других переводческих приемов, подразумевающих грамматические трансформации в тех случаях, когда замена только одного члена предложения по каким-либо причинам не представлялась возможной. Использование данного приема также иногда приводило к задействованию переводческих техник, подразумевающих изменение референциальных значений лексических единиц в тех случаях, когда это обусловлено разницей в грамматическом строе китайского и русского языков, в частности правилами семантического согласования.

Для передачи лексических единиц уровня предложения также возможно применение таких приемов как добавление, доля которого составляет 14,13%, и распространение, доля которого 1,12%. Данные приемы используются в случае наличия в предложении определенного подтекста, который значительно влияет на общий смысл текста в целом, когда уровень сложности предложения в китайском языке ниже, чем требуется для данного контекста в русском языке, либо при необходимости передачи определенного члена предложения, который в русском языке не имеет эквивалента. В случае

же если в тексте имеется излишняя информация, которая не важна для понимания читателем текста и в то же время препятствует его восприятию русскоязычным читателем, или же в том случае, когда уровень сложности исходного предложения выше, чем позволяют возможности русского языка для данного контекста, из-за грамматических либо синтаксических различий двух языков приемлемо использование таких методов как опущение (5,2%) и стяжение (1,49%).

Для передачи на русский язык pragmatically маркированной лексики приемлемы различные переводческие приемы. Например, для передачи звукоподражаний чаще всего применялись различного рода трансформации (лексические и грамматические), их доля составила 66,67% от всех приемов, которые использовались для их перевода. Это обуславливается тем, что зачастую звукоподражания в китайском языке используются как часть «обстоятельственных» словосочетаний. Для передачи говорящих имен в ста процентах случаев использовалась транслитерация совместно с переводческим комментарием. При передаче реалий данный прием также применялся наиболее часто – его доля составила 40,74% от всех приемов, к которым мы прибегали при переводе реалий. Наиболее подходящими способами передачи случайных лакун являются такие приемы как приближенный перевод и калькирование, доли которых от всех приемов, использовавшихся при передаче лакун, составляют 51,85% и 37,04% соответственно. При переводе метафор и фразеологизмов чаще всего использовалось перефразирование, доля которого от общего количества использованных при их передаче приемов составляет 37,07%.

Что касается внутрилингвистических значений, наиболее характерными для китайского языка внутрилингвистическими значениями являются те, которые построены на сходстве морфемной структуры. В большинстве случаев их передача на русский язык возможна, однако их референциальное значение при этом искажается. Доля таких случаев составляет 57,14% от всех способов перевода данного вида внутрилингвистических значений. При пе-

передаче внутрилингвистических значений, построенных на основе сочетаемости лексических единиц в структуре предложения наиболее целесообразно использование приближенного перевода. Доля таких случаев составляет 57,14% от всех способов перевода данного вида лексических единиц. Передача внутрилингвистических значений, построенных на основе семантического сходства языковых единиц в ста процентах случаев осуществлялась без искажения семантических значений. Что касается передачи внутрилингвистических значений, построенных на основе многозначности языковых единиц, то внутрилингвистические значения в подобных случаях всегда полностью утрачиваются, и сохраняются только референциальные, так как передать подобные внутрилингвистические значения средствами русского языка не представляется возможным.

Частью нашего эксперимента являлось изучение частотности появления коллокаций, лакун, реалий, фразеологизмов, а также pragmatically маркированной лексики в корпусе текстов, что было обусловлено необходимостью выявления их практической значимости для дальнейшего внедрения в методику преподавания как практического китайского языка, так и теории и практики перевода. В ходе исследования было выявлено, что коллокации чаще всего встречаются в подкорпусе публицистических текстов, так как коллокации в принципе характерны для данного жанра и являются его неотъемлемой частью. В данном подкорпусе самой частотной является коллокация 顺利进行 / успешно продвигаться (*в выполнении работы, осуществлении задачи*). Это обуславливается возможностью ее использования в публицистических текстах различной направленности: экономических, политических, социальных и т.д. Использование коллокаций в публицистических текстах обеспечивает связность текста, выражение эмотивно-экспрессивного значения, а также передачу лингвокультурологической информации.

То же самое можно сказать и о фразеологизмах, чаще всего они встречались именно в подкорпусе публицистических текстов. Самой частотной

номинацией в данном подкорпусе является фразеологизм 针锋相对 / *находиться в резком противоречии*, при этом в других подкорпусах она встречается довольно редко. Китайский язык сам по себе отличается образностью и иносказательностью, и фразеологизмы часто используются в прессе, так как выполняют функцию средства выразительности, которое придаёт тексту дополнительную яркость и экспрессию, а также помогают кратко выразить сущность сложных явлений.

Прагматически маркированная лексика и лакуны напротив чаще всего встречались в подкорпусе разговорной речи, что является вполне ожидаемым результатом, так как данные виды лексики чаще всего используются людьми в повседневной жизни для описания окружающей действительности. В разговорной речи чаще всего встречаются обиходно разговорная лексика (丫头 / разг. девчонка) и звукоподражания (哈哈 / звукоподражание смеху). Самой частотной лакуной в подкорпусе разговорной речи является лексическая единица 老板 / хозяин, владелец (лавки, магазина), босс, она же чаще всего встречается в прессе и художественных текстах. Данная лакуна используется как обозначение или обращение к владельцу лавки, магазина, хозяину бизнеса и часто используется в повседневной жизни.

Реалии же чаще всего встречаются в подкорпусе древнекитайских текстов, что также не удивительно, так как лексика данного типа зародилась в древности и сохранилась до наших дней. В подкорпусе разговорной речи самой частотной номинацией является 月饼 / лунный пряник, символизирующий романтическую культурную традицию, зародившуюся в древности, традицию, которую неукоснительно соблюдают в Праздник середины осени. Промышленное производство лунных пряников в этот праздник (15 числа 8 месяца по китайскому лунному календарю) сейчас в Китае носит широкомасштабный характер, а коробка таких пряников в Праздник середины осени – традиционный подарок родным и друзьям. Т.е. самая высокая частотность данной номинации именно в разговорной речи очевидна.

Учитывая данные о частотности в разных подкорпусах переведенных на русский язык китайских языковых единиц, можно сказать, что созданная автоматическая память переводов может стать отправной точкой для более глобальных переводческих проектов в системе OmegaT. Таким образом, для переводческой деятельности данное исследование имеет две основные перспективы: 1) дальнейшее расширение памяти переводов в программе OmegaT на основе перевода других произведений Янь Гэлин, других произведений художественной литературы либо научно-публицистических текстов; 2) изучение возможностей применения представленных в данном исследовании способов перевода при работе с другими жанрами (публицистические тексты, разговорная речь). Представленные переводы могут быть предложены для опубликования, что также открывает перспективу оценки качества перевода другими переводчиками и читателями.

Лексические единицы, чаще всего встречающиеся в публицистике (коллокации и фразеологизмы) и разговорной речи (прагматически маркированная лексика и лакуны) имеют высокий методический потенциал, который обуславливает необходимость их внедрения в методику преподавания теории и практики перевода с китайского языка на русский и практический курс обучения китайскому языку, а также спецкурс по лингвокультурологии Китая.

Список литературы

1. Абдрахманова А. Р., Гурулева Т. Л. Системы классификации языков мира и классификационные характеристики китайского языка // Современное педагогическое образование. 2020. № 10. С. 132–138.
2. Абдрахманова О. Р. Роль переводческой ошибки в обучении переводу // Вестник ЧелГУ. 2014. № 6. (335). С. 6–9.
3. Акимова Н. Г., Вяткина С. В., Казаков В. П. Синтаксис современного русского языка: учебник для высших учебных заведений Российской Федерации / Акимова Н. Г., Вяткина С. В., Казаков В. П., Руднев Д. В.; под ред. С. В. Вяткиной; СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2013. 432 с.
4. Алексеева Е. А., Велла Т. М. Достижение эквивалентности при переводе художественного текста (на основе опыта французской переводоведческой школы) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 4. Т. 1. С. 19–22.
5. Алексеева Л. М. Трансляции символического значения как переводческая компетенция в художественном переводе // Вестник ПГНИУ. Российская и зарубежная филология. 2010. № 5(11). С. 69–75.
6. Алиева В. Н. Звукоподражания современного русского языка как развивающийся разряд слов // Учёные записки ТНУ. Сер. Филология. Социальные коммуникации. 2014. Т. 27 (66). № 1. Ч. 2. С. 26–33.
7. Алимова М. В. Особенности и основные критерии перевода художественного текста // Вестник РУДН. Сер. Русский и иностранные языки, и методика их преподавания. 2012. № 2. С. 47–52.
8. Антипов Г. А., Донских О. А., Марковина И. Ю., Сорокин Ю. А. Текст как явление культуры. Новосибирск: Наука, 1989. 197 с.
9. Антонова С. В. Китайские прилагательные как часть речи // Вопросы устойчивого развития общества. 2020. № 9. С. 243–246.
10. Антонян К. В. Глагольные категории прилагательного в китайском языке // Вопросы языкознания. 2011. № 5. С. 76–89

11. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1998. 366 с.
12. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. Изд. 2-е, стереотипное. М.: Едиториал, 2004. 576 с.
13. Ахмедова С. Н. к. Особенности перевода художественных текстов // Филология и литературоведение. 2014. № 8 (35). С. 10–13.
14. Бай С. Причины ошибок при восприятии иноязычной речи: на примере русского и китайского языков // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2019. 5 (4). С. 26–32. doi: 10.22250/24107190_2019_5_4_26_32
15. Балалыкина Э. А. Числительные как особая часть речи в современном русском языке // Учёные записки КГУ. Сер. Гуманитарные науки. 2009. Т. 151. № 3. С. 205–214.
16. Баранов А. Н., Добровольский Д. О. Аспекты теории фразеологии. М.: Знак, 2008. 656 с.
17. Баринова И. А., Овчинникова И. Г. Переводческие ошибки коммуникативные VS когнитивные // Научный вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. Сер. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2015. № 2. С. 93–101.
18. Бархударов Л. С. Язык и перевод (вопросы общей и частной теории перевода). М.: Международные отношения, 1975. 240 с.
19. Бекасов М. Д. Основания и аспекты лакунарности в переводоведении // Вопросы филологических наук. 2011. № 5. С. 45–51.
20. Берёза Е. В. Основные функции 3 de (的, 得, 地) в современном китайском языке // Известия Восточного института. 2022. № 4. С. 120–130.
21. Божко Е. М. Место реалий в системе художественного текста // Альманах современной науки и образования. 2009. № 2 (21). С. 27–29.
22. Болдырева Л. В. Типология переводческих ошибок при переводе англоязычной проблемной статьи на русский язык // Вестник СамГУ. 2014. № 5. С. 124–129.

23. Боранкулова Б. Е., Прошина З. Г. Новая лексика, относящаяся к коронавирусу: её потенциал в казахском языке и проблема перевода // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2021. 7 (3). С. 18–25. doi: 10.22250/24107190_2021_7_3_18_25
24. Борисова Е. Г. Что такое коллокации и как их изучать. М.: Филология, 1995. 49 с.
25. Бреус Е. В. Основы теории и практики перевода с русского языка на английский: учеб. пособие. М.: Изд-во УРАО, 2000. 208 с.
26. Бруслинец Н. Л. Переводческие ошибки в общественно-политическом тексте // Научные записки международного гуманитарного университета: сб. мат. Черноморских научных чтений Одесса 13 мая 2016 года. Одесса: Феникс, 2016. С. 232–235.
27. Брыкина С. В, Широкова Д. А. Эквивалентность перевода: лексематический аспект // Известия ПГПУ им. В. Г. Белинского. 2012. № 27. С. 230–235.
28. Будник Е. А., Лукьяненко М. В. Передача игры слов как переводческая проблема // Язык и культура (Новосибирск). 2015. № 17. С. 96–101.
29. Букатая А. М. Национальная идентичность в современной китайской прозе // Веснік БДУ. Сер. 4. Філологія. Журналістика. Педагогіка. 2016. № 1. С. 4–7.
30. Бурыкин А. А. Ещё о непереводимом в переводе, или если нельзя, но очень хочется – то можно! Опыт работы над английским переводом песни А. Городницкого «Перекаты» (к 55-летию написания русского текста) // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2015. 4 (1). С. 105–111.
31. Валгина Н. С. Современный русский язык: Синтаксис: учебник. М.: Высш. Шк., 2003. 416 с.
32. Ван Ц. Особенности имени существительного в грамматике русского и китайского языков // Карповские научные чтения: сб. науч. ст. Минск, 23-24 октября 2014 года. Вып. 8: в 2 ч. Ч. 1. Минск: Белорусский Дом печати, 2014. С. 229–232.

33. Велединская С. Б. Курс общей теории перевода: учеб. пособие. Томск: Изд-во Томского политехнического университета, 2010. 230 с.
34. Виноградов В. В. Избранные труды. Лексикология и лексикография. М.: Наука, 1977. 312 с.
35. Виноградов В.С. Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы). М.: Изд-во ИОСО РАО, 2001. 224 с.
36. Виноградова В. Н. О стилизации разговорной речи в современной художественной прозе // Очерки по стилистике художественной речи. М.: Наука, 1979. С. 66–76.
37. Влавацкая М. В. Типология коллокаций в комбинаторной лингвистике // Мир науки, культуры, образования. 2019. № 4 (77). С. 438–443.
38. Влахов С. И., Флорин С. П. Непереводимое в переводе. М.: Международные отношения, 1980. 340 с.
39. Гаврилова Е. В. Как не уйти от трудностей перевода, или «Опущение – первый приём переводчика» (на материале французской научно-технической документации) // Вестник ЧелГУ. 2014. № 6 (335). С. 14–18.
40. Гарбовский Н. К. Теория перевода: учеб. пособие. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2007. 544 с.
41. Гарбовский Н. К. Перевод как художественное творчество // Вестник Московского университета. 2010. № 3. С. 4–16.
42. Глазачева Н. Л. Лакуны и теория межкультурной коммуникации // Лакуны в языке и речи: сб. науч. тр. / отв. ред. Ю. А. Сорокин. 2005. Т. 2. С. 31-34.
43. Глотова Т. А., Бекоева, М. Т., Цакалиди, Т. Г. Теория общей фразеологии: учебное пособие. Владикавказ: ИПЦ СОГУ, 2019. 138 с.
44. Голубкова О. Н., Чиркова Д. А. Особенности передачи языковых репрезентантов концепта «Englishness» в свете когнитивного переводоведения (на материале переводов рассказов А. Конан Дойля на русский язык) // Многоязычие в образовательном пространстве. 2017. № 9. С. 134–140.

45. Горелов В. И. Теоретическая грамматика китайского языка: учеб. пособие для студентов пед. ин-тов по спец. «Иностр. Яз.». М.: Просвещение, 1989. 318 с.
46. Григорьян Е.Л. Художественный перевод и комментарий к нему как единое произведение // Логический анализ языка. Перевод художественных текстов в разные эпохи: сб. науч. статей / отв. ред. Н. Д. Арутюнова. М.: Индрик, 2012. С. 344–356.
47. Гу Ц., Хуан Чж. Система классификации переводческих ошибок // Вестник Московского университета. 2016. № 3. С. 26–40.
48. Дементьева В. В. Проблема переводимости и непереводимости // Символ науки: международный научный журнал. 2020. № 12-1. С. 138–141.
49. Демонова Ю. М., Лавриненко В. А., Кемечеджиева В. П. Реалии как лингвистическое явление // Вестник Таганрогского института имени А. П. Чехова. 2021. № 1. С. 144–153.
50. Денина О. О. Использование переводческих трансформаций для достижения адекватности перевода // Вестник ОГУ. 2015. № 11 (186). С. 186–191.
51. Джураева М. К. Сущность и особенности перевода имён собственных // Экономика и социум. 2019. № 11 (66). С. 243–245.
52. Дзараева Н. А., Малкова А. А. Сравнительно-сопоставительный анализ перевода говорящих имён собственных // Проблемы романо-германской филологии, педагогики и методики преподавания иностранных языков. 2018. № 14. С. 36–40.
53. Драгунов А. А. Исследования по грамматике современного китайского языка. Т.1. Части речи. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1952. 232 с.
54. Дубровская Е. В., Ольшевская Н. В. Прагматические аспекты перевода // Вопросы филологии и переводоведения: сб. науч. ст. и тезисов XII Международной научно-практической конференции «Вопросы языковой динамики, филологии и лингводидактики в когнитивном аспекте» Чебоксары,

23–24 октября 2015 года. Чебоксары: изд-во ЧГПУ им. И. Я. Яковлева, 2015. С. 303–307.

55. Евтеев С. В., Латышев Л. К. К проблеме переводимости: культурная непереводимость // Филология и культура. 2018. № 1 (51). С. 70–76.

56. Жеребило Т. В. Словарь лингвистических терминов. Назрань: ООО «Пилигрим», 2010. 486 с.

57. Жуковец В. В. Особенности периодизации современной и новейшей китайской литературы // Матэрыялы VII Рэспубліканскай навукова-практычнай канферэнцыі маладых вучоных «Мова і літаратура ў ХХІ стагоддзі: актуальныя аспекты даследавання» Минск, 03 марта 2023 г. / под ред. В. У. Зуевой. Минск: Изд-во Белорусского гос. ун-та, 2023. С. 507–513.

58. Задоенко Т. П., Хуан Ш. Начальный курс китайского языка. Часть I. 3-е изд., испр. М.: Восточная книга, 2010. 304 с.

59. Залесова Н. М., Баженова Е. Ю. Современные тенденции перевода «говорящих» имён собственных с русского языка на английский (на примере перевода произведения Д. Емеца «Таня Гроттер и магический контрабас») // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2020. 6 (3). С. 34–41. doi: 10.22250/24107190_2020_6_3_34_41

60. Зиновьева Т. А., Никулина Н. Ю. Переводческая ошибка. Понятие, причины, классификация // Современная филология: сб. мат. II Международной научной конференции Уфа 20–23 января 2013 года. Уфа: Лето, 2013. С. 107–109.

61. Иванов А. И., Поливанов Е. Д. Грамматика современного китайского языка. М.: УРСС, 2003. 302 с.

62. Илюшкина М. Ю. Теория перевода. Основные понятия и проблемы: учеб. пособие. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2015. 84 с.

63. Казакова Т. А. Практические основы перевода. English-Russian. Сер. Изучаем иностранные языки. СПб.: «Издательство Союз», 2000. 320 с.

64. Каксин А. Д. Осознание и отражение в языке очевидности и понятности окружающего мира (на примере разноструктурных языков) // Вестник ЧелГУ. 2014. № 6 (335). С. 143–146.
65. Кирпикова В. В. Особенности передачи метафор и фразеологизмов при переводе художественного текста с китайского языка на русский // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2023. 9 (3). С. 43–52. doi: 10.22250/24107190_2023_9_3_43
66. Кирпикова В. В. Способы передачи случайных лакун при переводе художественного текста с китайского языка на русский // Вестник МГЛУ. Сер. Гуманитарные науки. 2024. 6 (887). С. 38–44.
67. Кирюхина Л. В. Синтаксические исследования китайского грамматиста Ма Цзяньчжуна // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 6-1 (60). С. 117–120.
68. Ковенева О. В. Прагматический подход к проблеме «непереводимости» // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. 2008. № 73-1. С. 239–244.
69. Колшанский В. Г. Коммуникативная функция и структура языка. М.: Наука, 1984. 176 с.
70. Колшанский В. Г. Контекстная семантика. М.: Наука, 1980. 152 с.
71. Комиссаров В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты): учеб. пособие. М.: Высш. шк., 1990. 253 с.
72. Комиссаров В. Н. Современное переводоведение. М.: РУДН, 2002. 407 с.
73. Кондрашевский С. А. синтаксические функции и грамматическое оформление прилагательных китайского языка в концепциях Чжу Дэси и Драгунова // Вестник МГУ. Сер. 13: Востоковедение. 2008. №1. С. 89–98.
74. Коротков Н. Н. Основные особенности морфологического строя китайского языка: грамматическая природа слова. М.: Наука, 1968. 400 с.
75. Коршунова А. В. Понятие «окказиональная коллокация» и его особенности // Язык. Коммуникация. Культура. Альманах научных статей

молодых ученых / отв. ред. В. В. Богуславская. М.: Гос. ИРЯ им. А. С. Пушкина, 2018. С. 46–47.

76. Косинова Л. В. Национально-специфические способы создания комического эффекта в китайском языке // Общество и государство в Китае. 2015. Т. 45. № 2. С. 424–432.

77. Косолапова Т. В. Прагматическая адаптация в переводах детских художественных произведений М. Бонда и Дж. Керр // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2023. 9 (3). С. 65–75. doi: 10.22250/24107190_2023_9_3_65

78. Косолапова Т. В., Бутузов В. А. Способы достижения эквивалентности при переводе произведений детской литературы (на материале авторской сказки Джудит Керр) // Поволжский педагогический вестник. 2021. № 3. Т. 9. С. 40–47.

79. Кравец А. О. Теоретические основы рассмотрения лакун // Научные ведомости. Серия Гуманитарные науки. 2018. Т. 37. № 3. С. 414–421.

80. Кравец Т. В., Блохинская Л. О. Пути и способы преодоления трудностей при переводе специальных английских текстов на неязыковых факультетах // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2015. Т. 1 (2). С. 36–44.

81. Кулакова К. В. Выражения современного языка немецкой молодёжи в переводе // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2019. 5 (2). С. 28–40. doi: 10.22250/2410 7190_2019_5_2_28_40

82. Кульпина В. Г., Татаринов В. А. Лексикографическая категоризация коллокаций в переводе // Вестник МГУ. Сер. 22. Теория перевода. 2012. № 2. С. 92–95.

83. Куниловская, М. А. Классификация переводческих ошибок для создания разметки в учебном параллельном корпусе Russian learner translator corpus // Lingua mobilis. 2013. № 1. С. 141–158.

84. Кунин А. В. Фразеология современного английского языка. М.: Международные отношения, 1972. 381 с.

85. Курдюмов В. А. Курс китайского языка. Теоретическая грамматика. М.: Цитадель-трейд, Лада, 2005. 576 с.
86. Кустова Г. И. Синтаксис современного русского языка: Учеб. пособие для студ. филол. фак. высш. учеб. заведений. М.: Издательский центр «Академия», 2005. 256 с.
87. Кустова Г. И., Мишина, К. И., Федосеев, В. А. Синтаксис современного русского языка: учеб. пособие для студ. филол. фак. высш. учеб. заведений. М.: Издательский центр «Академия», 2005. 256 с.
88. Лавриненко В. А. Реализация значения фразеологических единиц в языке перевода (по книге А. Гавальда «Мне бы хотелось, чтобы меня кто-нибудь где-нибудь ждал») // Вестник Таганрогского государственного педагогического института. 2014 г. № 2. С. 23–27.
89. Латышев Л. К., Северова Н. Ю. Современные проблемы общей теории перевода // Вестник БГУ. 2017. № 1. С. 297–301.
90. Левин Ю. И. Избранные труды: Поэтика. Семиотика. М.: Шк. «Языки рус. Культуры», 1998. 822 с.
91. Лемешко Ю. Г. Современная литература Китая: учеб. пособие. Благовещенск: Изд-во Амурского гос. ун-та, 2012. 324 с.
92. Лепухова Н. И. Прагматические отношения и перевод // Актуальные вопросы современной науки. 2014. № 34. С. 222–231.
93. Ли В., Ван Л., Чжи Л. Приёмы перевода речевого оборота фэйбай в романе «Сон в красном тереме» на английский и русской языки // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2024. 10 (3). 58–71.
<https://doi.org/10.22250/24107190202410358>
94. Лим В. Н. Переводческие трудности перевода художественного текста с корейского языка на русский язык // Ученые заметки ТОГУ. 2017. № 1. Т.8. С. 266–274.
95. Лукина С. Л., Пивоварова Е. Л. Особенности перевода языковых реалий: к вопросу о переводческой адекватности и эквивалентности // Вест-

ник ВГУ. Сер. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2018. № 4. С. 145–148.

96. Маленова Е. Д., Черкашина Л. П. К вопросу о классификации переводческих ошибок // Перевод и сопоставительная лингвистика. 2013. № 9. С. 45–47.

97. Матвеева Т. В. Полный словарь лингвистических терминов. Ростов н/Д: Феникс, 2010. 562 с.

98. Межкова М. В. Проблема культурологической эквивалентности слова в переводе художественного текста // Вестник КемГИК. 2012. № 20. С. 78–82.

99. Минералов Г. Ю. Национальное как фактор художественного перевода (на материале французской и русской литературы) // Вестник МГЛУ. Гуманитарные науки. 2018. № 5 (795). С. 175–184.

100. Минин А. Н. К вопросу о переводе возвышенной лексики с положительной коннотацией // Вестник МГОУ. Сер. Лингвистика. 2011. № 1. С. 126–131.

101. Мирашли И. Х. Ошибки переводов в различных сферах деятельности // Международный научно-исследовательский журнал. 2020. № 6-3 (96). С. 131–134.

102. Миронова Н. Н. Когнитивные аспекты перевода художественной литературы // Вестник МГУ. 2013. № 3. С. 77–83.

103. Мишкуров Э. Н., Новикова М. Г. Проблема «переводимости-непереводимости» на современном этапе развития теории и практики перевода: пути решения // Мир науки, культуры, образования. 2020. № 3 (82). С. 359–363.

104. Мкртчян Г. А. Культурные компоненты художественного текста // Всероссийский журнал научных публикаций. 2011. № 9. С. 11–12.

105. Молчкова Л. В. Роль переводческого комментария в тексте (на материале произведения «Собачье сердце») // Вестник Международного института рынка. 2019. № 1. С. 133–138.

106. Муравьев В. Л. Проблемы возникновения этнографических лакун: пособие по курсу типологии русск. и фр. яз. Владимир: ВГПИ, 1980. 106 с.
107. Мурашова Н. С. Читательские интересы студентов Новосибирского государственного педагогического университета в контексте общероссийской практики молодежного чтения // Вестник музыкальной науки. 2023. Т. 11, № 3. С. 227–245. <https://doi.org/10.24412/2308-1031-2023-3-227-241>
108. Мурзаков А. А. Типология основных ошибок начинающих технических переводчиков с английского // ДИСКУРС. 2020. № 3. С. 117–127.
109. Неверова Е. А., Печенкина В. С. Лексико-семантические особенности перевода наименований косметических средств (на примере сайта французской косметики Yves Rocher) // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2019. 5 (2). С. 128–138. doi: 10.22250/2410_7190_2019_5_2_128_138
110. Нелюбин Л. Л. Толковый переводческий словарь. М.: Флинта: Наука, 2003. 320 с.
111. Никитин М. Б. Метафорический потенциал слова и его реализация // Проблема теории европейских языков / под ред. В. М. Ариштейна, Н. А. Абиевой, Л. Б. Копчука. СПб.: Изд-во «Тригон», 2001. С. 37–38.
112. Новицкая И. В., Монгуш А. О. Эквивалентность перевода как переводческая проблема // Juvenis scientia. 2017. № 10. С. 23–26.
113. Нуриев В. А. Адекватность перевода как лингвистическая проблема // Вестник ВГУ. Сер. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2003. № 1. С. 80–87.
114. Одилова Г. К. Воссоздание образных значений в художественном переводе // Вестник МГЛУ. 2015. № 11 (722). С. 106–114.
115. Онал И. О. Терминологические коллокации как объект изучения // Научный диалог. 2019. № 1. С. 73–87. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2019-1-73-87>

116. Осипова Т. В. Еще раз о передаче прагматических значений в переводе художественных текстов // Вестник МГЛУ. Гуманитарные науки. 2018. № 12 (805). С. 150–157.
117. Павельева Т. Ю. Изучение коллокаций на основе лингвистических корпусов текстов // Вестник ТГУ. Сер. Гуманитарные науки. 2016. Т. 21. № 3-4 (155-156). С. 56–61.
118. Павленко В. Г., Кардумян М. С., Сарифекова Э. А. Перевод сниженной лексики в текстах аналитических статей политической тематики (на материале английского языка) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 10 (88). Ч. 1. С. 143–147. <https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-10-1.29>
119. Павленко Е. А. Типы переводческих ошибок (на материале перевода романа Л. Вайсбергер «У каждого своя цена») // Альманах современной литературы и образования. 2016. № 3 (105). С. 94–97.
120. Павлова М. К., Самарин А. В. Проблемы перевода художественных текстов // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2017. № 4 (7). С. 38–40.
121. Палийчук Д. А. Проблема определения понятия коллокация в современной лингвистике // Евразийский гуманитарный журнал. 2022. № 1. С. 20–25.
122. Панкратова С. А. Адаптационный перевод в киноиндустрии (на примере перевода англоязычных фильмонимов) // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2022. 8 (1). С. 142–152. doi: 10.22250/24107190_2022_8_1_142
123. Папулова Ю. К. Переводческий комментарий как особый вид межтекста // Вестник ПНИПУ. Проблемы языкознания и педагогики. 2015. № 1. С. 38–45.
124. Паршина А. А., Алибекова Г. А. Специфика перевода художественных текстов с китайского языка на русский (на примере романа Те Нин «Цветы хлопка») // Инновационные аспекты развития науки и техники: сб.

мат. X Международной научно-практической конференции Саратов, 23 июня 2021 года. Саратов: НОО «Цифровая наука», 2021. С. 226–229.

125. Пивоев В. М. Этнос и нация: проблемы идентификации. Петрозаводск: Изд-во. ПетрГУ, 2006. 114 с.

126. Плисов Е. В., Лукшин А. Н. Стилистические функции возвышенной лексики в немецкоязычной проповеди // Православная церковная наука: традиции, новации, актуальные контексты: сб. ст. и тезисов по мат. ежегодной научно-богословской конференции Нижний Новгород, 1 февраля 2020 года. Вып. II. Н. Новгород: Нижегородская духовная семинария, 2021. С. 197–202.

127. Раренко М. Б. Имена собственные и проблема их передачи в переводе // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 6. Языкоzнание. 2022. № 4. С. 62–72.

128. Ревзин И. И., Розенцвейг В. Ю. Основы общего и машинного перевода. М.: Высшая школа, 1964. 243 с.

129. Реформатский А. А. Введение в языкovedение. М.: Аспект Пресс, 1996. 536 с.

130. Рецкер Я. И. Теория перевода и переводческая практика. Очерки лингвистической теории перевода. М.: Р. Валент, 2007. 244 с.

131. Родионов А. А. О переводах новейшей китайской прозы на русский язык после распада СССР // Вестник СПбГУ. 2010. Сер. 13. Вып. 2. С. 137–149.

132. Рыженкова А. А. Разграничение устойчивых сравнений и их авторских преобразований при переводе // Вестник СПбГУ. Сер. 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. 2007. № 3-2. С. 238–243.

133. Рязанова Е. А. Формирование грамматических навыков речи в целях обучения иностранному языку в языковом вузе // Вестник ТГУ. Сер. Гуманитарные науки. 2012. № 9 (113). С. 153–156.

134. Сабарайкина Л. М. Прагматический аспект как важнейший компонент адекватности перевода // Вестник СВФУ. 2012. Т. 9. № 1. С. 112–117.

135. Сапожникова Л. М. Функционально-семантическая классификация собственных имён // Вестник ТвГУ. Сер. Филология. 2015. № 2. С. 115–122.
136. Сафина З. М., Терентьев О. С. Свойства сложной динамической системы в структуре игры слов в переводе // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2021. 7 (2). С. 104–114.
doi: 10.22250/24107190_2021_7_2_104_114
137. Семенас А. Л. Лексика китайского языка. М.: Восток-Запад, 2005. 310 с.
138. Сиривля М. А., Кан В. А. Некоторые проблемы перевода художественных текстов // Lingua Mobilis. 2013. № 7 (46). С. 68–74.
139. Смирницкий А. И. Синтаксис английского языка. М.: ЛиброКом, 2009. 285 с.
140. Смирнова Т. Е., Ермишина, В. Е. Адекватность перевода в коммуникативном аспекте // Огарёв-online. 2017. № 14. С. 1–5.
141. Солнцев В.М. Введение в теорию изолирующих языков. М.: Восточная литература РАН, 1995. 352 с.
142. Соссюр Ф. Курс общей лингвистики / пер. с фр. А. М. Сухотина. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1999. 432 с.
143. Станиславский, А. Р. Логичность, аргументационная макроструктура и ошибки перевода [Электронный ресурс] // Электронный научно-практический журнал «Гуманитарные научные исследования». 2014. № 6. Режим доступа: <https://human.s nauka.ru/2014/06/7057. – 12.11.2021.>
144. Степанов Ю. С. Французская стилистика (в сравнении с русской): Учебное пособие. М.: Едиториал УРСС, 2003. 360 с.
145. Степанова, М. М. Анализ переводческих ошибок в подготовке преподавателей перевода // Дидактика перевода: сб. мат. научной конференции Москва, 21 мая 2010 года. М.: Гос.ИРЯ им. А.С. Пушкина, 2010. С. 64–68.
146. Стрельцов А. А. Блазон в прозе: особенности перевода геральдического описания в художественном произведении // Теоретическая и при-

кладная лингвистика. 2023. 9 (3). С. 121–131. doi:
10.22250/24107190_2023_9_3_121

147. Сунь С., Богданова-Бегларян Н. В. Специфика построения цепочек прагматических маркеров при переводе русских художественных текстов на китайский язык // Oriental Studies. 2023. Т. 16. № 1. С. 211–221.

148. Сухина Ю. С., Лескова Е. В. Лексико-грамматические аспекты перевода префиксов *ruǎn* и *líng* // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2016. 2 (4). С. 76–84. doi: 10.22250/2410-7190_2016_2_4_76_84

149. Сюй Х., Ли В. Грамматическая стилистика научно-технического перевода в аспекте теории первого плана и фона // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2021. 7 (4). С. 148–158.
doi: 10.22250/24107190_2021_7_4_148_158

150. Терентьева Д. М. Передача языковых значений при переводе с английского языка и переводческие ошибки (на материале студенческих практических работ) // Современные исследования в области преподавания иностранных языков в неязыковом вузе. 2020. № 9. С. 106–115.

151. Томахин Г. Д. Реалии в культуре и языке. Реалия-предмет и реалия-слово // Иностранные языки в школе. 2007. № 8. С. 19–28.

152. Трофимова О. В., Полухина Я. П., Тун, Ц. Функции грамматической частицы 的 (дэ) в китайских переводах романа А. С. Пушкина «Капитанская дочка» // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. 2017. Т. 3. № 4. С. 19–39.

153. Тюленев С. В. Теория перевода: учеб. пособие. М.: Гардарики, 2004. 336 с.

154. У М., Ли В. Принципы перевода образных сравнений: межкультурный аспект // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2023. 9 (3). С. 154–164. doi: 10.22250/24107190_2023_9_3_154

155. Федоров А. В. Основы общей теории перевода. М.: Высшая школа, 1983. 303 с.

156. Фененко Н. А. Две стратегии перевода реалий // Вестник ВГУ. Сер. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2009. № 1. С. 121–128.
157. Фененко Н. А. О сходстве и различии понятий «термин» и «реалия» // Материалы XV Березинских чтений. М.: Институт научной информации по общественным наукам РАН, 2018. С. 279–285.
158. Фурсова И. Н. Специфика перевода художественного текста // Актуальные вопросы переводоведения и практики перевода: сб. науч. ст. Вып. 5. Н. Новгород: ООО «Альба», 2015. С. 237–243.
159. Хабдаева А. К., Цзи Ш. Проблемы перевода художественного текста с китайского языка на русский на материале романа «Осажденная крепость» Цянь Чжуншу (анализ переводческих ошибок) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 7(73). С. 182–185.
160. Царёва Г. В. Способы перевода индивидуально-авторских новообразований // Символ науки: международный научный журнал. 2016. № 4-3 (16). С. 207–209.
161. Цинь Т. Выбор исходного принципа рассмотрения синтаксиса современного китайского языка // Известия Восточного института ДВФУ. 1996. № 3. С. 217–223.
162. Читаева М. А. Причины ошибок и их роль в обучении переводу студентов нелингвистических специальностей // Новое слово в науке: стратегии развития: сб. мат. III Международной научно-практической конференции Чебоксары, 31 декабря 2017 года. Чебоксары: ООО «Центр научного сотрудничества «Интерактив плюс», 2017. С. 156–161.
163. Шалимова Д. В. Преодоление «непереводимости» художественных текстов // Мир науки, культуры, образования. 2020. № 5 (84). С. 340–343.
164. Шатравка А. В., Борнякова К. К., Основные способы перевода включающих предложений с китайского языка на русский // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2016. 2 (4). С. 85–92. doi: 10.22250/2410-7190_2016_2_4_85_92

165. Шахаева А. А. К проблеме изучения грамматической категории вида китайского глагола отечественными лингвистами // Вестник БГУ. Вып. 8. Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2009. С. 224–225.
166. Шведова Н. Ю., Арутюнова Н. Д., Бондарко А. В. Русская грамматика. Т. 2. М.: Наука, 1980. 709 с.
167. Швейцер А. Д. Теория перевода: Статус, проблемы, аспекты. М.: Наука, 1988. 215 с.
168. Шепелева Е. В. Особенности перевода фразеологизмов // Известия Пензенского государственного педагогического университета имени В. Г. Белинского. № 11 (15). 2009. С. 68–78.
169. Шиляев А. В., Байкова О. В. Типичные переводческие ошибки // Общество, наука, инновации (НПК-2020): сб. статей XX Всероссийской научно-практической конференции Киров, 17 февраля–26 апреля 2020 года. Киров: изд-во ВятГУ, 2020. С. 767–773.
170. Широкова М. В. Китайская литература стала популярнее в России [Электронный ресурс] // Коммерсантъ. 2024. Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/6593989?ysclid=mckdb4rfpm984229290>
171. Шогенова Л. А. Система государственных экзаменов для чиновников «кэцзюй» в императорском Китае // Манускрипт. 2020. Т 13 (8). С. 170–174.
172. Шэ С., Вэнь Ц. Современная китайская художественная проза (1919–1949) в России: ранний перевод, издание и изучение // Вестник СПбГУ. Востоковедение и африканстика. 2021. Т. 13. Вып. 1. С. 4–18.
173. Щенникова Н. В., Баканова М. В. Передача голофрастических эпитетов в переводе англоязычного романа Д. Тартт «Щегол» на русский язык А. Завозовой // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2023. 9 (4). С. 171–183. doi: 10.22250/24107190_2023_9_4_171
174. Ягунова Е.В., Пивоварова Л.М. Природа коллокаций в русском языке. Опыт автоматического извлечения и классификации на материале но-

востных текстов // Научно-техническая информация. Сер. 2. Информационные процессы и системы. 2010. № 6. С. 30–40

175. Яковенко Т. И., Шайхалиева А. М. Способы перевода метафор в зарубежной теории перевода // Гуманитарные и социальные науки. 2021. № 4. С. 200–208.
176. Яхонтов С. Е. Категория глагола в китайском языке. Л.: Изд-во Ленингр. Ун-та, 1957. 185 с.
177. Ajdini F. The verbs in Mandarin-Chinese, Albanian and English, seen from the perspective of the Grammatical Tense // UBT International Conference. Durrës, Albania, October 27-29, 2017. P. 51–56.
178. Amenador, K. B., Wang, Z. A Systematic Review of the Chinese-English Translation of Public Signs // SAGE. Open. 2022. Vol. 12 (2). P. 1–16. <http://dx.doi.org/10.1177/21582440221094611>
179. Chai, X., Bao, J. Linguistic distances between native languages and Chinese influence acquisition of Chinese character, vocabulary, and grammar // Frontiers in Psychology. 2023. Vol. 13. P. 1–22. <http://dx.doi.org/10.3389/fpsyg.2022.1083574>
180. Crystal D. A Dictionary of Linguistics and Phonetics. New York: Blackwell Publishing, 2008. 529 p.
181. Dixon R., Aikhenvald A. Adjective Classes. A Cross-linguistic Typology. Oxford: University press, 2004. 370 p.
182. Ge Benyi. Modern Chinese Lexicology. London and New York: Routledge, 2017. 231 p.
183. Haspelmath M. Language Typology and Language Universals. Berlin and New York: Walter de Gruyter, 2001. 854 p.
184. Huang, J. Chinese-English Translation from the Perspective of Chinese-English Compression – A Review of Functional Equivalence Theory // Open Access Library Journal. 2021. Vol. 8. P. 1–12. <https://doi.org/10.4236/oalib.1107779>

185. Koller W. The Concept of Equivalence and the Object of Translation Studies // Target. International Journal of Translation Studies. 1995. Vol. 7 (2). P. 191–222. <https://doi.org/10.1075/target.7.2.02kol>
186. Larson R. Some issues in verb serialization // Serial verbs: Grammatical, Comparative and Cognitive Approaches. 1991. P. 185–210.
187. Li, S., Xiao, Y. The Logic Transfer from Chinese to English Translation // Proceedings of the 2022 5th International Conference on Humanities Education and Social Sciences. 2022. P. 2585–2589. http://dx.doi.org/10.2991/978-2-494069-89-3_296
188. Lin J. Event Structure and the Encoding of Arguments: The Syntax of the Mandarin and English Verb Phrase // Ph.D. dissertation, MIT. 194 p.
189. Lin, P. Analysis of the Translation Problems of Words with Chinese Characteristics: Taking Chinese-English Translation as an Example // International Journal of Translation and Interpretation Studies. 2023. Vol. 3 (1). P. 17–22. <http://dx.doi.org/10.32996/ijtis.2023.3.1.3>
190. McCawley J. Justifying part-of-speech assignment in Mandarin Chinese // Journal of Chinese Linguistics. 1992. 20 (2). P. 211–245.
191. Newmark P. A Textbook of Translation. New York and London: Phoenix ELT, 1995. 402 p.
192. Ross C, Ma J. Modern Mandarin Chinese Grammar: A practical guide. London and New-York: Routledge, 2014. 404 p.
193. Tang S. Parametrization of Features in Syntax // Ph.D. dissertation, University of California at Irvine. 1998. 242 p.
194. The comparison between structural particle “地” in mandarin and structural particle “dengan” atau “secara” in Indonesian // Lire Journal (Journal of Linguistics and Literature). 2021. Vol. 5. № 1. P. 81-91. <https://doi.org/10.33019/lire.v3i2.105>

195. Thein C. M. S. A Comparative Study of Chinese Structural Particles “的, 地 and 得” with Their Corresponding Myanmar Expressions // Mandalay University of Foreign Languages Research Journal. 2019. Vol. 10 (1), P. 9–21.
196. van den Broeck R. The Limits of Translatability Exemplified by Metaphor Translation // Poetics Today. Vol. 2. № 4. 1981. P. 73–87.
197. Waltraud P. Adjectives in Mandarin Chinese. The rehabilitation of a much-ostracized category // Linguistics Today. Adjectives: Formal analyses in syntax and semantics / ed. Hoffherr O., Matushansky O. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 2010. P. 115–152. <https://doi.org/10.1075/la.153.04pau>
198. Zhan, X. A Study of Cultural Context in Chinese-English Translation // Region – Educational Research and Reviews. 2021. Vol. 3 (4). P. 11–14. <http://dx.doi.org/10.32629/rerr.v3i2.303>
199. 陈丹. 文化视域下的汉语成语翻译探析[J]. 语文建设. 2014 年. 第 11 期. 72–73 页 [Чень Д. Анализ перевода китайских идиом с точки зрения культуры // Языковое планирование. 2014. № 11. С. 72–73]. doi: 10.16412/j.cnki.1001-8476.2014.32.063
200. 陈婉蕾. 汉俄翻译中的文化空缺词汇翻译策略研究[J]. 传播力研究. 2018 年. 第 4 期. 25–26 页 [Чень В. Исследование переводческих стратегий для передачи культурных лакун в китайско-русском переводе // Исследования в области коммуникации. 2018. № 4. С. 25–26].
201. 丁崇明. 现代汉语语法教程. 北京: 北京大学出版社. 2009 年. 354 页. [Дин Ч. Курс грамматики современного китайского языка. Пекин: Изд-во Пекинского ун-та, 2009. 354 с.]
202. 韩全会. 汉俄成语翻译构式研究. 华中师范大学语言与语言教育研究中心博士学位论文. 2013 年. 152 页 [Хань Ц. Исследование переводческих структур при передаче китайских идиом на русский язык: дис... д-ра филол. наук. Исследовательский центр изучения языка и языкового образования Центрально-Китайского педагогического университета, 2013. 152 с.].

203. 胡谷明, 沈曼. 汉俄翻译中文化空缺词汇的翻译策略[J]. 中国俄语教学. 2011 年. 第 30 卷. 第 1 期. 17–21 页 [Ху Г., Шэнь М. Стратегии передачи культурных лакун в китайско-русском переводе // Русский язык в Китае. 2011. Т. 30. № 1. С. 17–21].
204. 李叙佳. 汉语成语翻译的策略[J]. 科教文汇. 2011 年. 第 32 期. 172–173 页 [Ли С. Стратегии перевода китайских идиом // Журнал науки и образования. 2011. № 32. С. 172–173].
205. 李衍学. 汉俄翻译中的文化空缺词汇翻译策略研究 — 以《小城三月》译本为例. 西安外国语大学硕士学位论文. 2017 年. 99 页 [Ли Я. Способы перевода национально-специфической лексики с китайского языка на русский (на примере рассказа «Март в уезде»: маг. дис. Сианьский университет иностранных языков, 2017. 99 с.].
206. 李子玉. 汉英翻译中的文化空缺现象及翻译策略[J]. 汉字文化. 2024 年. 第 14 期. 171–173 页 [Ли Ц. Феномен культурной лакуны и переводческие стратегии в переводе с китайского на английский // Иероглифическая культура. 2024. № 14. С. 171–173]. doi: 10.14014/j.cnki.cn11-2597/g2.2024.14.031
207. 刘凡. 在华留学生学习汉语比喻和比拟修辞格的应用研究. 天津师范大学研究生学位论文. 2021 年. 43 页 [Лю Ф. Исследование применения метафоры и сравнения в изучении китайского языка иностранными студентами в Китае: дис... канд. пед. наук. Тяньцзиньский педагогический университет, 2021. 43 с.].
208. 刘曼. 高级水平留学生汉语比喻辞格偏误分析. 华中师范大学语言与语言教育研究中心硕士学位论文. 2020 年. 76 页 [Лю М. Анализ ошибок в китайской метафорической риторике среди иностранных студентов с продвинутым уровнем языка: маг. дис. Исследовательский центр изучения языка и языкового образования Центрально-Китайского педагогического университета, 2020. 76 с.].

209. 刘维. 翻译中的空缺现象及其补偿策略研究 — 以俄译本《丰乳肥臀》为例. 湖南师范大学硕士学位论文. 2018 年. 53 页 [Лю В. Лакуны и их компенсация в художественном переводе – на примере русского перевода романа «Большая грудь, широкий зад: маг. дис. Хунаньский педагогический университет, 2018. 53 с.].
210. 罗玉凤. 社会符号学视角下的汉语成语翻译[J]. 名家名作. 2022 年. 第 21 期. 133–135 页 [Ло Ю. Перевод китайских идиом с точки зрения социальной семиотики // Мастер и шедевр. 2022. № 21. С. 133–135].
211. 屈冬. 空缺理论视域下的大学英语教学中中国文化空缺现象与对策研究[J]. 海外英语. 2017 年. 第 20 期. 61–62 页 [Цю Д. Исследование феномена лакунарности в китайском языке и мер по его преодолению при преподавании английского языка в колледже с точки зрения теории лакунарности // Зарубежный английский. 2017. № 20. С. 61–62].
212. 任静. 中英文翻译中文化空缺现象及翻译对策[J]. 英语广场. 2018 年. 第 3 期. 64–65 页 [Жэнь Ц. Феномен случайных лакун при переводе с китайского на английский и стратегии перевода // Площадь английского языка. 2018. № 3. С. 64–65]. doi: 10.16723/j.cnki.yugc.2018.03.031
213. 唐欢. 浅析借词的分类及在对外汉语教学中的应用. 文学教育. 2017 年. 第 5 期. 174–175 页 [Тан Х. Краткий анализ классификации заимствованных слов и их применения в преподавании китайского языка как иностранного // Литература и образование. 2017. № 5. С. 174–175]. doi: 10.16692/j.cnki.wxjys.2017.05.088
214. 王娟. 浅析汉语成语翻译的方法以及技巧[J]. 语文建设. 2016 年 第 3 期. 90–91 页 [Ван Цз. Краткий анализ методов и техник перевода китайских идиом // Языковое планирование. 2016. № 3. С. 90–91]. doi: 10.16412/j.cnki.1001-8476.2016.08.048

215. 王晓敏. 文化视域下的汉语成语翻译简析[J]. 校园英语. 2018 年. 42 期. 239 页 [Ван С. Краткий анализ перевода китайских идиом с точки зрения культуры // Английский в кампусе. 2018. № 42. С. 239].
216. 杨蕾. «时间词»的分类再看汉语的«词有定类»[J]. 剑南文学. 2012 年. 第 12 期. 135—136 页 [Ян Л. Еще раз о классификация существительных-темпоративов с точки зрения принципа «каждое слово принадлежит конкретной части речи» // Литература Цзянъянань. 2012. № 12. С. 135—136].
217. 伊娃. 汉俄比喻修辞格比较与调查研究. 上海师范大学硕士学位论文. 2017 年. 70 页 [И В. Сравнение и исследование метафорической риторики китайского и русского языков: маг. дис. Шанхайский педагогический университет, 2017. 70 с.].
218. 袁帅, 尚雅頤. 汉语成语翻译中文化差异研究[J]. 校园英语. 2018 年. 第 5 期. 240—241 页 [Юань Ш., Шан Я. Исследование культурных различий при переводе китайских идиом // Английский в кампусе. 2018. № 5. С. 240—241].
219. 张传钰. 谚语翻译中的文化空缺弥补策略[J]. 课程教育研究. 2017 年. 第 48 期. 19 页 [Чжан Ч. Стратегии передачи культурных лакун при переводе пословиц // Исследования обучения и образования. 2017. № 48. С. 19].
220. 张旭委. 俄汉翻译中的空缺现象及其消除策略 — 以阿拉·谢尔盖耶娃的著作《俄罗斯行为定势、传统、民族心态》汉译为例. 北京外国语大学硕士学位论文. 2017 年. 33 页 [Чжан С. О лакуне и способах её элиминирования в русско-китайском переводе (на материале перевода «Русские стереотипы поведения, традиции, ментальность Аллы Сергеевой»): маг. дис. Пекинский университет иностранных языков, 2017. 33 с.].
221. 赵术. 习语性与文化翻译[J]. 长春师范大学学报. 2025 年. 第 44 卷. 第 5 期. 62—67 页 [ЧжАО Ш. Идиома и культурный перевод // Вестник Чанчуньского педагогического университета. 2025. Т. 44. № 5. С. 62—67].

ПРИЛОЖЕНИЕ 1. ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ ПРИМЕРЫ

Таблица 47 – Дополнительные примеры

№	Лексиче- ская единица	Значение	Контекст	Сложность пере- вода	Предлагаемое решение	Преимущества пред- лагаемого решения
1	陌路人	чужой; посто- ронний; человек с улицы	这个时候, 李全有和小兵 王浦生还是陌路人。	Буквальное значе- ние исходной единицы не отра- жает заложенную в исходный текст авторскую мысль.	Тогда Ли Цюанью и рядовой Ван Пушен ещё не были зна- комы.	Перевод максималь- но адаптирован к нормам русского языка (лексическим и грамматическим), согласуется с кон- текстом, а также легко воспринимаем русскоязычным чи- тателем.
2	错觉	обман зрения, обман чувств, галлюцинация	他刚把脸扭过来, 就听见 一声轻微的声响, 轻得他 不能确定是不是错觉。	Использование буквального пере- вода лексической единицы делает предложение гро- моздким и неесте- ственным.	Как только он повернул го- лову, услышал слабый звук, настолько слабый, что он не был уверен, слышал ли он его вообще .	Предложение не вы- зывает у читателя ощущения громозд- кости и неестествен- ности, при этом яв- ляется простым для восприятия.
3	兵站	военно-этапный пункт	藏民自己胡闹自己的, 军 人边上站站, 他们就不干 了。兵站与藏民一直处得 不省力。	Использование буквального пере- вода делает пере- водной текст гро- моздким и неесте- ственным, при	Тибетцы шумели неподалёку, но, когда солдаты встали ря- дом с ними, прекратили. У военных всегда были с ними натянутые отношения.	Использование гене- риализации позволяет избежать излишней громоздкости пере- вода и стилистиче- ских ошибок.

				этом дословный перевод противоречит нормам русского языка.		
4	天空	небесное пространство, небо, воздух	草坪中央苍老的美国山核桃树顶着巨大树冠，光秃秃的枝桠抓向天空，如同倒植的树向金黄夜晚扎根，一股奇怪的焦臭在气流里浮动。	Буквальный перевод фразы возможно использовать, однако в таком случае перевод исходной лексической единицы 天空 будет совпадать с переводом единицы 夜晚 . Так как её буквальный перевод «... дерево пыталосьпустить корни в золотисто жёлтую ночь ...» является буквализмом и нарушением узуза.	У старого гикори, росшего посреди лужайки, была огромная крона, её голые ветви тянулись ввысь , будто дерево пыталось пустить корни в золотисто жёлтые небеса , а в воздухе витал запах гари.	Использование трансформационного перевода для первой лексической единицы и приближенного перевода совместно с функциональной заменой для второй позволяет исключить нарушение узуса и сделать текст лёгким для восприятия.
	夜晚	глубокая ночь				
5	龙套	статист	对徐小愚父亲徐智仁的研究, 我比我姨妈要做得彻底, 因为我正在写的这个故事里, 他将要跑个龙套。	Использование буквального перевода делает переводной текст неестественным, также дословный перевод фразы не совсем понятен русскоязычному читателю с точки	Я изучила жизнь отца Сю Сяоюй Сю Чжиженя более детально чем моя тётя, так как в этой истории он сыграет пустяк и второстепенную , но все же важную роль.	Замена исходной единицы на контекстуальный синоним и дальнейшее распространение предложения делает его более естественным и лёгким для восприятия.

				зрения семантики.		
6	木板凳	деревянная скамья/табурет	这一天的饥饿、干渴、恐怖、焦虑真的把他变成一条会走动的木板凳了。	Буквальный перевод здесь возможен, однако он делает переводной текст неудобочитаемым, а также нарушает узус.	Голод, жажда, ужасы и тревоги этого дня действительно превратили его в ходячую бесчувственную деревяшку .	Замена исходной языковой единицы на синонимичный фразеологизм поможет русскоязычному читателю легче воспринять текст перевода и избавит от нарушения узуса.
7	负心汉	разбиватель сердец, сердцеед	世祧不仅没被玉墨的倾诉恶心，还海誓山盟地说，他张世祧决不做赵玉墨命中的第二个负心汉。	Буквальный перевод возможно использовать, однако он не отражает заложенную автором мысль и вызывает у читателя ощущение неестественности речи.	Он не только не испытал отвращения к признаниям Юмо, но и поклялся ей в вечной любви, сказав, что он, Чжан Шитяо, ни за что не станет вторым мужчиной в её жизни, который разобьёт ей сердце .	Для передачи лексической единицы необходимо использовать описательный перевод, однако при этом трансформируется не только она, но и все предложение в целом (распространение). Использование данных приёмов позволяет конкретизировать авторскую мысль и сделать текст более естественным.
8	男	малыш; дитя, ребёнок	他听出这是个男娃娃的嗓音，临时抓壮丁抓来的男娃娃不少。	Буквальный перевод искажает авторскую мысль, русскоязычному читателю она не будет понятна.	Он услышал, что это был голос совсем молодого парнишки . В последнее время многих подростков забрали в рекруты.	В первом случае используется описательный перевод, чтобы добавить конкретики, которая поможет читателю лучше понять автор-
	娃娃	мужчина				

						ский замысел. Однако во втором случае подобный перевод будет противоречить нормам русского языка, к тому же в подобной конкретизации уже не будет смысла. Следовательно, во втором случае мы можем использовать трансформацию и заменить исходную языковую единицу на синонимичную той, которую мы использовали в первом случае.
9	答对	дial. ответить, дать ответ (в негативном ключе)	那种同是天涯沦落人的默契答对。	Буквальный перевod искажает авторскую мысль.	Этакий молчаливый разговор товарищей по несчастью.	Использование трансформационного перевода позволяет донести авторскую мысль до читателя, использование компенсации - сохранить pragматическое значение языковой единицы (замена нейтрального <i>этот</i> на разговорное <i>этакий</i>)
10	相衬	соответствовать;	李全有觉得日本人的森严	Буквальный перев-	У Ли Цюанью сложилось	Использование

		подходить; подобать; отвечать (чему-либо)	和汉奸的友善有点不相衬。	вод фразы делает её громоздкой и неестественной.	впечатление, что строгость японцев и дружелюбие предателей противоречили друг другу.	трансформации совместно с антонимичным переводом делает переводной текст более естественным и лёгким для восприятия.
11	反射	отражаться	她手正摸着头上那铜板大的秃疤，把烛光 反射在上面 。	Буквальный перевод фразы «...на ней [проплешине] отражался свет свечи» возможно использовать, однако он является буквализмом и звучит неестественно.	Она касалась рукой проплещины размером с медную монету. Плешь была ярко видна в свете свечей.	Использование трансформационного перевода (лексико-семантической трансформации совместно с грамматической) позволяет сделать переводной текст естественным и лёгким для восприятия.
12	吞没	присвоить, захватить, поглотить, охватить	徐大亨的轿车轰然远去，女孩们突然意识到地下室的夜晚已 吞没了她们 。	Буквальный перевод нарушает узус русского языка и звучит неестественно.	Когда машина торговца Сю, рокоча, скрылась вдали, девочки внезапно осознали, что ночь застала их врасплох в этом подвале.	Замена фразеологизм позволяет достичь до читателя авторскую мысль, придать тексту некоторую выразительность, которая совершенно не противоречит авторскому замыслу, а также сделать текст лёгким для восприятия.
13	不开窍	не мочь понять, невозможно понять	这时还有如此 不开窍的 。	Дословный перевод исходной языковой единицы	Неужели среди них остался кто-то настолько дремучий ?	Здесь необходимо использовать сразу четыре переводчес-

				является буквализмом, который затрудняет восприятие читателем текста, делая его громоздким и неестественным.		ских приёма (лексическая трансформация, функциональная замена, антонимичный перевод). Использование данных приёмов делает текст естественным и лёгким для восприятия, а также помогает читателю лучше понять внутренний мир, описываемого персонажа.
14	估计	предполагать, оценивать, вычислять	戴涛估计最先乘木澡盆和樟木箱的人已经葬身十二月的江水了。	Буквальный перевод не доносит до читателя авторскую мысль в полном объёме.	Дай Тао прикинул и решил , что первый, кто отправился вплавь в деревянной ванне или сундуке, уже погиб в декабрьских водах.	Наиболее целесообразным является использование приближённого перевода совместно с приёмом распространения. Такой перевод не только точно передаёт авторский замысел, но и в какой-то мере конкретизирует его, позволяя читателю лучше его понять.
15	估计	предполагать, оценивать, вычислять	我估计他是反间谍部门的.....	В данном примере та же языковая единица имеет то же значение и то же авторское	Мне показалось , что он был из контрразведки...	В данном случае возможно использовать приближённый перевод и заменить исходную языковую

				наполнение, что и в примере 14. однако использовать тот же перевод не представляется возможным, так как это противоречило бы нормам русского языка, в особенности правилам семантического согласования.		единицу на синонимичную, чтобы избавиться от нарушения норм русского языка.
16	闯祸	навлечь на себя несчастье, попасть в беду, попасть в аварию; набедокурить, натворить	她知道她们这一回闯祸了, 从来没见这个温文尔雅的老神父动这么大声色。	Буквальный перевод не в полной мере отражает авторскую мысль.	Она поняла, что в этот раз они доигрались . Никогда она ещё не слышала, чтобы этот культурный пожилой священник говорил таким тоном.	Замена на синонимичную языковую единицу помогает отразить авторскую мысль, которую видно из контекста. То, что языковая единица «доигрались» относится к разряду обиходно-разговорной не противоречит ни контексту, ни авторскому замыслу, так как такого рода лексика вполне соответствует характерам, описываемых персонажей, которые в своей речи часто исполь-

						зуют подобную лексику.
17	流落	скитаться без пристанища, бродить меж двор, бедствовать на чужбине	老头打听过杨志斌流落美国的缘由。	Буквальный перевод нарушает узус русского языка, а также звучит громоздко и неестественно.	Однажды старик спросил, зачем Ян Чжиню бедствовать в США.	С помощью приближённого перевода нарушение узуса в переводе тексте исчезает, также текст становится более понятным и лёгким для восприятия. Однако при этом возвышенная лексика меняется на нейтральную, что в принципе не искажает ни общий смысл фразы, ни заложенную автором мысль.
18	没正经	бестолковый, небрежный, несерёзный	"这里是哪里? " 一个窑姐还是没正经。	Буквальный перевод «... одна из проституток все ещё была несерьёзна» содержит стилистическую ошибку, звучит неуместно и делает текст неестественным для русскоязычного читателя.	«Сюда – это куда?» – шутливо спросила одна из проституток.	В данном случае целесообразно использовать не только лексико-семантические, но и грамматические трансформации (функциональную замену и инверсию). Использование данных приёмов исключит стилистические ошибки, сделает текст более естественным и лёгким

					для восприятия.
19	英俊	представитель- ный; видный; красивый	戴少校很英俊，这是我想 象的。	Буквальный пере- вод фразы будет звучать как «Май- ор Дай был очень красивым, вот как я воображала». Данный перевод является букваль- лизмом, постро- енным по грамма- тическим нормам китайского языка.	И я воображала его писаным красавцем .

20	含意	скрытый смысл; со скрытым смыслом	真的像一场秘密幽会，眉 梢眼角都含意。	Буквальный пере- вод «их глаза и брови имели смысл» не соот- ветствует нормам русского языка.	Это действительно было по- хоже на тайное свидание. Их глаза и брови говорили громче слов.	тателем. Использование лек- сико-семантической трансформации сов- местно с приёмом функциональной за- мены позволит со- ставить фразу со- гласно нормам рус- ского языка. Замена исходной языковой единицы на синони- мичное устойчивое сочетание не проти- воречит контексту и авторскому замыслу, но придаёт тексту некоторую дополни- тельную вырази- тельность.
21	厚颜的客 套	бесстыжая учтивость	少佐对翻译恶狠狠地低声 授意，翻译翻过来却还是 厚颜的客套 ：“我们的节 日庆祝节目没开始呢？”	Буквальный пере- вод искажает за- ложенный автором смысл. Для русскоязычного читателя данное выражение звучит не совсем понятно и естественно.	Офицер что-то злобно про- шептал переводчику, после чего переводчик повернулся к священнику и заискиваю- щие произнёс: «Но мы ещё не начали рождественские празднества!»	Наиболее целесооб- разно использование функциональной за- мены и семантиче- ского стяжения, что поможет донести до читателя авторскую мысль, а также сде- ляет текст более естественным и до- ступным для пони- мания.
22	好好的皮	целая плоть	伤员们你依我靠地躺着，	В китайском язы-	Раненые лежали, опираясь	В данном случае

	肉 绽裂的皮 肉	разорванная плоть	有的是几个合盖一件棉大衣或棉被，此刻都哼唧起来：三更的寒冷连好好的皮肉都咬得生疼，别说绽裂的皮肉了。	ке подобная лексика относится к литературной и придаёт тексту выразительности, однако в русском языке в данном контексте она не является уместной и нарушает узус русского языка.	друг на друга, некоторые укрывались стёгаными пальто или ватными одеялами и фыркали: ночной холод пробирал до костей даже тех, кто остался невредим , что уж говорить о тех, кто был ранен.	корректнее применить метод описательного перевода и использовать функциональную замену, что позволит построить фразу согласно нормам русского языка и донести до читателя её общий смысл.
23	垂危的生 命	жизнь, нахо- дившаяся в кри- тическом состо- янии	一条垂危的生命就那样缓 慢地一点点恢复了。	Использовать буквальный перевод не представляется возможным, так как в русском языке слова «жизнь» и «восстанавливаться» не согласуются семантически.	Его здравье постепенно восстанавливалось.	Данное словосочетание можно сократить до одного слова с помощью семантического стяжения, но при этом исходная лексическая единица и использованный переводчиком эквивалент не являются синонимами — следовательно был использован метод трансформационного перевода. В то же время то, что жизнь и здоровье героя повествования находились под угрозой, становится ясно из широкого контекста.
24	低哑的声	низкий и хрип-	女孩们用低哑的声音哼唱	Исходя из контек-	Девочки вполголоса напева-	Целесообразно будет

	音 音	лый голос	着《安魂曲》。	ста, героини произведения пели очень тихо, однако фраза «низкий и хриплый» подразумевает не просто тихий, а, в большей степени, сиплый грубо-вательный голос.	ли «Реквием».	заменить данное словосочетание контекстуальным синонимом «вполголоса», используя для этого приёмы семантического стяжения и приближенного перевода. Использование данных приёмов позволит донести до читателей общий смысл фразы и согласовать её с широким контекстом.
25	求饶地笑 笑	улыбаться, прося прощения	杨志斌回回遇到这情形就这样求饶地笑笑，随后便灰心得很，一句话也不想说。	Буквальный перевод противоречит нормам русского языка, а также не передаёт тот смысл, который автор вложил в данную фразу. Здесь автор подразумевал, что персонаж извинялся с помощью улыбки, как бы вкладывая в неё свои извинения, но буквальный перевод для рус-	Каждый раз в таких ситуациях Ян Чжибинь улыбался извиняющейся улыбкой , окончательно падал духом и больше не произносил ни слова.	Чтобы сохранить авторский замысел и в то же время согласовать перевод с нормами русского языка, возможно использовать функциональную замену совместно с описательным переводом. Т.е. превратить китайское обстоятельство образа действия 求饶地 / прося прощения в русскоязычное дополнение извиняющейся улыб-

				скоязычного читателя будет звучать так, будто он извинялся на словах и улыбался при этом.		ка.
26	无表情地咧嘴	амимично скользиться	我无表情地咧嘴，意在表现一种死猪不怕开水烫的大无畏。	Буквальный перевод нарушает узус русского языка, следовательно не будет понятен русскоязычному читателю.	Я скривилась в улыбке, желая показать, что бояться мне нечего.	Здесь возможно использовать функциональную замену совместно с приближенным переводом и передать данное словосочетание как <i>скривиться в улыбке</i> . Такой перевод соответствует грамматическому строю русского языка и в то же время отражает смысл, заложенный автором оригинала.
27	一家一家地跑	Примерно, <i>бегать по домам, бегать от дома к дому</i> .	她一家一家地跑，说是喝杯水就走，却往往是三四个小时坐在那儿谈那个才貌双全的杨志斌。	Дословно на русский язык передать невозможно.	Она бегала по гостям , говоря, что только выпьет стакан воды, но часто просиживала по три-четыре часа, рассказывая о красивом и талантливом Ян Чжибине.	Для передачи этого словосочетания необходимо использовать функциональную замену. Однако если мы используем только этот переводческий приём, значение словосочетания не будет соответство-

						вать широкому контексту. Ведь в нем говорится, что героиня не просто бегала от одного дома к другому, например, в поисках помощи и т.д., она ходила в гости к своим друзьям, чтобы излить душу и рассказать, что её муж не такой плохой как про него говорят. Поэтому здесь возможно также использовать лексико-семантическую трансформацию и передать исходное словосочетание как <i>бегала по гостям</i> , которое и соответствует грамматике русского языка, и отображает смысл исходной фразы.
28	傻里傻气 地要	хотеть по глупости	两天前豆蔻还傻里傻气地 要弹琵琶讨饭和这小兵白 头偕老的呀...	Буквальный перевод данной фразы используется в русском языке, однако в данном контексте его ис-	Ещё два дня назад Доукоу лелеяла глупую мечту - играть на лютне, прося милостыню, и состариться вместе с этим солдатиком...	В данном случае наиболее целесообразно использование функциональной замены и описательного перевода, однако

				пользование не оправдано.		при переводе обсценная лексика меняется на сочетание нейтральной и возвышенной, т.е. pragmaticеское значение фразы при передаче на русский язык теряется, но без вреда для референции. Использование данных приёмов позволяет наиболее точно выразить смысл, заложенный автором в текст оригинала.
29	强调地说	говорить, заостря внимание на [чем-либо]	“我希望这完全是出于自愿。”他更强调地说。	Использование буквального перевода здесь невозможно, так как он искажает смысл исходного текста. В данном случае автор подразумевал именно то, что персонаж, произносивший эту фразу, хотел убедить остальных в чём-то, что видно из широкого контекста.	«И совершенно добровольно», – продолжал напирать он.	Чтобы отобразить заложенный автором смысл в тексте перевода, возможно использовать семантическое стяжение и заменить исходную языковую единицу на русско-язычный глагол напирать, который подходит и по значению, и по грамматическим свойствам. Но следует обратить внимание на то, что в этом случае также

						будет использоваться приближенный перевод, так как лексическая единица ИЯ и лексическая единица ПЯ будут являться контекстуальными синонимами.
30	闹不和地扭动	негармонично извиваться	书娟必须不断调整角度，才能看见赵玉墨的舞蹈，最初她只看到一段又长又细又柔软的黄鼠狼腰肢，跟屁股和肩膀闹不和地扭动，渐渐她看见了玉墨的胸和下巴，那是她最好看的一段，一点贱相都没有。	В данном случае нет никаких проблем с грамматической составляющей. И хотя здесь используется также функциональная замена, благодаря чему в итоге глагол превращается в причастие, его использование зависит не от рассматриваемого словосочетания, а от разницы в синтаксических структурах китайского и русского предложений в целом.	Шуцзюань приходилось все время менять угол обзора, чтобы наблюдать за танцем Чжао Юмо. Сначала она видела только длинную, тонкую, гибкую как у ласки талию, затем независимо друг от друга извивавшиеся бедра и плечи, постепенно она рассмотрела её грудь и подбородок, который был самой красивой частью её облика. У этой женщины не было ни единой пошлой черты.	Чтобы смысл словосочетания максимально близко к оригиналу, необходимо прибегнуть к семантическому согласованию. Однако передать исходную языковую единицу с помощью только одного слова не представляется возможным, так как в русском языке подобное выражение отсутствует. Поэтому мы можем использовать описательный перевод и передать исходное словосочетание как <i>независимо друг от друга извивавшиеся</i> .
31	舞得非常	ярко танцевать	现在名妓赵玉墨的舞蹈变	Буквальный пере-	Теперь движения знаменитой	Чтобы как можно

	艳	了，上流社交场子的姿态和神态全没了，舞得非常艳。	вод искажает авторский замысел. Здесь автор подразумевает, что героиня отбросила грацию и её движения стали резкими и стремительными, что придало танцу экспрессии.	куртизанки Чжао Юмо изменились, она отбросила свой великосветский вид и грацию и стала исполнять очень буйный танец .	более точно отобразить смысл, заложенный автором, целесообразно использовать функциональную замену – <i>исполнять яркий танец</i> . Но в то же время такой перевод по смыслу не соответствует контексту, ведь прилагательное «яркий» описывает нечто производящее впечатление на людей своей выразительностью, убедительностью и т.п. Здесь же автор скорее описывает пылкие, страстные движения героини, поэтому необходимо использовать лексико-семантическую трансформацию и заменить исходную лексическую единицу на прилагательное <i>буйный</i> .
32	爱得肠断	любить так, что душа разрывается	她是爱戴少校的，她是个水性杨花的女人，一颗心能爱好多男人，这三个军	Буквальный перевод здесь возможен, однако его	Она любила майора Дая. Такая легкомысленная женщина как она отдала своё сердце Чтобы сделать текст естественным и лёгким для восприятия,

			人她个个爱， 爱得肠断 。	использование делает текст громоздким и неестественным.	мужчине. Она любила всех трех солдат, любила до боли .	а также как можно более точно передать смысл рассматриваемого словосочетания возможно прибегнуть к правилу семантического согласования и заменить исходную лексическую единицу на устойчивое словосочетание любить до боли, которое также полностью отражает смысл, заложенный автором.
33	警告自己	предостеречь самого себя	他心里 警告自己 ，这是最后一句话，说完这句，再也不准另起一行。	Буквальный перевод делает предложение тяжеловесным и неестественным, а также нарушает узус русского языка.	Он решил , что это будет последнее, что он ей скажет и больше никогда не заговорит с ней.	В данном случае целесообразным является использование семантического стяжения и замена исходной лексической единицы на частичный либо контекстуальный синоним. Использование данных приёмов поможет сделать текст естественным и лёгким для восприятия, а также исключит наличие в тексте стилистических

						ошибок.
34	扭作一团	бороться друг с другом	谁都沒反应过来，两人已扭作一团。	Буквальный перевод искажает авторский замысел. Автор здесь подразумевал не драку, а именно то, что двое бросились и схватили друг друга.	Никто не обратил на это внимания, а эти двое уже сцепились друг с другом.	Чтобы передать в переводе заложенный автором смысл необходимо использовать приближенный перевод и передать исходное словосочетание как <i>сцепиться друг с другом</i> . Данный вариант перевода лучше всего отражает семантику фразы, однако при использовании такой замены pragmatika также изменится – нейтральная лексика превратится в обиходно-разговорную, но восприятию текста данная трансформация не помешает.
35	早知道	давно знать, знать раньше	中国战俘们低声议论：“早知道不该进到这破厂子里头来，跟他们拼都舞弄不开手脚！”<...>“早知道昨夜里就拼，咱那么多人，那么多条枪！”	В обоих случаях буквальный перевод не согласуется семантически с другими членами предложения, не соответствует контексту и нарушает струк-	« Так и знал , что не надо было заходить сюда. Здесь мы с ними не справимся!» – шептались китайские солдаты. <...> « Вот же! Надо было разобраться с ними прошлой ночью - нас было так много, и все вооружены!»	В первом случае необходимо использовать приближенный перевод и передать исходное словосочетание как <i>так и знал</i> . Во втором же случае мы используем лексико-

				туру предложе-ния.		семантическую трансформацию и приём компенсации, чтобы отобразить просторечие, на котором изъясняется персонаж – «Вот же!». Использование данных приёмов позволяет сделать текст естественным и избежать грамматических и стилистических ошибок.
36	外交官安全测试	роверка дипломатов на безопасность	在不久前的一次外交官安全测试中；他在表格中填了我的名字和我的背景材料。	Использование буквального перевода здесь возможно, но нежелательно, так как этот перевод чрезчур объёмный и подробный, что сделает текст перевода громоздким и неестественным.	Не так давно во время служебной проверки он написал в специальной анкете моё имя и краткую биографию.	Здесь возможно использовать приближенный перевод совместно приёмом генерализации и передать исходную коллокацию как служебная проверка. В то же время тот факт, что проверять будут именно дипломатов виден из широкого контекста. Использование данных приёмов делает текст перевода естественным и лёгким для восприятия.
37		На следующее	第二天上午，地下室的女	Буквальный пере-	На следующее утро в подвале	Употребление толь-

		утро женщины в подвале совер-шенно не двигались и не шумели	人们没一点动静。	вод может исполь-зоваться, однако его использование нежелательно, так как из него видно, что рускоязычное предложение построено по грамматическим нормам китайско-го языка и текст перевода звучит неестественно.	стояла полная тишина.	ко функциональной замены без измене-ния семантики в данном случае также невозможно. Поэто-му в данном случае необходимо также использовать при-ближенный перевод и заменить грамма-тическую основу полностью. При этом следует отме-тить, что в таком случае смысл оригинальной фразы при переводе частично теряется.
38		К тому же лицо Джорджа Ченя явно было зер-калом того, насколько Фабий зол и взвинчен.	并且, 陈乔治受惊的脸也是一片镜子, 照出他的恼怒和烦躁有多么突兀。	В данном примере при буквальном переводе предложе-ние также будет построено по пра-вилам китайского языка. Также здесь трудности вызывает состав-ное именное ска-зуемое, которое нель-зя передать на русский язык до-словно.	К тому же лицо Джорджа Ченя явно отражало насколько Фабий зол и взвинчен.	В данном случае необходимо использо-вать функцио-нальную замену, превращая составное именное сказуемое в глагольное. Следует также отметить, что при этом также ис-пользуется прибли-женный перевод, так как смысл всей фра-зы частично меняет-ся.
39		Полгода про-	半年住下来, 她的周末一	В данном случае	Однако в течение следую-	Здесь необходимо

		жила и выходные тратила только на сон.	般花在睡觉上。	использование буквального перевода предложения невозможно, и проблему создаёт именно сказуемое, выраженное глагольным словосочетанием <i>住下来 / поселиться, остановиться на постой</i> .	ших шести месяцев свои выходные она тратила только на сон.	трансформировать сказуемое, используя функциональную замену и лексико-семантическую трансформацию. Однако при этом изменится структура всего предложения в целом, и из сложносочинённого предложения с двумя грамматическими основами оно превратиться в простое.
40		В это военное время люди могут двигаться верно, не имея глаз.	仗打到这时，人们不需要眼睛也能准确行动。	Дословный перевод является буквализмом, построенным согласно грамматическим правилам китайского языка, поэтому его использование в русскоязычном тексте невозможно.	Военным, прошедшим множество битв, не нужны глаза, чтобы ориентироваться в темноте.	Здесь необходимо употребить функциональную замену, однако использовать только её также не представляется возможным. Его применение влечёт за собой использование такого переводческого приёма как распространение, которое заключается в превращении единственного члена предложения в группу либо целое придаточное предложение.

					Т.е. одно из однородных сказуемых 能准确行动 <i>могут</i> <i>верно двигаться</i> меняется, превращаясь в придаточное предложение «чтобы ориентироваться в темноте» с помощью функциональной замены, распространения и антонимичного перевода, а также частично меняет смысл фразы с помощью приближенного перевода. А обстоятельство места 仗打到这时 <i>в это военное время</i> в русскоязычном тексте также с помощью функциональной замены и лексико-семантической трансформации превращается в причастный оборот, определение к подлежащему.
41	Военные, обменявшиеся хотя бы парой слов с	这些跟汉奸们交流过一两句的战俘很快会成队伍里	Использование буквального перевода здесь невоз-	Военнопленных, обменявшихся хотя бы парой слов с предателями, вскоре окру-	В данном случае метафору следует заменить на нейтраль-

		предателями, быстро становились в отряде трансляционной станцией...	的转播站...	можно, так как данная метафора является буквализмом, который не будет понятен русскоязычному читателю и будет затруднять понимание читателем переводного текста.	жали товарищи...	ную лексику, однако при этом структура предложения также изменится, грамматическая основа поменяется полностью, т.е. будет использована функциональная замена.
42	抽动	дёргаться, содрогаться	一个战友的身躯砸在他身上, 抽动着, 头颅耷拉在他的背上...	В русскоязычном тексте мы не можем просто сказать «тело упало, дёргаясь / содрогаясь...», то, что оно упало, именно дёргаясь в конвульсиях, подразумевается узким контекстом.	Тело одного из его товарищ упало прямо на него, дёргаясь в конвульсиях , и его голова осталась лежать у него на спине.	В данном случае при переводе необходимо восстановить именно тот подтекст, который семантически относится к одному из сказуемых и в то же время исходит из определенных грамматических факторов.
43	鬼子	чёрт, дьявол, <i>перен.</i> выражает презрительное отношение к иностранцу, человеку другой расы	埋尸队队员在门外提高了嗓音：“鬼子随时回来！来了他没命，我也没命了！”	Языковая единица не имеет ни полного, ни частичного эквивалента в русском языке.	«Эти черти вернутся в любой момент! – возмутился солдат из похоронного отряда, – Они не пощадят ни его, ни меня!» ...	В данном случае для передачи этой лексической единицы можно использовать калькирование и перевести её буквально, так как из контекста читателю понятно, что автор подразумевает японских солдат, к кото-

					рым в китайском обществе в описываемые в повести времена было крайне отрицательное отношение.	
44	鬼子	чёрт, дьявол, <i>перен.</i> выражает презрительное отношение к иностранцу, человеку другой расы	埋尸人的嗓音又响起来：“那边有鬼子过来了！骑马的！”	Языковая единица не имеет ни полного, ни частичного эквивалента в русском языке. Также из контекста не понятно, кого именно подразумевает автор под этим словом.	Снова послышался голос солдата из похоронного отряда: «Там япошки ! Едут верхом!»	Наиболее целесообразно прибегнуть к применению трансформаций, сохраняя при этом прагматику, заложенную в исходном слове. Используя слово «япошки», мы не только разъясняем читателю авторский замысел, но и сохраним то пренебрежение и презрение, которое демонстрируется в произведении.
45	先生 太太 小姐 少爷	господин; госпожа; барышня; молодой господин.	“教堂里的厕所是你们用的吗？”法比说：“那是给做弥撒的先生太太小姐少爷用的！”	Буквальный перевод данных языковых единиц делает текст слишком громоздким и конкретизированным.	«Так вы пользуетесь туалетом в храме? – возмутился Фабий. – Им могут пользоваться только те, кто приходят на мессу, – благородные дамы и господа! »	В данном контексте эти обращения подразумевают членов аристократических семей, и, в связи с тем, что в тексте перевода невозможно полностью передать референциальные значение отдельных из перечисленных

						слов, следует использовать приём приближенного перевода совместно с приёмом генерализации – «благородные дамы и господа».
46	少奶奶	молодая госпо-жа; сноха главы знатной или бо-гатой семьи	他还看到她这二十五岁错过的千万个做女教师、女秘书、少奶奶、贵妇人的可能性。	В русском языке не существует ни частичного, ни полного эквивалента данной языковой единице.	Эта двадцатипятилетняя женщина легко могла бы стать учительницей, секретарём, невесткой в уважаемой семье или дамой из высшего света.	Чтобы передать значение лакуны, в данном случае уместно использовать описательный перевод, выбор которого обусловлен контекстом и призван объяснить читателю понятие, подразумеваемое лакуной 少奶奶.
47	少奶奶	молодая госпо-жа; сноха главы знатной или бо-гатой семьи	张少奶奶在丈夫世祧的西装内兜里发现了一张旅店经理的名片，苦想不出世祧去旅店做什么。	В русском языке не существует ни частичного, ни полного эквивалента данной языковой единице.	Во внутреннем кармане пиджака своего мужа молодая госпожа Чжан нашла визитку менеджера гостиницы и долго ломала голову над тем, почему Шитяо ходил туда.	В данном примере лексическая единица 少奶奶 используется как обращение к женщине и ставится после её фамилии, следовательно, использовать описательный перевод не представляется возможным – вместо него необходимо использовать приближенный перевод –

						«молодая госпожа». Также допустимо использовать переводческий комментарий, чтобы пояснить читателю статус молодой госпожи Чжан в семье.
48	虎口	пространство (часть ладони) между большим и указательным пальцем	戴涛的手已经握在瓷茶缸上, 虎口张大, 和四指形成一只坚硬的爪子。	Ни полного, ни частичного эквивалента не существует. Контекст не позволяет использовать метод транслитерации, но и описательный перевод в полном объёме исходя из того же контекста невозможен.	Во время его речи Дай Тао схватил фарфоровую чайную чашку, и рука , державшая её, стала похожа на когтистую звериную лапу.	В данном случае вполне допустимо использовать описательный перевод в сочетании с таким приёмом как генерализация. Описательный перевод данной реалии указывает на довольно узкое значение лексической единицы, т. е. на её конкретное референциальное значение. Но для того, чтобы адекватно передать это значение на русский язык, необходимо, используя приём генерализации, заменить конкретику словом с более широким значением, например, <i>рука</i> .

49	下九流	представители «низких» профессий	她还让书娟看看，她也会做红菱、做豆蔻，做一切下九流的女人，破罐子破摔，摔给你看。	В русском языке эквивалента данной языковой единицы не существует, а описательный перевод искажает авторский замысел.	Она хотела показать Шуцзюань, что она может стать такой же как Хунлин или Доукоу, стать падшей женщиной , опуститься, уронить себя.	В данном случае необходимо использовать метод трансформационного перевода, однако, реалия 下九流 является частью субстантивного словосочетания, а значит необходимо подобрать эквивалент, подходящий к существительному согласно правилу семантического согласования, так как словосочетание «женщина низкой профессии» не совсем ему соответствует. Т. е. словосочетание 下九流的女 возможно перевести на русский язык как <i>падшая женщина</i> , в таком случае сохраняется и референциальное значение, вложенное в него автором, и согласование с правилами русского языка.
50	圣贤	совершенно-	以后的三十年里，这幢十	В русском языке	В течение следующих трид-	Здесь необходимо

	мудрый и талантливый	二层高的办公楼的朝朝代代都拿老头做圣贤人物。	эквивалента данной языковой единицы не существует	цати лет многими поколениями работников этого двенадцатистяжного офисного здания старик считался великим мудрецом.	использовать метод калькирования, чтобы в полном объёме передать значение данной реалии. Т. е. передадим значение каждого иероглифа, из которого состоит реалия: 圣 - гениальный, совершенно-мудрый; прозорливый, мудрый; 贤 - умный, мудрый, талантливый [человек], способный; мудрец; талант. В итоге реалию 圣贤 перевёдем как <i>совершенно-мудрый и талантливый</i> . Однако данная реалия является частью субстантивного словосочетания. Контекст и восприятие русскоязычного читателя не позволяют перевести словосочетание 圣贤人物 как <i>совершенно-мудрый и талантливый человек</i> . Следовательно, здесь необходимо,
--	----------------------	------------------------	---	---	---

					мо также применить метод семантического стяжания и перевести данное словосочетание как <i>великий мудрец</i> .
51	翻箱倒柜	опрокинуть сундуки и перевернуть шкафы, т.е. перевернуть вверх дном	英格曼神父刚走, 从厨房里发出翻箱倒柜的声音。	Данная языковая единица является частью субстантивного словосочетания, перевести которое словно не представляется возможным, сохранить прагматическое значение также невозможно из-за отсутствия необходимого синонима в русском языке.	Когда отец Энгельман ушёл, из кухни послышался жуткий грохот, как будто кто-то рылся в шкафах .

